

**SZEGEDI TUDOMÁNYEGYETEM
BÖLCSÉSZETTUDOMÁNYI KAR**

HEGEDŰS IVÁN

**A nagyorosz szerkesztésű
egyházi szláv nyelv normájának változásai a
XVII. század második felében**

Az istentiszteleti könyvek korrektúrapéldányai
alapján

**Изменения нормы церковнославянского
языка великорусского извода в XVII веке**

На материале корректурных экземпляров богослужебных
книг

PhD-értekezés

Nyelvtudományi Doktori Iskola

**Témavezető: Zoltán András
tanszékvezető egyetemi tanár
ELTE BTK**

**Szeged
2007**

1. Введение

В нашей работе мы постараемся выявить важнейшие тенденции в изменении стандартного церковнославянского языка, исходя из материала корректурных – «кавычных» – богослужебных книг второй половины XVII века.

В последнее время исследователи все чаще обращаются к церковнославянским текстам для того, чтобы уточнить роль церковнославянского языка в образовании русского литературного языка нового типа. В первую очередь здесь имеются в виду различные традиции гибридных текстов, механизмы порождения которых отражаются и на языке нового «простого» языка XVII и XVIII вв. Однако стандартный церковнославянский язык, в том виде, как он воплотился в текстах второй половины XVII века, имеет большое значение и в современной Русской Православной Церкви, которая использует на богослужениях именно этот вариант (с незначительными с точки зрения языка текстологическими изменениями). О последних см. СОВЕ 1970.

Таким образом весьма актуальным становится более глубокое осмысление церковнославянского языка как самостоятельной системы. С одной стороны, как нам кажется, необходимо проследить историческое изменение нормы – важнейшие направления этого намечены в работах Б. А. Успенского, В. М. Живова и др. С другой стороны, как нам кажется, не менее интересно было бы провести анализ развития в разные эпохи текста и языка каждой богослужебной книги в отдельности, а также и в сравнении с другими книгами. Такое исследование, под иным углом перспективы, могло бы стать основой для составления исторического комментария к современным богослужебным книгам Русской Православной Церкви и других поместных церквей, испытавших на себе влияние русских изданий. Как известно, в тексте церковных книг как в историческом продукте сосуществуют явления, восходящие к разным эпохам, и задачей филолога является указать на эти компоненты, подобно археологу, снимая все более глубокие культурные слои, в идеальном случае доходя до кирилло-мефодиевского пратекста.

Возрождение Русской Православной Церкви в конце XX. столетия ставит задачу по-новому взглянуть на раскол, происшедший в значительной мере как реакция на новые богослужебные книги, появившиеся в результате никоновской и послениконовской sprawy. В этом мы лишь продолжим процесс, начатый в конце XIX начале XX столетия, благодаря работам таких исследователей как ГОЛУБИНСКИЙ, МАНСВЕТОВ, НИКОЛЬСКИЙ, БЕЛОКУРОВ, НИКОЛАЕВСКИЙ, ДМИТРИЕВСКИЙ и др. , которые,

отказавшись от принятых в Синодальной Церкви упрощенных схем, смогли в меру своих возможностей объективно проанализировать многие стороны духовной жизни XVII. века. В современности, наблюдая возрастающий интерес к дониконовским и более древним текстам и обрядам ощущается нужда в их реальной, всесторонней оценке.

С другой стороны, помимо практической стороны, изучение корректурных богослужебных книг нам представляется важным и для теоретической лингвистики, т. к. внимание научной мысли все больше привлекают системы, которые традиционно считались «вторичными» по сравнению с разговорным языком. В самом же деле ситуация гораздо сложнее и, пользуясь определением В. М. Живова, «компартиментализованный» по коммуникативным ситуациям языковой опыт носителя допускает взаимопроникновение этих фрагментов. Следовательно и обладавшая до этого исключительным «естественным» статусом разговорная разновидность (или разновидности) входят в эту модель и испытывают на себе влияние «вторичных» или «искусственных» подсистем. Одной из таких традиционных коммуникативных систем представляется и стандартный церковнославянский язык со своим цитатным, ассоциативным и грамматическим полем.

Результаты настоящей работы могут иметь значение и для истории современного русского литературного языка. Как мы уже отмечали, при первостепенной важности гибридных вариантов, история норм и нормирования стандартного церковнославянского языка тоже наложила свой отпечаток на поиски новых возможностей для «общего» языка петровской и послепетровской эпохи. Так например и Ломоносов в известном трактате «О пользе книг церковных в Российском языке», положившем начало теории о трех «штилях», при оценке того или иного «речения», т. е. слова, как «славенороссийское», «славенское» и «российские простонародные» не имеет иного ориентира, чем стандартный церковнославянский язык. На это указывает само название трактата – книги *церковные*, а не летописи или повести привлекают внимание Ломоносова.

При последующей полемике «архаистов» и «новаторов», хотя понятия «славенского» и «русского» на разных этапах наполняются новым содержанием, см. УСПЕНСКИЙ 1994: 149, все же необходимой константой остаются церковные книги, язык которых отражает нормализацию книжной справки второй половины XVII. века.

Изучая любое историческое явление, его изменение, исследователь обязан иметь ввиду то, что один и тот же исторический факт по-иному воспринимается

современниками, по-своему творящими его, живущими в ту эпоху, и по-иному расценивается последующими поколениями, в том числе и сегодняшними, осмысляющими те же явления из перспективы их последствий, неведомых современникам. В случае с Расколом это вдвойне так, потому что, кроме вышеупомянутой общей разницы взгляда на прошлое и настоящее, к середине XVII века создаются предпосылки к коренному изменению традиционного уклада, господствовавшего на протяжении многих веков, начиная с крещения Руси см. ФЛОРОВСКИЙ, ЗЕНЬКОВСКИЙ и др. В. Мартынов в отношении церковного пения формулирует данное изменение парадигмы восприятия мира так: «Общий упадок аскетических традиций, наблюдаемый в XVII веке, привел к тому, что аскетическое преобразование сознания перестало считаться необходимым для полноценного функционирования певческой системы» (МАРТЫНОВ 1997: 13–14). Эти слова в полной мере можно отнести и к любой сфере церковной жизни, в частности и к редактированию текстов. Таким образом данный процесс, как нам кажется, затрагивает жизнь каждого человека гораздо глубже, чем это обусловлено секуляризацией в обычном смысле слова.

Все это, а также стремление современной науки к междисциплинарности требует от нас разработки темы нашей работы в более широком контексте, с привлечением достижений смежных областей.

В сознании современников стандартный церковнославянский язык существовал не как изолированная система, а как часть церковного богослужения и домашнего общения с Богом через молитву, пение и чтение. Другими словами язык церковных книг воспринимался как язык боговыражения. Поэтому любое, пусть даже казалось бы самое незначительное изменение в этих текстах отвергалось, т. к. оно грозило искажением смысла, ересью. В особенности касается это тех текстов, которые были хорошо известны или которые все даже знали наизусть. В связи с этим, помимо важных с точки зрения книжного дела конкретных исторических событий попытаемся объяснить столь резкую реакцию традиционалистов, будущих старообрядцев, исходя из общей церковно-культурной ситуации эпохи.

В корне смены парадигмы языкового мышления стоит с особенной остротой осознанный конфликт между традиционным онтологическим и вновь актуализировавшимся в результате западного влияния конвенциональным восприятием языкового знака. Схожие процессы происходят и в других областях, связанных с церковью. Так старый стиль иконописи, следующий рекомендациям Стоглавого собора

писать как Андрей Рублев, сталкивается с новой манерой изображения, пользующейся средствами западной живописи. Особенно интересно провести параллель между изменениями в богослужбном языке и пении, которой противопоставляется в сознании традиционалистов музыка; с точки же зрения таких приверженцев новых, западных веяний, как Андрей Коренев «всякое пение есть музыка» (цит. по МАРТЫНОВ 1997: 14), т. е. подобно тому, как новаторы допускают западный, мирской стиль в изобразительной сфере богослужения, они также ратуют и за «польское» пение.

С другой стороны, традиционалисты проводят четкую границу между средствами, допустимыми для боговыражения и средствами мирской сферы. Так обстоит дело и с книжной справой при издании никоновских и послениконовских богослужбных книг

2. Книжная справа. Основные понятия, источники и методы.

История изучения никоновской справа

04. Никоновская книжная справа сама по себе является интереснейшим явлением, однако история ее специального изучения не столь велика, так как в большинстве работ ее рассматривают лишь как некий придаток к истории Раскола. Однако, несмотря на то, что натянутые отношения между властью и старообрядческими общинами благоприятствовали скорее полемическим работам, многие ученые конца XIX и начала XX столетия смогли провести беспристрастный анализ и публикацию материала, связанного с расколом и книжной справа (ср. СУББОТИН 1875–1890, МАНСВЕТОВ 1883, ГОРСКИЙ–НЕВОСТРУЕВ 1855–1917, БЕЛОКУРОВ 1891, ГОЛУБИНСКИЙ 1905, ДМИТРИЕВСКИЙ 1895, КАПТЕРЕВ 1909 и др.). На это обратила внимание и Синодальная (после 1917 г. патриаршая) Церковь, которая даже в некоторой мере пересмотрела свои взгляды на старый обряд и его приверженцев. В 1929 году вышло постановление Святейшего Синода об «упразднении клятв Московского Собора 1656 г. и Большого Московского Собора 1667 г., наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие». Данное решение было утверждено и на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1971 г. (ср. КУТУЗОВ 1992: 43, ПОМЕСТНЫЙ СОБОР РПЦ 1971/1972).

Говоря о лингвистическом изучении справа, мы должны отметить, что сравнительно поздно, лишь с конца 1960-х годов появляются работы Б. А. Успенского, позже В. Г. Сиромахи, Е. А. Аксеновой, Н. Н. Запольской, О. Б. Страховой, А. Г. Кравецкого и других исследователей, посвященные уже собственно языковым аспектам книжной справа XVII века. В этих исследованиях показано, что кроме богословского, литургического, культурологического и т. п., никоновская книжная справа и ее восприятие имели и никак не менее важный, языковой аспект: исправления часто касались не столько текстологии, сколько собственно языковых форм. При этом главная роль при справа отводилась, как декларировано, так и реально, «грамматическому учению». Соответственно, противники нововведений в своих полемических произведениях часто выражали недовольство теми или иными языковыми формами, встречающимися в новых изданиях, что свидетельствует о том, что для современников

языковая норма, которая с их точки зрения была нарушена, являлась вопросом первостепенной важности.

Ценным, и все еще в недостаточной мере изученным, источником изучения sprawy являются корректурные, или, как их называли современники, «кавычные» «ковычные» или «приправочные» книги. Они тоже однозначно свидетельствуют о грамматическом подходе редакторов, «справщиков». При этом они следуют Грамматике Смотрицкого, изданной в 1619 г. в Евье и переизданной в Москве в 1648 г. с исправлениями Михаила Рогова и Ивана Наседки. Напомним, что московские издатели опустили имя автора, принявшего унию и вместо него обращаются к авторитету преп. Максима Грека и др., чьи сочинения они добавляют к первоначальному тексту Смотрицкого. По этой причине некоторые исследователи даже ошибочно приписывали данное издание грамматики Максиму Греку (см. об этом НОРВАТСКН 1964: 1, прим. 4).

Для большей определенности сделаем несколько предварительных теоретических и методологических замечаний.

Говоря о книжной справе исследователи обычно имеют ввиду работу «справщиков» – издателей печатных книг – которая заключалась в стремлении придать новому изданию более совершенный, правильный вид. Разумеется, критерии *правильности* в разные периоды могли определяться по-разному, следуя общей духовной установке.

С другой стороны, если взглянуть на проблему со стороны книжника, то без особого преувеличения можно сказать, что справа как долг переписчика исправлять замеченные им погрешности исходного текста присутствует в интересующей нас церковной письменности практически с первых же пор. Достаточно вспомнить конец известной приписки дьяка Григория к Остромирову Евангелию 1057 года, в которой он обращается к следующему поколению книжников, которые, возможно, смогут правильнее переписать священный текст: «... да нже горзничѣ сего напише что не мози злзрѣти мьнѣ грѣшьныхоу ... молю же вьсѣхз почитажцихз не мозиѣте клати из исправльше почитантѣ...» Таким образом критический подход предполагается даже при чтении – не говоря о переписывании – текста.

Согласно теории, выдвинутой В. М. Живовым, в истории письменности до XVII века можно выделить два относительно автономных механизма порождения и понимания новых текстов: (1) механизм признаков книжности или механизм пересчета

и (2) механизм ориентации на тексты. Таким образом возможно объяснить генезис разных *регистров* книжного языка (термин, введен Живовым), например «если употребляется лишь механизм ориентации на образцы, результатом будет стандартный церковнославянский текст» ср. Живов 1996: 25. Однако, как нам кажется, для специфической ситуации, в которой находится книжник, стремящийся усовершенствовать, или, скорее приблизить к идеальному прообразу богослужебный текст (путем переписывания или внесения в готовый текст своих поправок), можно было бы предположить третий механизм, отличающийся от двух вышеупомянутых. Предлагаемая работа, как мы надеемся, поможет сформулировать сущность этого механизма. Справедливости ради отметим, что сам В. М. Живов говорит «*по крайней мере*» о двух механизмах, т. е. не исключает действие других механизмов, факторов, языковых стратегий см. Живов 1996: 23–25.

Жуковская, исследуя повторяющиеся чтения в апракосах XI–XII веков обращает внимание на значительное количество лексических замен, что говорит о том, что восточнославянские книжники этой эпохи не боялись, как их наследники в XVII в., изменять текст даже такой важной и «чувствительной» книги, как богослужебное Евангелие, более того, они делали это в пределах нескольких листов одной и той же рукописи.

Следует отметить, что исправлять текст издания могли – кроме издателей-справщиков – и наборщики, как об этом свидетельствуют записи на полях, ср. раздел 7.1. настоящей работы. Это исправление может быть внесено в текст и после завершения тиснения как наборщиками, так и справщиками. Существовала также практика вклеивания вместо бракованного листа другого, исправного, так называемого картона. Особенно интересны случаи читательских исправлений, как на то указывает А. В. Вознесенский, анализируя процесс издания и бытования московских Псалтырей 1653, 1654, 1663 гг см. ВОЗНЕСЕНСКИЙ 2004: 143–161.

3. История книжной справки. Изменения в характере и принципах исправлений

Как видно из вышесказанного, в широком смысле слова о книжной справе можно говорить едва ли не со второго поколения старославянских рукописей. Как считает М. А. Бобрик, охридская и преславская традиция представляют собой пример разного отношения к тексту, к языковому знаку. Неконвенциональный подход характеризовал работу охридских книжников, преславские же придерживались конвенционального, на который ориентировались и первоучители свв. Кирилл и Мефодий при осуществлении своих переводов. На это указывает и известный трактат черноризца Храбра «О писменах» см.: БОБРИК 1990: 62–63.

В ходе исторического развития книжники ориентировались то на один, то на другой из двух вышеупомянутых принципов, при чем сторонники неконвенционального подхода могли ориентироваться как на образец как на греческий оригинал, так и на «свои» славянские рукописи. Применение конвенционального принципа претерпело существенные изменения с возникновением грамматической традиции в эпоху т. н. второго южнославянского влияния «для которого уже давно пора найти новый термин» (Живов 1996: 26).

Самое важное, кардинальное изменение, однако, наступает с появлением книгопечатания, которое с особой остротой поставило вопрос о правильности языка, текста, так как возможные ошибки редакторов уже не оставались в пределах одной рукописи, а тиражировались. Стоглавый Собор 1551 года был ответом на ощущаемую в Московской Руси нужду упорядочения всех сторон церковной жизни. Вопрос об упорядочении книгоиздательства возникает несколькими десятилетиями позже – первая московская книга была напечатана в 1562 г. анонимной типографией – однако идейная преемственность, как нам кажется налицо. В дальнейшем проанализируем, какими принципами руководствовались книгоиздатели начала XVII в., и как эти принципы, ориентиры изменились во второй половине XVII в.

3.1 Книжная справа в первой половине XVII века

История Русской Церкви неразрывно связана с историей богослужения на Руси, а та, в свою очередь, с историей русского обряда. Обряд – форма богослужения – играл на Руси в силу особенных исторических условий очень большое, если не главенствующее, значение. Тому свои причины. Эпоха Ивана Грозного явила все признаки подъема творческой энергии русских церковных сил, дерзновенных попыток вождя Церкви митр. Макария разрешить национальными силами ряд вопросов вселенского, всемирного значения. Высоко было самосознание Русской Церкви, обильны были подвиги ее благочестия, далеко заглядывали идеологические религиозные выводы. Но столь же явны были и недостатки орудий и средств к реальному осуществлению ее высоких замыслов. Одним из главных недостатков в сравнении с величием открывшейся русскому взору его вселенской задачи была бесспорно скудость школьного, научного просвещения, недостаток культуры. К XVII столетию внешность Русской Церкви казалась не менее, а даже более, чем прежде, благолепной, ибо украсилась помпой патриаршества. А полет русской богословской мысли явно засыпал и уходил в песок. И интерес ее невольно сосредоточивался на стороне несколько второстепенной, но психологически характерной для русского религиозного темперамента: на стороне культа и обряда. Вот тогда-то и становился еще более очевиден уровень «технической невооруженности», отсутствие школы, отсутствие исторических и археологических знаний.

КАРТАШЕВ1993, стр. 86

Усвоенная Москвой с половины XVI века техника книгопечатания наглядно и ярко выявила перед руководителями Русской Церкви широкое разнообразие и бесчисленное множество ошибок в рукописных оригиналах богослужебных книг, которым теперь пора было придать однообразие. Но перед этими вопросами неученая и бесшкольная начетническая русская иерархия оказалась беспомощной: все средства к просвещению находились у нас в жалком состоянии. Книги печатались, конечно, по предварительной правке, но правка эта ограничивалась консультацией оказавшегося под рукой начетчика и, естественно, никогда не претендовала на подлинное единообразие и тождество с древним русским, и тем более греческим текстом, о котором, в силу незнания, просто забывали. Как править книги? Даже Стоглавый собор не нашелся сказать ничего более ясного, кроме как «писать с добрых переводов». Не определялся ни критерий «доброты», ни кодекс оригинальных изданий. Эта степень

беспомощного невежества была одним из симптомов неслышно приближавшейся церковной катастрофы – грядущего раскола старообрядчества. Первыми продуктами московского книгопечатания были четыре богослужебных книги: Евангелие, Апостол, Часослов и Псалтирь, печатание непрерывно расширялось, продолжаясь даже во время Смуты. В 1611 г. при поляках Печатный Двор оказался сожжен, но тем не менее, при патр. Иове было напечатано восемь книг, три при патр. Ергогене. [КАРТАШЕВ 1993, стр. 87] Последний, для предупреждения ошибок, установил при типографии особое звание книжных справщиков. [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 405] Из предисловий видно, что некоторые книги редактировали даже и сами патриархи, но объем и метод редакции оставался неясен.

Первые заметные попытки исправления богослужебных книг новой эпохи начались в период междупатриаршества 1612–1619 гг. Ясной и неизбежной становилась задача достижения единообразия в тексте путем сравнения его с древними «пергаментными» списками, а еще лучше, и греческим оригиналом. Среди бесшкольных начетчиков найден был знаток греческого языка, канонарх ТСЛ, старец Арсений (Глухой), самостоятельно выучивший греческий, который и «был выписан» в Москву по царскому распоряжению «для государева дела, что правити книга Потребник в печатное дело». К Арсению присоединился поп Иван Наседка, оказавшийся в Лавре еще во времена Смуты. Сравнение с греческим оригиналом тут же открыло новым справщикам величину затеянного мероприятия, а разница текстов в атмосфере тогдашней Москвы заставила засомневаться в недостатке своего авторитета для подобных исправлений. Арсений и Наседка исхлопотали при Дворце протекцию и испросили себе в помощь лаврского игумена Дионисия (прп. Дионисия Радонежского) и библиотекаря Антония, также знавшего греческий, чтобы те разделили с ними и труд, и ответственность. [КАРТАШЕВ

1993, стр. 88–89] Предчувствие не обмануло, и вся научно-просвещенная критическая работа по чистке текста действительно грозила неизбежным гонением и карами. Московские справщики вернулись в Лавру, взяв с собою из царской библиотеки три древних Потребника, среди которых один еще митрополита Киприана (XIV в.). Безднажность сводки русских текстов в один без критерия греческого оригинала, и при этом дух чрезмерного консерватизма и национальной ксенофобии, заставляли Арсения отказываться от начатого дела. Москва едва ли сможет перешагнуть через амбиции «истинного Православия», не приняв греческую правку как кощунственное оскорбление всех национальных русских чувств. Так и случилось.

И вот, пишет Дионисий, «безо всякия хитрости, сидели полтора года день и ночь» над добросовестной работой, с небывалой еще тщательностью приняв во внимание около двадцати текстов славянских (старейшие были написаны более чем за 150 лет – времени Максима Грека) и использовали и пять печатных греческих изданий [КАРТАШЕВ1993, стр. 89]. В большинстве случаев исправления касались только грамматических и смысловых моментов, например окончаний молитв, обращенных к Одному Лицу, и при этом механически заканчивающихся славословием всем Трем Лицам Св. Троицы. Находились и более грубые. Так, например, в конце одной из молитв, обращенной к Богу Отцу, значилось: «молитвами Пречистые Ти Матери». А о воплощении Сына Божия в служебниках вообще говорилось, что «Бог Отец с Сыном воплотися». [ТРОИЦКИЙ ПАТЕРИК1992, стр. 275] Ошибки находили не только в прежних печатных книгах. Найдено было что исправлять и в новых изданиях с благословением митрополита Ионы, патриаршего местоблюстителя. Это вызывало раздражение временной церковной администрации, не говоря уж о том, что справа была затеей не его, Ионы, а государевой власти. [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 406] Особенно много всяких, в том числе и серьезных ошибок, найдено в новейших перепечатках Типикона 1610 г. Издание это было приготовлено к печати головщиком ТСЛ Логгином Коровой и уставщиком Филаретом. Они были людьми крайне дерзкими и невежественными. О Филарете известно, что он в своей неучености мог исповедывать и богохульные ереси [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 408], а Логгин еще и раньше доставлял своему архимандриту Дионисию скорби, безчинствовал при богослужении, ругал и плевался, даже вырывал из рук книги и однажды изломал архимандриту жезл. ТРОИЦКИЙ ПАТЕРИК1992, стр. 276] Они-то и составили оппозицию вместе с Крутицким митрополитом. Против sprawy настроили и царскую мать – Марфу Ивановну. [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 407] И как только в июне 1618 г. Дионисий представил работу, митрополит Иона тут же на 18-е июля назначил собор. Цель собора превзошла все наихудшие ожидания справщиков, он собирался не для принятия результатов работы, а прямо для суда над ними.

На соборе, под председательством Ионы, помимо оппозиционеров был еще только Авраамий, архимандрит Чудовский, и несколько лиц из московского духовенства. «Имя Св. Троицы велел в книгах марать и Духа Святаго не исповедует, яко огонь есть», – выступал Логгин с Филаретом. [КАРТАШЕВ 1993, стр. 90]. Справщики позволили себе в чине водоосвящения в освятительной формуле: «и освяти воду сию Духом Твоим Святым», убрать распространенную русскую приставку: «и огнем», породившую в традиции соответствующее символическое погружение в воду вместе с

крестом в момент освящения и пучек зажженных свечей. Дионисий, Арсений и Наседка оказались осуждены за это как еретики. Четыре дня длились заседания, собор присудил: «арх. Дионисия и попа Ивана от церкви Божией и литургии служить отлучаем, да не священнодействуют». [КАРТАШЕВ, стр. 90; 6, стр. 281] Главного «еретика», Дионисия, присудили сослать в окопах в Кирилло-Белозерский монастырь, куда он не попал только ввиду военного закрытия дорог. Велено было содержать его в Новоспасском монастыре, где его сорок дней томили на палатах в дыму, били плетью, морили голодом и заставляли в день принародно на полощади класть тысячу поклонов «за грехи». [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 409] Прп. Дионисия приводили скованного в сени патриарших покоев и заставляли там в жаркие летние дни стоять без капли воды, мучили насмешками и побоями. Когда Дионисия на худой лошади везли по улицам, чернь толпами выходила потешаться над ним, бросать в святого камнями и грязью. Народу разъясняли нелепую вину: хотел «вывести огонь из мира». [КАРТАШЕВ, стр. 90–91; 2, стр. 276] Последнее особенно производило впечатление на ремесленников, которым без огня невозможно было ничего делать... [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр.407]. Помимо идейных, судя по всему, присутствовали еще и тривиальные причины. Архимандрита богатейшего по тем временам монастыря принуждали заплатить «за вину» 500 рублей. «Денег у меня нет, да и дать не за что», – отвечал преподобный, чем еще более усиливал ярость обвинителей. [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 406]

Подсудимые справщики имели что сказать в свое оправдание. Прп. Дионисий написал оправдательную речь общего характера, адресуя ее «ко всем православным христианам». Арсений, которого томили в цепях на Кирилловском подворье [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 409], написал две речи: к боярину Борису Михайловичу Салтыкову и к протопопу Ивану Лукьянову. Арсений доказывает свое православие, дипломатически смиряется, но не скрывает правоты проведенного книжного исправления. Упрек судьям не лишен даже некоторой иронии: «Есть, государь, и такие, которые на нас ересь возвели, но едва и азбуку умеют. А то ведаю, что они не знают, какие в азбуке письмена гласные, согласные и дwoегласные. А чтобы разуметь 8 частей речи и что такое роды и числа, времена, лица и залoги, то им и на ум не восходило». Арсений смиренно сознается в возможных ошибках, «но не от хитрости, а от ненаучения и слабости разума», и просит, де «достойно и великому святителю Ионе покрыть погрешность нашего ненаучения своим человеколюбием». [КАРТАШЕВ, стр. 92–93] Бесшкольные и безлитературные враги мучеников просвещения, не умея что ответить, нашли себе бойкое продажное перо в лице бродячего монаха Антония из

Подолии. Антоний с особым размашистым удовольствием противопоставляет смиренным московским самоукам свою юго-западную ученость, и особенно нападает в своих листовках на Ивана Наседку, называя его и «пройдохой», и «ловкачем», и «еретиком». Наседка, которому удалось избавиться от заточения [МАКАРИЙ], пространно, в 35 главах, возражает ему, применяя и все свое начетническое знание, и богословское чутье, и даже диалектику. Ссылаясь на книгу Бесед Евангельских, Наседка интуитивно точно формулирует принципы восточного апофатического богословия, применяя их к недавнему спору о Духе Святом и об «огне». [КАРТАШЕВ, стр. 93] В лице оппонента недавний справщик упрекает и всех своих соотечественников, укоряя их за невежественное слепое поклонение печатному тексту. По моменту и обстановке, как противовес пропаганде Антония перед рыночной толпой, сочинения Ивана снабжены ответными бранчливыми эпитетами, сарказмом и острым словом. Обличая своего антагониста в пьянственном житии Наседка пишет: «не сатана выучил тебя, Антоний, мудрствовать, но родной брат и тебе и мне – утопленный в сусле хмель». [КАРТАШЕВ, стр. 94] Несмотря на все ходатайства, несчастные ученые самоуки так и не могли освободиться от осуждения, пока властвовал Иона, и пока не пришел конец междупатриаршеству...

В 1619 году вернулся из плена отец Государя – митрополит Филарет, а в июне он был поставлен патриархом. Иерусалимский патр. Феофан, прибывший в Москву, нашел здесь еще «любопряхихся мнозех о прилозе (и огнем)», – как писал позже он сам. [МАКАРИЙ] Разобравшись в истории он обратил внимание нового русского первосвященника на Дионисия и его невинных сострадальцев, предложив облегчить их положение. Один из справщиков, Иван Наседка, познакомил патр. Филарета со своим делом, и даже представил ему обширную «Речь» с изъяснением всех подробностей. В том же году был созван специальный собор, состоящий на этот раз не только из московского духовенства, но из всех русских архиереев с подчиненными им духовными лицами, присутствовали оба патриарха и сам государь [там же]. Первоначально справщики были освобождены, но осторожный первосвященник только тогда полностью оправдал их, когда получил и от других восточных патриархов отзыв о словах «и огнем» в освященительной молитве. [ЗНАМЕНСКИЙ 1996, стр.282] Это случилось 5 апреля 1625 г., т. е. спустя более пяти лет со времени отъезда Иерусалимского патриарха из Москвы. Прибыли послы: архимандрит Кирилл, келарь Акакий и старец Герман – и привезли от патриархов Александрийского Герасима и Иерусалимского Феофана грамоты и греческие списки молитвы на Богоявление.

Александрийский патриарх адресовал свою грамоту (писанную еще в 1623 г.) на имя самого Государя Михаила Федоровича. Он исследовал вопрос о приставке, и заключал – «Тем же убо сему прилогу (– «и огнем») всячески не подобает в вас пребывати, но паче отвержену быти далече» [МАКАРИЙ]. В следующем, 1626 году, от имени патриарха Филарета была издана специальная грамота, в которой повелено не читать более этой приставки и зачеркнуть ее в требнике, [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 409] а еще раньше Иваном Наседкою по благословению патриарха написано специальное сочинение относительно этой прибавки. [МАКАРИЙ]

Как ни ограничен был личный школьный горизонт патр. Филарета, недостаточный запас церковных книг на фоне быстро развивавшегося в Европе книгопечатания первосвятителя беспокоил. Время междупатриаршества породило увядание церковного книгопечатания и новый патриарх понимал книжную скудость Русской Церкви. В 1620 г., типография, временно после пожара работавшая в Кремле, перенесена была обратно на старое место на «Никольском Крестце», и в ней было уже 70 печатных станков. «Зельною ревностию одержим быв к божественным книгам, повелел печатание строиться безпрестанно и предавать книги по всей русской земле святым Божиим церквам» – повествует предисловие одной напечатанной при нем книги. [КАРТАШЕВ, стр. 99] Прп. Дионисий и его сотрудники, пользуясь благосклонным отношением новой церковной власти, указали и на иные многочисленные ошибки в церковных книгах. Согласно с волею патр. Филарета особенно были пересмотрены Потребник и Служебник. [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 410]. Для работы над книжным исправлением отведена была особая комната – «Правильная палата». В качестве справщиков при типографии состояли уже новые люди, по тогдашнему времени высокограмотные. Трое из них: прежний старец Арсений Глухой, Богоявленский игумен Илия и мирянин Григорий Онисимов знали греческий язык. С ними работали еще старец Антоний Кралев и Иван Наседка. При справщиках состоял вспомогательный штат чтецов и писцов. В их распоряжении оказалась богатейшая коллекция пергаменных и бумажных, по возможности самых древних рукописей, собранных по особому указу царя и патриарха: «повелеста от градов книги харатейныя добрых переводов древних собрата и от тех древних божественных писаний стихословия исправляти, яже неисправлением от преписующих и многолетних обычаев погрешена быша». Патриарх продолжал проявлять осторожность, и книги велено было справлять преимущественно по своим же – древним славянским «харатейным» спискам. Инструкция сверху удерживала от последовательного греческого критерия,

справщики ей покорялись, но, скорее всего, как знающие греческий, не могли не пользоваться последним в случае выбора наилучшего варианта из тех или иных русско-славянских. В тоже время, не имея единого критерия правильного текста, справщики добросовестно сознавались в послесловиях в допущении разных погрешностей и потому просили у богослужбных исполнителей снисхождения и прощения. Чуждый буквоедческого представления о непогрешимости текстов скромный метод их работы не приводил к механическому единообразию текста, поэтому в разных богослужбных книгах новых изданий могли встречаться разночтения одних и тех же молитвословий. [КАРТАШЕВ, стр. 99]

Злополучный Логгинов устав постигла особая судьба. Когда патр. Филарет убедился в наличии множества ошибок и несуразностей, то прибег к громкой и показательной мере публичного его сожжения. [КАРТАШЕВ, стр. 101; 3, стр. 410] В 1633 г. патриаршим указом приказано отобрать экземпляры этого Типикона у всех церквей и монастырей и прислать в Москву. Столь бесславный конец, хотя и не без демагогии и некоторой надуманной вины обоснованный церковными властями, все же, по-видимому, достойно завершил историю несправедливого осуждения пионеров отечественной научной книжной sprawy. «Те Уставы печатал вор, бражник, Троицкаго-Сергиевскаго монастыря крылошанин, чернец Логгин, без благословения святейшаго Ерогена, патриарха Московскаго» – приговор суров и неумолим. Хотя предисловие нескольких уцелевших экземпляров и показывает, что Типикон был издан все же прямо «благословением и свидетельством п. Ерогена»... [КАРТАШЕВ, стр. 101–102]

Итак, благодаря особому вниманию к книжно-типографскому делу патр. Филарета, к концу его первосвятительства получился довольно показательный статистический итог. Московская типография за время патр. Филарета напечатала книг больше, чем за все время русского книгопечатания. Богослужбный круг оказался полностью снабжен новыми книгами, в некоторых случаях даже по несколько изданий. Изданы были все двенадцать Миней месячных, печатание их продолжалось одиннадцать лет: книги за сентябрь и октябрь вышли в 1619 г., а книга за август в 1630 г. Служебник издавался шесть раз (1620, 1623, 1627, 1630, 1632, 1633). Часослов – пять раз (1628, 1631 – дважды, 1632, 1633). По четыре раза изданы были Апостол (1621, 1623, 1631, 1633), Требник (1623, 1625, 1633 – дважды) и Минея общая (1623, 1626, 1629, 1632). По три раза – Евангелие (1627, 1628, 1633), Псалтирь (1620, 1624, 1632), Псалтирь следованная (1626, 1628, 1632), Устав церковный (1631, 1633 – дважды), Триодь постная (1621, 1628, 1630). По два раза – Триодь цветная (1621, 1630),

Шестоднев (1625, 1626), Евангелие учительное (1629, 1633). По одному разу – Октоих (1631) и Каноник (1631) [МАКАРИЙ]. На титульных листах всех книг значится благословение патриарха, а у некоторых из них отмечено и личное его свидетельство. Заботясь о полноте богослужения и о приведении его к однообразию, царь и патриарх щедро рассылали их по городам для раздачи в церквях, монастырях и торговым людям в лавки. Приказано было брать за книги «деньги по той цене, во что те книги стали в печати, без прибыли, чтоб теми книгами св. Божия церкви просвещались и имя бы Божие славилось, а за них бы, государей, Бога молили». В некоторые же церкви и монастыри, например Сибирского края, книги рассылались совсем бесплатно [там же]. Инструкции патр. Филарета, снисходя к общей скудости, не запрещали употребления всех прежних книг, но при этом подчеркивали, что книги эти далеко несвободны от многих ошибок, и подлежат постепенному вытеснению новыми печатными изданиями. [КАРТАШЕВ, стр. 100–101]

Патр. Филарет долгое время не запрещал употребления богослужбных и учительных книг, вышедших из типографий Львовской, Виленской, Супрасльской, Киево-Печорской и проч. Издания эти давно расходились в Московских пределах и стояли на полках библиотек у самих патриархов. Но в 1627 г. патр. Филарет решил изменить эту ситуацию бесконтрольности и применил к книгам особую, строгую цензуру. Было проведено расследование, вследствие которого в 1627 г. в Москве всенародно сожжено «за слог еретический и составы, обличившиеся в книге» 60 экземпляров Учительного Евангелия Транквиллиона и изъяты иные книги. После этого патр. Филарет поднял вопрос о генеральной чистке от книг литовской печати. В 1628 г. царь и патриарх вновь приказали произвести по всем церквам точную перепись: сколько в каждой церкви книг московской печати и литовской; от каких годов печати идут литовские книги; не останутся ли церкви без пения, если все литовские книги отобрать. Церкви извещались, что решение царя и патриарха твердое, и что на место отобранных будут высланы книги московской печати, а литовские дозволялось держать лишь по нужде и до получения новых, «чтобы в церквах без пения не было». [КАРТАШЕВ, стр. 102]

В связи с книгопечатанием при патриархе Филарете следует еще добавить о деле с катихизисом прот. Лаврентия Тустановского (по греческому прозвищу Зизания), брата известного борца против унии в Вильне, Стефана Зизания. Он прибыл из Ярослава (Галицкого) в Москву бить челом о милостивом приеме, ибо поляки его выгнали, церковь его разорили и все имение у него отняли. Лаврентий был принят с

честью и представил свою книгу, выразив желание напечатать ее здесь, в Москве. Но почуяв напряженно-критическую атмосферу Москвы и строгую цензуру, представляя рукопись катихизиса патр. Филарету Лаврентий «бил челом государю, святейшему патриарху, чтоб книгу исправить». [КАРТАШЕВ, стр. 102–103; 5] Патр. Филарет отдал катихизис своим компетентным специалистам и справщикам, но уже вскоре распорядился отдать книгу в печать, а по напечатании намеревался пожертвовать все это издание в распоряжение автора, в форме милостыни. Об исправленных местах уже по напечатании указано было обменяться мнениями в своеобразном богословском диспуте. Таких собеседований было три, и в ходе их выяснились некоторые мнения автора, которые отнюдь не казались московским грамотеям православными, хотя они и не умели сформулировать и обосновать свою позицию. А при дальнейшем чтении текста обнаруживалось, что с благоволением Москвы по отношению к книге Лаврентия явно поторопились. Доклад об этих собеседованиях патриарху Филарету привел его в смущение, без соборного суждения такую книгу пускать в ход было нельзя. Было приказано из типографии книгу не выпускать. Она там и осталась до новых переделок, а в данном Лаврентию виде она сохранена лишь в нескольких экземплярах и без выходного листа. Этот опыт с публикацией новой богословской книги в очередной раз обнаружил школьную немощь Москвы. [КАРТАШЕВ, стр. 103–106; 5]

После смерти Филарета Никитича при новом русском патриархе Иоасафе I печатание богослужебных книг продолжалось очень оживленно. Типография работала уже аж на 12 станках и за шесть лет правления патр. Иоасафа было выпущено 23 книги, больше по наименованию чем при патриархе Филарете. Среди них было 7 книг новых, с особым усердием напечатанных впервые после рукописного периода. Сначала патр. Иоасаф издал Требник, Типикон и Служебник Филаретовы, без всяких изменений, но позднее он поменял в них многое. Главное исправление состояло в пополнении чинов молитвами и действиями, частью же напротив – в отмене некоторых указаний (напр. касательно употребления рыбы в посты и др.). [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 410] Так, в Филаретовом Требнике 1623 г. указано: «аще случится младенцев 2 и 3 крестити, то коемуждо младенцу особо глаголати и все доследование святого крещения и крестити». А в Иоасафовом Требнике 1639 г. уже предписано «аще случится 2 или 3 крестити и множае, то глаголем молитвы обще всем, а не особо всякому, и все доследование св. крещения, точию имя глаголем коемуждо свое». Кроме того, в Требнике 1638 г. в обряде крещения и бракосочетания было изменено кол-во возгласов и молитв. К Требнику прибавлен «Номоканон» – канонико-богословский справочник,

составленный южноруссом Захарием Копыстенским [ЗЕНЬКОВСКИЙ 1995, стр. 94]. В Филаретовом Требнике есть особый «чин погребению священническому», а в Иоасафовом замечено, что этот чин – «от Еремея попа болгарского» (т. е. квалифицирован, как текст богомильский) [КАРТАШЕВ, стр. 111]. В Октоихе исправлялись ошибки переписчиков проверкою по спискам [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 410]. В пособие улучшению книг собирали различные славянские списки в Москву из монастырей. Кроме того, создавалась своего рода целая армия свежих, толковых справщиков. В 1641 г. потребованы были для этого из всех монастырей в Москву «старцы добрые и черные попы и дьяконы, житием воздержательные и крепкожительные и грамоте гораздые». [КАРТАШЕВ, стр. 111] Патр. Иоасаф, как и его предшественники, сознавал, что справа все еще остается не совершенной, и что в новых книгах все же возможны ошибки. В послесловии к Требнику 1639 г. написано: «молим же вы... аще что узрите в них нашим забвением или неведением просто что и неисправлено или погрешно от неразумия; то простите нас грешных». [ТАЛЬБЕРГ 1959, стр. 410] А в послесловии к псалтири 1641 года замечание даже более решительное: «аще вникнувше обрящите в ней неукрашение в словесех или погрешение в речех или неудобрение в деле... да исправите, молимся». [там же]

По заведенному уже порядку книгопечатание на Москве при следующем русском Патриархе – Иосифе – расширялось и развивалось, объемы изданий увеличивались, история сохранила нам 36 наименований. [МАКАРИЙ; 6, 282] Но научных знаний для критики текстов не хватало, и книги по-прежнему размножали грамматические и смысловые ошибки. В основании ошибок лежал старый коренной недостаток: ограничение правки своими же славянскими образцами, хотя и древними «харатейными», но без сравнения с греческим оригиналом. Таким образом ошибки кочевали из издания в издание, закреплялись и размножались; секрета из взаимных расхождений не делалось и самими правщиками. Получалось так, что в одних деталях книги были сходными с изданиями патр. Иова, в других – патр. Филарета, в третьих – патр. Иоасафа... [КАРТАШЕВ, стр. 116] Сложился свой, новый состав справщиков, хотя среди них нетрудно заметить и бывших, опытных теперь уже, ученых-книжников. Это были: Иван Наседка, постригшийся к этому времени в монашество с именем Иосиф, протопоп Черниговского собора Михаил Рогов, и менее известные: архимандрит Андрониевского монастыря Сильвестр, протопоп Александро-Невского собора Иоаким, старцы: Савватий, Евфимий и Матфей и светские лица: Шестак Мартемьянов, Захарий Афанасьев и Захарий Новиков. [МАКАРИЙ; 6, 282; 7, стр. 92]

Над ними надзирали: прот. Стефан Вонифатьев с его друзьями, Казанским прот. Иваном Нероновым и прот. Аввакумом Юрьевским. [КАРТАШЕВ, стр.118] Между прочим, в это же время начинал свою «книжную карьеру» и Арсений Грек, личность сомнительная и авантюрная – проявившаяся позже уже при патр. Никоне. Иосиф вовремя распознал Арсения и удалил его в ссылку. [ЗНАМЕНСКИЙ 1996, стр. 283–284]

Самый обширный отдел книг, изданных при патриархе Иосифе, составляют книги богослужебные, издававшиеся и прежде. Учебная Псалтирь напечатана была восемь раз (1642, 1645, 1647, 1648 – дважды, 1649, 1650, 1651). Затем по пяти раз напечатаны: Часослов (1643, 1646, 1651 – дважды, 1652), и Потребник (1646, 1647, 1649, 1651, 1652). По четыре раза: Евангелие (1644 – дважды, 1648, 1651) и Служебник (1646, 1647, 1650, 1651). По три раза: Псалтирь следованная (1642, 1647, 1649), Минея общая (1643, 1644, 1650) и Триодь постная (1642, 1648, 1650). Дважды – Апостол (1644, 1648), Октоих (1644, 1649), Святцы (1646, 1648), Каноник (1646, 1651) и Шестоднев (1646, 1650). И один раз: Учительное Евангелие (1642), обе половины Пролога (1642 и 1643), Минея на все двенадцать месяцев в двенадцати книгах (1644–1646), Молитвослов (1647), Цветная Триодь (1648) и церковный Устав (1651). [МАКАРИЙ]

Вступление Иосифа на патриаршество ознаменовалось изданием его собственных проповедей и поучений, в этом же году были изданы статьи Иоанна Наседки и других московских ученых того времени. [ЗЕНЬКОВСКИЙ 1995, стр. 96] Кроме этих и богослужебных изданий, эпоха патр. Иосифа отмечена появлением в печати у нас и ряда других новых книг: перепечатана уже изданная в Западной Руси первая грамматика церковно-славянского языка еп. Мелетия Смотрицкого, ставшая настольной книгой русских педагогов более, чем на целое столетие [там же, стр. 94]. Из творений Отцов Церкви напечатаны: «Лествица» прп. Иоанна, поучения аввы Дорофея, «Толкование на Четвероевангелие» блаж. Феофилакта, письма прп. Ефрема, святоотеческий сборник поучений из сочинений Анастасия Синаита, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Двоеслова, Епифания Кипрского, Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоустого, Кирилла, еп. Туровского, и многих других. Изданы также жития русских святых вместе с службами им: прп. Саввы Сторожевского, прпп. Сергия и Никона Радонежских, свт. Николая. Примечательно, что житие радонежских подвижников вышло в свет под редакцией Симона Азарьина, одного из любимейших учеников первого книжного справщика и первого мученика просвещения XVII в. – архимандрита ТСЛ Дионисия. [ЗЕНЬКОВСКИЙ 1995, стр. 100] Но особую

известность получили так называемые «Кириллова Книга» и «Книга о вере».

[КАРТАШЕВ, стр. 117; 5; 7, стр. 97–100]

В послесловии «Кирилловой Книги» сказано, что царь Михаил Феодорович приказал «от св. писаний учинити на еретики и раскольники наша православные христианские веры на римляны и латыни, на люторы же и кальвины... И пустити ю во всю русскую землю всякому православному христианину, хотящему ее почитати и божественные догматы ведети и те еретические уста заграждати». [КАРТАШЕВ, стр. 117; 5] Книга названа «Кирилловой» по первой статье под заглавием «Книга иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского, на осьмый век». На самом деле это довольно обширное, подразделенное на 9 глав, толкование виленского книжника Стефана Зизания на 15-ое огласительное слово св. Кирилла, с присовокуплением оригинала. Эта работа уже была напечатана на польском языке в 1596 г. в Вильне, и теперь снова увидела свет у нас в Москве, в церковно-славянском переводе. Работа достаточно апокалиптично настроенная и спорная. Зизаний доказывает, что кончина мира и второе пришествие должны явиться уже в VIII «веке» (т. е. «тысячелетии») от сотворения мира, а потому как он уже наступил, то и антихрист уже пришел, и царит в лице римского папы [там же]... Сюда же перепечатали в церковно-славянском почти всю «Книгу о вере единой, святой, соборной и апостольской церкви», изданную в 1619 г. в Киеве против протестантов архимандритом Печерским Захарием Копыстенским. Дальнейшие главы в большинстве своем являются перепечатками из различных православных изданий Литовской Руси, всего насчитывается до 48 статей. [МАКАРИЙ] Как известно, «Кириллова Книга» была скомбинирована и напечатана на предмет состязаний о вере и убеждениях королевича Вольдемара одним из участников диспута – Михаилом Роговым, помогал которому Иосиф Наседка и «прочие избранные мужы». В свое время книгой пользовался сам патр. Иосиф во 2-м своем послании к принцу Вольдемару. [там же]

Другое иосифовское издание, «Книга о вере», над составлением которой потрудились уже киевский книжник, игумен Михайловского монастыря в Киеве, Нафанаил, представляло из себя критику униатства, с которым учившийся ранее в латинских школах у иезуитов автор оказался знаком не понаслышке. Примечательно, что он приводит текст исповедания веры, произнесенного в Риме пред папой в 1596 г. Кириллом Терлецким и Ипатием Потеем. Исповедание, скрытое от народных масс, и на деле являвшееся полной капитуляцией перед латинством... [КАРТАШЕВ, стр. 117] В книге собраны тридцать глав «не от своего умышления», заимствованные из других

источников юго-западной Руси, в том числе 10 глав из «Палинодии» Захария Копыстенского, еще не опубликованной. Присланная составителем в Москву по просьбе царского духовника, она также была переведена на церковнославянский язык и издана с прибавлением статьи о крещении. Это было так называемое «Феодоритово Слово», напечатанное в 1627 г. Лаврентием Зизанием в «Большом Катехизисе», только московские грамотеи изменили в нем троеперстие своим двуперстием... Этот апокриф перенесен и в другие печатные книги – Псалтырь 1642 г., в «Кириллову Книгу» и т. п. Между прочим, именно с этого времени распространилось и отчетливое указание «сугубить» аллилуию, видимо, стараниями научных «надсмотрщиков» книгопечатания и справы – Стефаном, Нероновым и Аввакумом. [там же, стр. 118]

Говоря о книжной справе патр. Иосифа, следует упомянуть еще о «Малом Катехизисе» митр. Петра Могилы, первый раз изданном в Киеве в 1645 г. и теперь перепечатанном в Москве с некоторыми исправлениями. В 1650 г. была отпечатана также, хотя и не выпущена, «Кормчая» по спискам рязанской редакции (древн. пергаменный список XIII в.). Пересмотренная и распространенная уже при следующем Патриархе она вошла в историю под названием «Никоновой». [КАРТАШЕВ, стр. 117; 5] Книжное дело продвигалось уже слишком уверенным шагом. К концу своего правления престарелый Иосиф не поспевал за событиями и фактически потерял бразды управления, а за дело преобразований взялся уже Никон, грядущий Патриарх... [ЗНАМЕНСКИЙ 1996, стр. 284]

Книгопечатание в Московской Руси началось значительно позже, чем на западе Европы, и даже почти на полстолетия позже чем в русских областях Польши и Литвы – лишь около 1550 года. Это усугублялось еще и слабостью ученого дела, столь необходимого при исправлениях и унификациях нового печатного материала. И хотя к середине 17-го века книжная справа и печатное дело на Руси шло уже полным ходом, все явственнее вскрывалась книжно-научная беспомощность Москвы. Начиная со времени междупатриаршества все первосвятители второй четверти века радели об исправлении богослужебных книг и обрядов, но так уж было суждено историей, что потребности и амбиции превзошли возможности. Под влиянием ревнителей православия и книжников-богословов, Москва, казалось бы, возрастала во влиятельный центр, к голосу и политике которого начинали прислушиваться и западноруссы, и даже православное население Востока, все чаще смотрящее на Москву, как на залог освобождения от турок. Но решительная и спешная рука нового Патриарха, медвежья услуга восточных доброжелателей и все более явственная церковная катастрофа – вот

тот горький пафос истории, которым она увенчала бесславный триумф московской книжной справы...

4. Книжная справа во второй половине XVII века

4.1. В Московской Руси XVII века произошел ряд потрясений, кардинальным образом изменивших жизнь. В церкви таким событием был раскол, который в значительной мере был вызван никоновской книжной справой – процессом, воплотившим в себе новые веяния, пришедшие в Россию из Юго-Западной Руси. Термин «никоновская» справа является условным, так как непосредственно патриарх Никон не играл в ней решающей роли, и редактирование церковных книг продолжалось в том же направлении и во время междупатриаршества и при последующих патриархах. Несмотря на это, обрядовые и книжные реформы, предпринятые во второй половине XVII столетия, срослись с именем Никона, и, таким образом, мы считаем правомерным использование этого термина некоторыми исследователями и для общего обозначения справы второй половины XVII века.

Справедливости ради следует отметить, что по мнению самых авторитетных историков Русской Церкви книжная справа не была главным делом патриарха Никона (ср. ФЛОРОВСКИЙ 1939: 63 и след., КАРТАШЕВ 1959: 147 и след.), так как к ней он со временем даже охладел; как известно, он позволяет Ивану Неронову служить по старым книгам (см. ЗЕНЬКОВСКИЙ 1970: 226), а в Иверском монастыре разрешает печатать книги по прежним образцам (ср. КАПТЕРЕВ 1909/I: 267). Настоящим делом Никона была борьба с мирской властью за возвращение церкви той общественной роли, которой она была лишена во второй половине XVII века. Никон был ярким противником Монастырского Приказа, организованного согласно Уложению 1649 года, которое Никон считал «бесовским и антихристовым лжезаконом» (см. ФЛОРОВСКИЙ 1937: 67).

Никоновская книжная справа сама по себе является интереснейшим явлением, однако история ее специального изучения не столь велика, так как в большинстве работ ее рассматривают лишь как некий придаток к истории Раскола. Однако, несмотря на то, что натянутые отношения между властью и старообрядческими общинами благоприятствовали скорее полемическим работам, многие ученые конца XIX и начала XX столетия смогли провести беспристрастный анализ и публикацию материала, связанного с расколом и книжной справой (ср. СУББОТИН 1875–1890, МАНСВЕТОВ 1883, ГОРСКИЙ–НЕВОСТРУЕВ 1855–1917, БЕЛОКУРОВ 1891, ГОЛУБИНСКИЙ 1905, ДМИТРИЕВСКИЙ 1895, КАПТЕРЕВ 1909 и др.). На это обратила внимание и Синодальная (после 1917 г. патриаршая) Церковь, которая даже в некоторой мере пересмотрела свои

взгляды на старый обряд и его приверженцев. В 1929 году вышло постановление Святейшего Синода об «упразднении клятв Московского Собора 1656 г. и Большого Московского Собора 1667 г., наложенных ими на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан, и считать эти клятвы, яко не бывшие». Данное решение было утверждено и на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1971 г. (ср. КУТУЗОВ 1992: 43, ПОМЕСТНЫЙ СОБОР РПЦ 1971/1972).

Говоря о лингвистическом изучении sprawy, мы должны отметить, что сравнительно поздно, лишь с конца 1960-х годов появляются работы Б. А. Успенского, позже В. Г. Сиромахи, Е. А. Аксеновой, Н. Н. Запольской, О. Б. Страховой, А. Г. Кравецкого и других исследователей, посвященных уже собственно языковым аспектам книжной sprawy XVII века. В этих исследованиях показано, что кроме богословского, литургического, культурологического и т. п., никоновская книжная справа и ее восприятие имели и никак не менее важный, языковой аспект: исправления часто касались не столько текстологии, сколько собственно языковых форм. При этом главная роль при справе отводилась, как декларировано, так и реально, «грамматическому учению». Соответственно, противники нововведений в своих полемических произведениях часто выражали недовольство теми или иными языковыми формами, встречающимися в новых изданиях, что свидетельствует о том, что для современников языковая норма, которая с их точки зрения была нарушена, являлась вопросом первостепенной важности.

Ценным, и все еще в недостаточной мере изученным, источником изучения sprawy являются корректурные, или, как их называли современники, «кавычные» «ковычные» или «приправочные» книги. Они тоже однозначно свидетельствуют о грамматическом подходе редакторов, «справщиков». При этом они следуют Грамматике Смотрицкого, изданной в 1619 г. в Евье и переизданной в Москве в 1648 г. с исправлениями Михаила Рогова и Ивана Наседки. Напомним, что московские издатели опустили имя автора, принявшего унию и вместо него обращаются к авторитету преп. Максима Грека, чье сочинение они добавляют к первоначальному тексту Смотрицкого. По этой причине некоторые исследователи даже ошибочно приписывали данное издание грамматики Максиму Греку (см. об этом HORBATSCH 1964: 1, прим. 4).

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, БМСТ/Спк № 139 старый *ф. 1251: № 141*) сохранился кавычный экземпляр «Грамматики» 1619 года, который был использован для работы над московским изданием 1648 года. Кроме

исправлений, обусловленных разницей в книжном произношении московской и Юго-Западной Руси (отдельные буквы, акцентуация), можно отметить также и чисто орфографические и морфологические изменения. Характерной чертой первого издания является наличие вариантных грамматических (падежных) форм одного и того же слова, в первую очередь имени существительного, а также большое количество омонимичных окончаний. В московском же издании в ряде случаев делается выбор в пользу одного из возможных вариантов, и, в то же время, наблюдается стремление к различению омоформ. Таким образом, для каждого грамматического значения конкретного слова стараются установить по мере возможности одну специализированную форму. Так для синонимичных форм первого издания И. ед. свѣтъни или свѣтънѣ московское издание 1648 года приводит лишь одну, свѣтънѣ, и, с другой стороны, ликвидируется омонимия форм первого издания: вместо Р. ед. пастырѣ = В. мн. пастырѣ в московском издании 1648 г. имеем Р. ед. пастырѣ →← В. мн. пастыри (ср. ЗАПОЛЬСКАЯ 2002: 60, 63; HORVATSCHE 1964: 37 и след.). Для снятия омонимии также могут употребляться и чисто орфографические средства, которые будут специально рассмотрены во второй части настоящей работы.

Грамматика 1648 года являлась одновременно фиксацией сложившегося опыта и руководством для следующих изданий. Так после аналитической кодификации, выразившейся в правилах и рекомендациях московской Грамматики 1648 года, следовала синтетическая, воплотившаяся в исправлении полного круга богослужебных книг, процессе, длившемся почти 40 лет (последняя книга, Минея служебная, август, вышла в Москве, в 1691 году, см. ЗЕРНОВА 1958: 123). В дальнейшем в русле никоновской sprawy проводится и работа над полным текстом Священного Писания, конечным результатом которой является Елизаветинская Библия, изданная в 1751 г., при том, что в ней прослеживаются и некоторые новые принципы (ср. БОБРИК 1988; 1990: 80; SZÖKE 2002: 74 и след.).

Как мы уже отмечали, никоновская реформа воплотилась в книжной справе, являвшей собой, по определению Н. Н. Запольской, «контролируемый духовной властью процесс исправления богослужебных и библейских книг, имевший целью достижение правильности или понятности славянских конфессиональных текстов и языка» (ЗАПОЛЬСКАЯ 2003: 68). Добавим, что, как известно, целью патриарха Никона в идеале было создание общего для всего православия (во главе с московским патриархом и царем), унифицированного богослужебного текста и обряда. Так же, как и в эпоху т.

н. второго южнославянского влияния, книжники в первую очередь ориентируются на «греческую» традицию и на традицию тех славян, которые поддерживали тесные связи с «греками». На этот раз естественным и главным посредником в греко-российских контактах выступает Юго-Западная Русь, которая до воссоединения с Московской церковью в 1685 году находится под юрисдикцией Константинополя. Как известно, в Юго-Западной Руси более чем на полвека до никоновских реформ начали исправлять богослужебные книги по греческим образцам, стараясь достигнуть текстологического единства, а также придать языку недостающую по сравнению с греческим грамматическую упорядоченность (ср. УСПЕНСКИЙ 2002: 346–351). Таким образом неудивительно, что в основу новых московских книг были положены эти новые юго-западнорусские издания, а для справок обращались не к древним, а современным греческим книгам, о чем реформаторы дипломатично умалчивают.

Интересно, что как Карташев, так и Флоровский, разбирают метод справы несколько иначе: они считают, что справщики просто следуют современному греческому тексту, а иногда и юго-западнорусскому, ср.: «За основу для нового славянского текста принималась обычно новопечатная греческая книга. Правда, к ней подводились затем варианты и параллели по рукописям» (ФЛОРОВСКИЙ 1937: 65); «Из печатных предисловий и разъяснений самих справщиков выясняется, что они переводили сначала печатный греческий текст, как основную первую редакцию, но затем они добросовестно сопоставляли ее со многими древними греческими и славянскими рукописными списками и брали из них, что им казалось правильным по их чутью и разумению» (КАРТАШЕВ 1959: 163). Однако ни Флоровский, ни Карташев не учитывает факт исключительной важности, на который обратил внимание впервые А. А. Дмитриевский еще в 1890-х гг.: он установил, что в основу издания первого «никоновского» Служебника (Москва, 1655), самой важной книги с точки зрения обрядовых изменений, положена юго-западнорусская книга, Служебник епископа Гедеоны Балабана (Срятин, 1604), являющаяся корректурным экземпляром московского издания (РГАДА БМСТ/Спк № 1470 старый: № 852/2, ср. ДМИТРИЕВСКИЙ 1895: 30, ДМИТРИЕВСКИЙ 2004: 42). Лишь Е. Е. Голубинский сообщает о наблюдениях А. А. Дмитриевского (см. ГОЛУБИНСКИЙ 1905: 55–56), но существенных изменений в новое издание своей работы не вносит. Подобным образом кавычными книгами ряда новоизданных текстов являются украинские издания (ср. СИРОМАХА–УСПЕНСКИЙ 1987). Поэтому мы вправе считать, что юго-западнорусские издания играли исключительно

важную роль в техническом осуществлении редактирования новых текстов, в особенности на начальном этапе справки.

С дальнейшими выводами Карташева и Флоровского нельзя не согласиться, т. е. действительно для текстологической работы «единый руководящий принцип так и не был найден [...] и собор [1667 года – I. Н.] [...] просто пресекает дальнейшие исправления, не зная, где найти им конец: „и никто же да не дерзнет отныне во священнодействие прибавити что, или отъяти или изменить. Аще и ангел будет глаголати что ино, да не имате ему веры.“ До сих пор дозволялось справщикам выбирать бесчисленные варианты по их домыслу, а теперь это запрещено даже ангелам. Это расписка в научном бессилии» (см. КАРТАШЕВ 1959: 163). О той же неспособности справщиков решить слишком сложную задачу пишет и Флоровский: «Московские справщики сразу были вовлечены во все противоречие рукописного предания. Они много и часто ошибались и сам вопрос о соотношении славянского и греческого текстов не так ведь прост, и не может быть сведен к проблеме «оригинала» и «перевода». [...] Но ведь историю или генеалогию текстов восстанавливать в XVII веке не умели не в одной Москве. [...] Работу московских справщиков очень осложняла ее принудительная спешность» (см. ФЛОРОВСКИЙ 1937: 59).

В настоящей работе после краткой характеристики изучаемых кавычных книг постараемся выявить некоторые характерные тенденции орфографических, морфологических и синтаксических исправлений, внесенных в корректурные экземпляры, по которым издавались московские богослужебные книги во второй половине XVII века, а также сравнить эти исправления с современным состоянием церковнославянского языка.

Как мы уже отмечали, изучаемый нами период охватывает довольно большой отрезок времени, и таким образом сам собой напрашивается вопрос о возможных изменениях в нормализаторской деятельности справщиков.

4.2. Данный процесс можно рассматривать в координатах универсализма – изоляционизма. Как мы уже отмечали, книжная справа являла собой контролируемый духовной властью процесс исправления богослужебных и библейских книг, имевший целью достижение правильности или понятности славянских конфессиональных текстов и языка. Как считает Н. Н. Запольская, в зависимости от доминирующей духовной установки реализовалось разное понимание правильности, так как правильность могла быть мотивирована либо концепцией духовного универсализма, выражавшейся в ориентации на «чужие» образцы, либо концепцией духовного изоляционизма, требовавшей ориентации на собственную традицию. Контакты культурно-языковых пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, демонстрировавших разные концепции духовности, порождали процесс культурно-языкового реплицирования, зафиксированный книжной справой XVII в.

Юго-западная Русь, входившая сначала в государственное пространство Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, представляла собой своеобразное «духовное пограничье», в котором реализовались традиции православия и католицизма, а также инновации протестантизма. Одним из проявлений сложной конфессионально-политической ситуации стало заключение Брестской унии (1596 г.), что, с точки зрения защитников православия, явилось официальной фиксацией нарушения «чистоты веры». Стоявшие перед ревнителями православия задачи защиты «чистоты» веры, духовного просвещения и готовности к полемике определили необходимость издания библейских и богослужебных книг. Максимально актуализированная в поликонфессиональных условиях книжная справа демонстрировала сохранение традиций православного духовного универсализма, проявлявшегося в следовании библейских и богослужебных книг греческим образцам как на уровне текста, так и на уровне языка. Систематическая книжная справа в Юго-Западной Руси началась трудами князя Константина Острожского и его сподвижников – будущего константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, ректора Острожской коллегии Герасима Смотрицкого, типографа и справщика Ивана Федорова, которые издали полную славянскую Библию (1580–1581 гг.). В основу Острожской Библии был положен список Геннадиевской Библии (1499 г.), который исправлялся по греческим изданиям, вероятно по Альдинской Библии 1518 года (АЛЕКСЕЕВ 1999: 211–212). Справе подвергались прежде всего книги, переведенные у Геннадия с латыни: эти книги были либо вновь переведены с греческого языка (1, 2 Паралипоменон, 1, 2

Маккавейские, Премудрости Соломона, главы 1–25, 46–51 Иеремии), либо отредактированы по греческому источнику (1, 2 Ездры, Неемии), либо оставлены в переводе с латыни (Товит, Иудифь, 3 Ездры). Поскольку при подготовке Острожской Библии не была проведена последовательная правка, к тому же не было критического отношения к источникам, епископ львовский Гедеон Балабан замыслил издать исправленную Библию, для чего обратился с просьбой к александрийскому патриарху Мелетию Пигасу прислать греческую Библию, которая «чиста Ѡ блѣдовъ». Однако результатом издательской деятельности стрягинской типографии явились лишь авторитетные богослужебные книги: так, Служебник 1604 г. и Требник 1606 г. содержали предисловия, в которых указывалось, что книги «прилѣжно изслѣдованы и исправлены по древнимъ зводамъ и греческимъ послѣдованіямъ» (ТИТОВ 1916: 58). Впоследствии стрягинская типография стала основой типографии Киево-Печерской Лавры, в которой был издан основной корпус богослужебных книг, ориентированных на греческие новопечатные издания, о чем свидетельствуют предисловия к этим книгам: так, Постную Триодь 1627 г. сверил с «съ греческимъ зводомъ» Памва Берында, Служебник 1629 г. был исправлен Тарасием Земкой «Ѡ еллинскаго зводѣ истиннаго», Цветная Триодь 1631 г. также была сверена Тарасием Земкой по греческим источникам, потому что «поемъ, іакоже греци оупотребляютьъ», Требник 1646 г. исправил Петр Могила по греческим евхологиям (ТИТОВ 1916). Защищая цсл. язык как знак православной веры, книжники при проведении языковой sprawy руководствовались идеей формально-семантического подобия цсл. языка греческому: «в подобнымъ спадки склоненіи и съчиненіи падаючи» (ТИТОВ 1916: 126). При этом опыт синтетической кодификации цсл. языка, явленный в процессе книжной sprawy, мог соотноситься с опытом аналитической кодификации цсл. языка, представленным прежде всего в грамматике Мелетия Смотрицкого (1619 г.), кодифицировавшей цсл. язык как язык, формально и семантически соотнесенный с греческим языком и тем самым противопоставленный «простой мове».

Московская Русь XVI–XVII вв. являлась значимым центром культурно-языкового пространства *Slavia Orthodoxa*, сохранившим «чистоту» веры и устойчивое бытование цсл. языка. Ученая деятельность по исправлению церковных книг, основанная на соединении богословского ведения и грамматического знания, стала привычной для Московской Руси с XVI века в результате книжной sprawy, прове-

денной Максимом Греком. Официальный статус книжной sprawy в Московской Руси определило постановление Стоглавого собора 1551 г., которое вменяло в обязанность собраниям духовенства наблюдение за правильностью церковных книг (СТОГЛАВ 1863: 95–96). Усилившийся в связи с развитием книгопечатания институт книжной sprawy предполагал установление целей и принципов исправления, тщательный выбор источников и сферы исправлений, посредством чего и реализовалось понимание правильности текста и языка. В XVII в. в Московской Руси книжная справа представляла собой последовательное движение от воспроизведения «своей» славянской традиции до буквального следования греческим образцам, что было обусловлено движением от концепции духовного изоляционизма к концепции духовного универсализма.

Так, на первом этапе книжной sprawy, начавшемся после Смутного времени при активной поддержке патриарха Филарета (1619–1634 гг.) и продолжавшемся при патриархе Иосафе I (1634–1640 гг.), внимание книжников было сосредоточено на богослужебных текстах, поскольку требовалось «в единогласие потребы и чины церковного священноначалия» привести (НИКОЛАЕВСКИЙ 1890–1891: 450). При этом понимание правильности текста и языка богослужебных книг было мотивировано концепцией духовного изоляционизма и связывалось со своей славянской традицией как сохранившей исконную «чистоту» греческой традиции. Соответственно, в качестве правильных источников рассматривались только древнерусские рукописи, которые противопоставлялись новым греческим изданиям и исправленным по ним юго-западнорусским изданиям. По указу царя и патриарха 1620 г. требовалось «книги харатенных добрыхъ переводовъ собирати ... и Ѡ тѣхъ древнихъ харатенныхъ книгъ божественныхъ писании стихословіа исправлати, іаже несправленіемъ Ѡ преписующихъ и многолѣтнихъ обычаевъ погрѣшена быша» (НИКОЛАЕВСКИЙ 1890–1891: 450). Ориентация на новопечатные греческие источники, отражавшие иную, чем в Москве, церковную практику, была и идеологически неприемлема для московских книжников, поскольку принятие Флорентийской

унии привело к «искажению» греческого благочиния и к тому, что греки **«нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными и для того вводятъ нынѣ вѣры въ переводы греческаго языка ... намъ такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобно...»** (НИКОЛАЕВСКИЙ 1890–1891: 449). Соответственно, неприемлемы были и юго-западнорусские богослужебные тексты, соотнесенные с новопечатными греческими книгами, недоверие усиливалось и тем, что киевская митрополия допустила принятие Брестской унии, что еще более «исказило» благочиние. Отношение к юго-западнорусским богослужебным книгам в Московской Руси нашло отражение в указе 1627 года о «царском наказании» и «патриаршем проклятии» для тех, кто будет покупать «литовские» книги (КАРТАШЕВ 1991: 102). В соответствии с принятыми установками в Москве был издан весь цикл богослужебных текстов, при этом наиболее тщательному исправлению подверглись Требник 1624 г. и Служебник 1627 г. Проводя фрагментарную языковую правку, т. е. исправляя **«описи въ точкахъ и въ запятыхъ, и въ наконченіяхъ»**, московские книжники – Арсений Глухой, Антоний Крылов, Иван Наседка, Григорий Онисимов – подтверждали свою компетентность знакомством с книжными исправлениями Максима Грека и знанием грамматического трактата «О восьми частях речи», что позволяло им **«осмь частей слова разумѣти и къ симъ приставщамъ, срѣчь роды и числа, и времена и лица, званія же и залогии...»** (НИКОЛАЕВСКИЙ 1890–1891: 442).

Начавшаяся в 40-х годах XVII в. реставрация концепции духовного универсализма определила новый этап книжной sprawy в Московской Руси, реализовавшийся при патриархе Иосифе (1642–1652 гг.). Осмысление Московского государства как центра истинной православной духовности актуализировало необходимость усиления контроля за «чистотой» веры и систематизации духовного образования. Полемические и просветительские задачи мотивировали необходимость издания в Московской Руси полной Библии как «первейшего источника всего богословия». Целью библейской sprawy должен был стать поиск «согласия» между славянской и греческой традициями, при этом посредником могла стать юго-западнорусская книжность, а участниками книжной sprawy – юго-западнорусские книжники. Так, в 1649 году царь Алексей Михайлович обратился к киевскому митрополиту Сильвестру Коссову с просьбой прислать ученых книжников, которые **«божественнаго писанія ведущи и еллинскому языку навичны»** (таковыми оказались Арсений Сатановский и Епифаний

Славинецкий) для учительной и книжной деятельности, прежде всего «**для справки Библии греческие на словенскую речь**». Своеобразным «помощником» в библейской справе могла стать Острожская Библия, тексты которой московские книжники использовали в просветительских и полемических целях: например, в 1643 г. московскими справщиками было составлено «Патриаршее поучение», включавшее цитаты из Острожской Библии. Понимание необходимости последовательной языковой нормализации обусловило в 1648 году издание в Московской Руси авторитетной юго-западнорусской грамматики Мелетия Смотрицкого, представлявшей, в отличие от трактата «О восьми частях речи», развернутую аналитическую кодификацию цсл. языка. Языковые исправления, внесенные в грамматику Мелетия Смотрицкого московскими справщиками Иваном Наседкой и Михаилом Роговым, отражали опыт московской книжной справы, которая в этот период была направлена на ограничение грамматической синонимии и снятие грамматической омонимии, приводящей к неоднозначному пониманию текста. Метаязыковые исправления вводили грамматику в устойчивую православную метаязыковую традицию: московские книжники заменили авторское предисловие Мелетия Смотрицкого, написанное на «простой мове», предисловием, представлявшим собой «цитатное поле», освященное именами Афанасия Великого, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Максима Грека. Особое внимание московские книжники обратили на замечания Максима Грека о необходимости книжного исправления: книги «**растлѣшася, ѡво Ѹбо Ѡ преписоꙋющихъ ихъ ненаꙋченыхъ соꙋщихъ ѿ не ѿскоꙋсныхъ в разꙋмѣ ѿ хитрости грамматикѣистѣй, ѡвоже ѿ Ѡ самѣхъ ѿспѣрва сотворшихъ книжныи преводъ, приснопамѣтныхъ мꙋжѣй**» (СМОТРИЦКИЙ 1648: 23 об.). Таким образом, посредничество юго-западнорусской книжности создало предварительные условия для усвоения в Московской Руси представлений о правильности текста и языка как об ориентации на греческие образцы.

Развитием этих представлений явился третий этап книжной справы, начавшийся при патриархе Никоне (1652–1658 гг.). Доминирование идеи «восприятия» на русского царя и русскую церковь византийского теократического наследия требовало единого греко-славянского обрядового пространства. Унификация обрядов по греческому образцу радикально изменяла представления о правильности русских богослужебных книг: на Соборе 1654 г. было принято решение «**достойно и праведно исправити противу старыхъ и греческихъ**» книг (СИРОМАХА 1981: 6). Возможность

грекоориентированной книжной справы обеспечивалась формированием греческой библиотеки, собранной из греческих рукописей и печатных книг, привезенных Арсением Сухановым с Афона и подаренных восточными патриархами. Новые задачи книжной справы определили изменения и в составе участников книжной справы: к справе были допущены греческие книжники – сначала Арсений Грек (с 1654 г.), а затем Дионисий Грек (с 1663 г.); координировал справу юго-западнорусский богослов и переводчик Елифаный Славинецкий, активное участие в справе принимали сведущие в «еллиногреческом» языке московские книжники – Евфимий Чудовский, Никифор Симеонов, Иосиф Белый. Декларированная книжная справа по греческим источникам осуществлялась либо посредством выбора греческого образца, либо посредством выбора юго-западнорусского текста, исправленного по греческому образцу. Так, Требник 1655 г. явился результатом переводческой деятельности Арсения Грека, а Требник 1658 г. представлял собой результат редакторской деятельности московских справщиков Евфимия Чудовского, Захария Афанасьева и Иосифа Белого, которые ориентировались на киевский Требник 1646 г., лишь иногда сверяя его с греческим изданием (кавычные экземпляры – РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 978-2, РГАДА, ф. 381, ед. хр. 1803, ГИМ, Син., ед. хр. 308). Основными ориентирами исправлений богослужебных текстов, своеобразными посредниками, явились именно правленные по греческим образцам юго-западнорусские издания, о чем свидетельствуют кавычные экземпляры изданных в Москве книг (СИРОМАХА 1981: 9). Так, кавычный экземпляр Служебника 1655 г. представлял собой стрягинский Служебник 1604 г. (РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 852-2), в основу Постной Триоди 1656 г. были положены киевские Триоди 1627 г. и 1648 г. (РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 1025-2), кавычной книгой Цветной Триоди 1660 г. была киевская Триодь 1631 г. (ГИМ, Син., ед. хр. 323). По пути ориентации на юго-западнорусские источники пошла и библейская справа: при издании Библии 1663 г. была использована Острожская Библия (РГАДА, ф. 1251, ед. хр. 149). При необходимости в сложных случаях осуществлялась непосредственная сверка с греческим текстом, подтверждаемая пометами писцов: в кавычном экземпляре Служебника 1655 г. – «**в греческом сего несть**» л. 13-13 об., в кавычном экземпляре Требника 1658 г. – «**посмотреть в греческом**» л. 214, «**со греческого**» л. 4 (СИРОМАХА–УСПЕНСКИЙ 1987: 80, 82). Некритическое использование в качестве источников новопечатных греческих книг и сверенных с ними юго-западнорусских изданий, а также участие в справе греков, прежде всего осужденного ранее за «еретичество» Арсения Грека, вызывало протест

старообрядцев: «печатано съ книгъ, иже греческіе словѣтъ, а печатають ихъ растленно въ трехъ латинскихъ градѣхъ, въ Римѣ и въ Парижѣ и въ Венеции», а Арсений Грек «переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій и они развратъ вели сотворили» (КАРТАШЕВ 1991: 161). Значение юго-западнорусских источников для языковой sprawy определялось тем, что они демонстрировали формально-семантическую трансляцию греческого языка в цел. язык. Задача московских справщиков сводилась лишь к снятию в юго-западнорусском тексте грамматической омонимии и ограничению грамматической синонимии, что являлось продолжением направления предшествующего этапа sprawy. Правильность языковых изменений, явленных в новопечатных московских книгах, обосновывалась ссылками на грамматику Мелетия Смотрицкого, в равной степени авторитетную как для юго-западнорусских, так и для московских книжников: например, на грамматику Мелетия Смотрицкого ссылались Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, Симеон Полоцкий, составивший для собора 1666 г. доклад-обоснование проведенных языковых исправлений. Придание грамматике как совокупности языковых правил большего значения, чем императивному тексту, а также ориентация на грамматику принявшего униатство Мелетия Смотрицкого, вызывало недовольство старообрядцев. Так, по мнению бывшего справщика старца Савватия, никониан «свела съ Ѹма несовершеннаѣ ихъ грамматика, да приѣжжіе нехѣи» (Три челобитные 1862: 27–28). Причем характеристика, данная юго-западнорусским книжникам, могла указывать на противопоставление «своей», «правильной» грамматики 1648 г. «чужой», «неправильной» грамматике 1619 г., содержащей, в частности, недопустимый для языковой ситуации Московской Руси перевод библейской цитаты с цел. языка на «просто мову»: «**Оу́ дѣржи ꙗзыкъ свой Ѡ злѣ и оустнѣ твоѣ ѣже не глѣти л' стѣ. Руски истолковѣмъ. Гамѣ ꙗзыкъ свой Ѡ злѣгѣ, и оустѣ твоѣ нехѣи немоѣмъ зрѣды**» (СМОТРИЦКИЙ 1619, ш. 2).

Усиление грекофильских настроений, приведшее к утверждению концепции духовного универсализма, проявилось на четвертом этапе книжной sprawy при патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.). Правильность библейских и богослужебных книг связывалась в этот период уже с непосредственной ориентацией на греческие источники: на Соборе 1674 г. было принято решение переводить «**Библію всю вновь, Ветхій и Новый Заѣты съ книгъ греческихъ**». Работа началась трудами Епифания

Славинецкого и избранной им «библейской комиссии» – Евфимия и Моисея Чудовских, Никифора Симеонова и Сергия. Смерть Епифания Славинецкого не позволила закончить библейские исправления: к печати были подготовлены только Пятикнижие и Новый завет. Богослужбные книги также могли правиться в этот период непосредственно по греческим источникам, о чем свидетельствуют Службные Минеи, работа над которыми началась в 1683 г. Языковые исправления представляли собой усиление формально-семантической трансляции греческого языка в цсл. язык, поскольку московские справщики стремились писать «по славенски» так, как писали святые отцы «еллинским диалектом». Установка на формально-семантическое уподобление цсл. языка греческому наглядно проявилась в рукописях, содержащих параллельные библейские тексты на греческом и цсл. языках (СТРАХОВА 1993: 255–256). Явленная в текстах этого периода языковая грецизация поддерживалась метаязыковой грецизацией: правильность внесенных изменений могла подтверждаться ссылками не только на грамматику цсл. языка, но и на греческую грамматику. Кроме того, на этом этапе sprawy был официально утвержден грамматический характер книжной sprawy: в 1682 г. патриарх Иоаким в прениях со старообрядцами заявил, что книжная справа велась «по грамматике» (Три челобитные 1862: 35).

В системе моделируемого Римом конфессионального подчинения греческого мира латинскому, важнейшим этапом являлось возвращение славян к единству по вере. Завершение «глобальной Унии», фрагментом которой явилась Брестская уния, требовало приведенных к единообразию славянских церковных книг, написанных на понятном для всех славян языке. В этой связи по поручению Конгрегации пропаганды святой веры в Риме в 40-х годах XVII в. была предпринята книжная справа древних хорватских глаголических богослужбных книг, осуществлявшаяся под руководством Рафаеля Леваковича и епископа холмского Мефодия Терлецкого (БЕССОНОВ 1870: 716–717). По инициативе Мефодия Терлецкого в качестве источников книжной sprawy были выбраны юго-западнорусские богослужбные книги, ориентированные на бытование в условиях унии. Однако опыт соотнесения книг на цсл. языке хорватской редакции с книгами на цсл. языке юго-западнорусской редакции оказался неудачным, поскольку не привел к искомой понятности текстов.

Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал хорват Юрий Крижанич, пытавшийся создать «общий» славянский литературный язык нового типа, функционально равный новым европейским языкам (ЗАПОЛЬСКАЯ 1998: 267–295). Исходя из идеи функционально-генетического превосходства русского языка над

другими славянскими, Юрий Крижанич утвердил право русского языка стать «общим» славянским литературным языком при условии его «исправления».

Осуществляя свою миссионерскую деятельность непосредственно в Московской Руси, Юрий Крижанич написал в 1666 г. грамматический труд «Грама̀тѣчно изкѣзанѣ об рѣскомъ језѣкѣ» (Крижанич 1859, далее в тексте – ГИ), явившийся метаязыковой репликой на грамматику Мелетия Смотрицкого. Юрий Крижанич отрицал концептуальные основы грамматики Мелетия Смотрицкого, реализовавшей принципы *ad modum* и *ad fontes* и тем самым кодифицировавшей книжный цел. язык, соотнесенный с греческим языком, максимально дистанцированный от живого языка и обладавший усложненной структурой, требовавшей языковой эрудиции. Необходимая «правильная» грамматика русского языка представлялась Юрию Крижаничу как грамматика, кодифицировавшая «простой» литературный язык, принципиально самодостаточный, минимально дистанцированный от живого языка и имевший более простую структуру, доступную для понимания людей «непросвещенных». В процессе осуществленной Юрием Крижаничем «грамматической работы» элиминации подверглись языковые элементы, рассматриваемые им как «чужие» (грецизмы – «обезѣанство по обзорѣ на Грѣцскнъ језѣкѣ») или «свои», но неупотребительные («нѣтъ въ работѣ»), особенно порождающие омонимию («протѣвни рѣзумѣ») или синонимию («по избиткѣ»). Прделанная Юрием Крижаничем «грамматическая работа» была направлена на библейские тексты, книжный язык которых, по мнению Юрия Крижанича, был далек от совершенства: «До сѣхъ во врѣмѣнъ во свѣтомъ бѣжѣемъ писмѣхъ и всѣхъхъ превѣдѣхъ наѣшихъ, въ никѣихъ мѣстѣхъ вно́го јестъ рѣчѣь, а ма́ло рѣзѣма» (ГИ, V).

Культурно-языковое разрешение на исправление библейских книг для достижения их адекватного понимания Юрий Крижанич, как и подобало хорвату и иезуитскому миссионеру, подтверждал ссылкой на языкотворческую деятельность Блаженного Иеронима, осуществившего перевод Библии на латынь: «Грама̀тѣчно радѣнѣ... бѣтъ потрѣбно... како блаженнъ Јерѣнимъ велитѣ, Несподѣбитсе возгордѣатъ ма́лнхъ вещьѣь, безъ ко́ныхъ вели́ки обстоѣѣтъ немѣгѣтъ» (ГИ, V)

Однако, на язык московских церковных книг прямого влияния концепция католика-Крижанича, разумеется, не оказала. Как не оказала влияния и Псалтырь Авраамия Фирсова, изъятая во время церковными властями (ср.: ЦЕЛУНОВА 2004).

4.3. С другой стороны, как нам кажется, при изучении конкретной деятельности справщиков следует учесть два важнейших фактора, действующих в противоположных направлениях.

С одной стороны, состав справщиков сравнительно стабилен: на Печатном дворе длительное время работают такие ведущие справщики, как Захарий Афанасьев (1641–1678 г.), Евфимий Чудовский (1652–1690 г.), Иосиф Белый (1657–1689 г.) и другие (см. СИРОМАХА 1999). Их присутствие в книжном деле, как кажется, должно было способствовать сохранению однородности в языковых исправлениях. О личности Евфимия 1650-х и 1670–90-х гг. и Иосифа 1650-х и 1670–80-х гг. в науке долгое время не было единой точки зрения, так как часть исследователей рассматривает их как двух или даже трех разных Евфимиев и Иосифов (см. МАНСВЕТОВ 1883: 26–28, Будовниц 1962: 121–122, Луппов 1970: 128, Фонкич 1977: 139). То, что речь идет об одном и том же Евфимии, а также об одном и том же Иосифе убедительно доказал В. Г. Сиромеха на основании идентичности почерка расписок о получении жалования за разные годы (СИРОМАХА 1981: 234–244, прим. 74; 1999).

С другой стороны, во время патриаршества патриарха Иоакима (1672–1690) обстоятельства работы справщиков в определенной мере изменились, и это могло отразиться и на самих исправлениях. В частности, усиливается контроль над работой Печатного двора, о чем свидетельствуют например указы, изданные в 1674 году, в одном из которых работники «Правильной палаты», справщики, чтецы и писцы, обязываются «...будет лучицо вновь в книгах какая справка и обойти ее не справя ни которой нужде будет невозможно а с чево справить будет где сыщется написана справнее первого против прежнего великаго государя указу докладывать преосвященного павла митрополита сарского и подонского а что будет по указу и по розсуждению справлено и та справка записывать в книги имянно книго хранителю и четцу диакону ивану архипову *а без доклада и без указу собою никаких ни малых справок по прежнему и по сему великаго государя указу не справливать*» (РГАДА ф. 1182/1, № 67, лл. 30–30 об.).

Хотя некоторые авторы, отмечая влияние второго фактора, выделяют два основных состава справщиков, никоновский и иоакимовский, мы все же склонны рассматривать данную эпоху в отношении языковых исправлений как одно целое. Так и В. Г. Сиромеха, исследовав исправления в системе склонения существительных, высказывает мысль, что «сопоставительное изучение языковых исправлений третьей и

четвертой четвертей XVII в. показало отсутствие заметного изменения общего характера языковой справы и относительную однородность языковых исправлений в середине и конце XVII в.» (СИРОМАХА 1981: 185).

5. Классификация кавычных экземпляров.

Как В. Г. Сиромеха считает, по отношению к своему первоисточнику кавычные экземпляры следует классифицировать следующим образом:

1-я группа: юго-западные книги

2-я группа: московские книги, в том числе

2 а) дониконовские (до 1652 г.)

2 б) никоновские и послениконовские книги

3-я группа: новопереводные книги

Такая классификация позволит нам выявить отношение редакторов-справщиков как к формам, функционирующих в рамках юго-западной нормы, так и к старомосковской норме языка церковных книг. Вопрос о юго-западной и московской норме в известной мере сложен. Как утверждают исследователи Б. А. Успенский, Дурново, Журавский, Кузнецов Горбач и др., редакторская правка издателей Грамматики Смотрицкого в Москве 1648 г. в значительной мере может рассматриваться как наглядный пример различий в норме двух изводов церковнославянского языка. В то же время, если норма московских изданий, в силу централизованности книгопечатания была однородна, то юго-западная норма допускала очень большой спектр вариативности. В частности, как пример «языковой терпимости» Б. А. Успенский указывает на факт, что некоторые церковные книги московской печати могли безоговорочно приниматься в юго-западной Руси, тогда как в Москве «некоторые книги литовские печати прежде огню предавались». Причиной большей «демократичности» юго-западной нормы церковнославянского языка можно считать с одной стороны наличие нескольких центров книгоиздательства, с другой – влияние многоязыковой ситуации Великого княжества литовского.

6. Московский кавычный Апостол 1648 года как предшественник реформ.

Раскол русской церкви на старообрядцев и новообрядцев – одно из самых трагичных потрясений в истории России – произошел во многом по причине исправления богослужебных книг при патриархе Никоне и его преемниках. Безусловно, были и другие причины: социальные, историософические, эсхатологические, церковно-политические и т. п. ; однако все они тем или иным образом связаны с книжными реформами.

Цель никоновского исправления книг – «книжной справы» по терминологии того времени – заключалась в том, чтобы богослужение в Московской Руси полностью соответствовало современной греческой и, следовательно, юго-западнорусской практике (ср. ЗЕНЬКОВСКИЙ 1970: 217). Как известно, киевская митрополия в это время входила в состав константинопольского патриархата, и в ней уже была проведена ориентированная на греческий обиход богослужебно- книжная реформа. Именно сугубо богослужебно-обрядовая унификационная направленность никоновской реформы и объясняет «загадку», почему справщики (т. е. редакторы) пользовались главным образом современными, а не древними греческими и юго-западнорусскими книгами. Видимо, они всерьез не ставили перед собой сложнейшей текстологической задачи восстановления самого древнего греческого и церковно-славянского текста. Такой текст неизбежно сильно отличался бы от современного греческого, и не привел бы в богослужении к желаемому единообразию. Следует учитывать и то, что, как мы увидим ниже, для книжников нового поколения критерии правильности находились в другой плоскости, чем для их предшественников.

Отношение к современной греческой и юго-западнорусской книжности в Москве 17 столетия постепенно отходит от изоляционизма эпохи патриарха Филарета (1619–1634 гг.), и движется в направлении культурного универсализма (ср. ЗАПОЛЬСКАЯ 2000: 146). В 1640-е годы эта тенденция связана с вступлением на престол в 1645 г. царя Алексея Михайловича и деятельностью царского духовника Стефана Вонифатьева, а также с работой образовавшегося вокруг него «кружка ревнителей древлего благочестия», точнее, с деятельностью его столичных представителей (КАПТЕРЕВ 1909: 35). Патриарх Иосиф (1642–1652 г.) предстает пред нами скорее в роли консерватора, тормозящего неумолимо грядущие перемены (КАПТЕРЕВ 1909: 100).

В 1640-е годы в Москве издаются важнейшие книги по юго-западнорусским источникам: в 1644 г. (еще при царе Михаиле Романове) т. н. «Кириллова книга», в 1648 г. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого и «Книга о вере».

Всеми этими книгами (кроме «Грамматики») пользуются старообрядцы как авторитетными источниками в их антиниконианской полемике. «Идейная преобладанность староверческой полемической литературы в данном случае очевидна.» пишет М. О. Шахов (ШАХОВ 1998: 32). Таким образом создается парадоксальная ситуация: в борьбе с новшествами используются цитаты как раз из тех книг, которые в известной мере послужили предпосылкой или знаком распространения новых идей.

В «Кирилловой книге» был опубликован корпус широко распространившихся в двадцатилетней русской рукописной традиции полемических произведений киевской митрополии. В состав книги включили, например, текст «книжицы в десяти отделах», поднимавшую с положительной оценкой проблему греческого наследия (ср. ОПАРИНА 1998: 226, 237).

«Книга о вере», вероятно, была использована в уже сложившемся виде. По свидетельству дьякона Федора, она была опубликована при участии Стефана Вонифатьева (ОПАРИНА 1998: 244). В этой книге также отражаются грекофильские тенденции: «Сквозной идеей сборника стало доказательство греческого благочестия, ... каждая буква „Книги о вере“ заявляет о чистоте сохраненного греками вероучения, на которое не повлияло турецкое господство. Более того, в сборнике фактически доказывается превосходство греческой церкви не только над римской, но и над русской кафедрами» (ОПАРИНА 1998: 259).

Греческое и юго-западнорусское влияние проявляется и в некоторых других изданиях. В книгу «Собрание краткия науки о вере» (М. 1649 г.) включили «Краткий Катехизис» Петра Могилы (УСПЕНСКИЙ 1988: 329), ссылки на греческие книги содержатся в послесловии Шестоднева (М. 1650 г.) (КАРТАШЕВ 1991: 148), а в послесловии к Учительному Евангелию (М. 1652 г.) отмечается, что для «свидетельства и справления» была использована книга острожской печати (КАПТЕРЕВ 1909: 49). Отдельно отметим т. н. «иосифовскую» Кормчую книгу (М. 1650 г.), в которой (в послесловии) упоминается греческая Кормчая книга (КАРТАШЕВ 1991: 148), а также перепечатана целая глава о супружестве из Требника Петра Могилы (К. 1646 г.)

(УСПЕНСКИЙ 1988: 329). Этот же Требник Петра Могилы, но уже в его полном объеме, лег в основу никоновского Требника (М. 1658 г., см ниже, разд. 7.1.3).

Однако, все вышеупомянутые книги являются вероучительными (т. е. излагающими основные понятия православной веры), а не богослужебными. Что же касается собственно богослужебных книг, их исправление по греческим и юго-западнорусским образцам (т. е. начало никоновской справы) принято рассматривать начиная с московской Псалтыри 1653 г. (ср. Николаевский 1891 ч.2: 160, Смирнов: 1895: 37, Карташов 1959:151 и др.), в которой были опущены две важнейшие в то время статьи: о двуперстном крестном знамении и о поклонах при чтении великопостной молитвы Ефрема Сирина.

Однако А. В. Вознесенский пытается развенчать, как он считает, миф о том, что упомянутые две статьи «занимали видное место в иосифовских Псалтырях» (ср. Смирнов: 1895: 37, Успенский 2002: 433). Он убедительно приводит состав нескольких псалтырей 1630-х, 1640-х гг., в которых данные разделы действительно отсутствуют, ср. ВОЗНЕСЕНСКИЙ 2004: 148–151.

Особо ценным источником для изучения книжной справы являются т. н. кавычные, т. е. корректурные экземпляры. Нам известно немало кавычных богослужебных книг второй половины 17 в. (Ср. СИРОМАХА 1981: 364–366). Все они отражают ориентацию на юго-западнорусские и греческие образцы. Самая ранняя такая книга никоновской справы, описанная в научной литературе – кавычный экземпляр московского Служебника, изданного в 1655 г. (ср. СИРОМАХА и УСПЕНСКИЙ 1987: 79–81). Это Служебник епископа. Гедеона Балабана (Стрятин, 1604 г.), правленный для московского издания 1655 года.

В Российском государственном архиве древних актов (далее: РГАДА) нами обнаружена кавычная богослужебная книга 17 века, которая в научной литературе с языковой точки зрения до сих пор не исследована. О ней упоминает С. А. Белокуров, его цитирует О. Б. Страхова (ср. БЕЛОКУРОВ 1891: 435 прим. 1, СТРАХОВА 1998: 33). АпМ48к53 позволит нам сделать некоторые уточнения в изучении книжной справы середины 17 в. Экземпляр хранится в РГАДА в фонде Библиотеки московской

синодальной типографии/старопечатные книги (далее: БМСТ/СПК) под номером 44. Это печатный московский Апостол (М. 1648 г.), правленный для издания 1653 г. и являющийся его типографским оригиналом (т. е. набор производился непосредственно с этого экземпляра). Эта книга выделяется среди известных нам кавычных экземпляров, потому что записи и правка, содержащаяся на ее страницах и полях свидетельствуют о том, что издание, для которого она правилась это первая московская богослужебная книга нашей эпохи, в которой отчетливо проявляется влияние югозападных и греческих источников.

Вместе с тем, «что касается богослужебных иосифовских книг, – пишет П. Ф. Николаевский, – то влияние здесь киево-могилянской sprawy не выдавалось резко до последних лет патриаршества Иосифа». В. Г. Сиромаха утверждает, что «с 40-х гг. иосифовские справщики начинают пользоваться и этими книгами», (СИРОМАХА 1981: 62). Однако упоминаемая В. Г. Сиромахой как пример такой богослужебной книги Учительное Евангелие 1652 г., в послесловии к которой издатели пишут, что «для свидетельствования и справления» была использована ими книга «острожской печати», как на то указывает само название *Учительное Евангелие*, не является богослужебной книгой в узком смысле. Поэтому, как нам кажется, правомерно говорить лишь о том, что данную тенденцию распространяет с учительных книг на богослужебные книги никоновская справа

Таким образом, Апостол 1653 г. является первой из известных нам московских *собственно богослужебных* книг при издании которой обращались к юго-западнорусским, а также (впервые очередь) греческим экземплярам.

Об этом свидетельствует кавычный московский Апостол 1648 г., который и лег в основу ее и имеет маргиналии, указывающие на это.

Ввиду ее исключительной важности в ряду кавычных книг, ей посвящена настоящая глава настоящей диссертации.

Кавычная книга неполная, сплетена из двух частей: ч. 1: лл. 1–164 и ч. 2: лл. 164а– до конца, с рукописными вставками. Обе части взяты из Апостола (М. 1648 г.), что подтверждается анализом заставок, однако ч. 1 и ч. 2 представляют собой два варианта набора. Это показывает сравнение листов 139–164 из ч. 1 и листов 164а–186 из ч. 2, которые содержат один и тот же текст (с некоторыми разночтениями).

Кавычный Апостол РГАДА БМСТ/СПК № 44 (далее: АпМ48к53) правлен неравномерно: на листах 164а–186 правки практически нет, отсутствует и типографская

разметка, которая на всех остальных листах имеется. Это не удивительно, т. к. этот отрывок дублирует ранее правленные тексты на листах 139–164. Правка возобновляется с л. 186, и продолжается до конца экземпляра.

Чтобы глубже вникнуть в значение исправлений, о которых пойдет речь ниже, нужно иметь в виду, какое место занимал Апостол в русской церковной практике. Как известно, Апостол – одна из самых значимых богослужебных книг. На каждой литургии читается один, а иногда и два или даже три отрывка из апостольских посланий или Деяний. Апостол играл определенную роль и при традиционном обучении грамоте: «**Издрѣвлѣ Россійским дѣтководцем и оучителем обычай бѣ и есть, оучити дѣти малыа, въ началѣ азбѣцѣ, потомъ часословцѣ и ѱалтири таже писати, посихъ же нѣци преподают и чтенне апостола**» пишет Ф. Поликарпов в своем издании Грамматики Смотрицкого (ср. ЖИВОВ 1996: 22). Таким образом, люди древней Руси должны были хорошо знать содержание этой книги, не говоря уже о справщиках, большинство которых были монахами или священниками. Поэтому можно предположить, что справщики особенно внимательно относились к исправлению Апостола. С другой стороны, нужно иметь в виду, что знание многих отрывков наизусть могло «мешать» – в силу привычки – проведению «объективной», «беспристрастной» правки.

При изучении исправления богослужебных книг нам представляется важным учитывать тот факт, насколько могли справщики знать ту или иную книгу, т. е. в какой мере присутствовал механизм ориентации на текст и насколько он ослаблял превалирующий при правке критический подход, опирающийся на механизм признаков книжности (ср. ЖИВОВ 1996: 23).

Безусловно, достойно внимания исследователей и то, как могло влиять на правку функционирование того или иного текста на богослужении: кто его произносил или пел, на какой службе, в насколько «слышимой» обстановке, в насколько «ответственный» момент священнодействия и т. п. Существенное влияние на исправление текста оказывала, естественно, и его догматическая значимость.

Возвращаясь собственно к описанию нашей книги, АпМ48к53, отметим, что рядом с исправлениями в тексте, на полях экземпляра, находится большое количество пометок работников Печатного двора (справщиков, наборщиков и др.). Эти записи могут быть: а) типографские пометки, касающиеся оформления издания (нумерация страниц, помещение заставок); б) пометки, указывающие на использованные источники; в) замечания разного содержания. Все эти записи внесены в экземпляр

скорописью, расшифровка которой порою ставит перед исследователем нелегкую задачу.

Рассмотрим некоторые обстоятельства издания московского Апостола 1653 г., для которого правился АпМ48к53. На л. 21 АпМ48к53 находится интересная запись:

«рѣка сентѣбрь в ѿі в крестовой госѹдарь патриарх ѹказал дѣлать»

т. е. в 161 году (7161 г. после сотворения мира, 1652 г. после Р. Х.) 13 сентября патриарх (Никон) издал указ о начале печатания. Как известно, для периода с 1 сентября по 31 декабря из сентябрьского года нужно вычитать 5509, чтобы получить современный год. К сожалению О. Б. Страхова приходит к неточным заключениям из-за того, что и для данного периода вычитает привычное число 5508 и, таким образом, вместо 1652 г. для начала печатания получает 13 сентября 1653 г. Эта дата, разумеется невозможна, если учесть, что печатный Апостол вышел 23 мая 1653 г., (ср Зернова 1958: 76, №247).

С другой стороны, в архиве Приказа книгопечатного дела читаем:

«В ныняшнем рѣа (161)

годѹ ѿі (12) (sic!) сентѣбря...царь...Алексей Михайлович ѹказал печатать Апостол тетр (формат книги И. Х.) в ѿ (4) стана...деланы по ѿ (4) января...вышли и собраны мая ѿг (23)» (РГАДА ф. 1182/1 № 52 лл. 538–546 об.).

Однако в послесловии к московскому Апостолу 1653 г. обозначена другая дата начала печатания: 31 августа 7160 г. (1652 г.). Тем не менее, расхождение дат, связанных с ранним книгоиздательством – дело достаточно привычное (в нашем случае разница составляет всего 13 дней). Таким образом, с полной уверенностью можем утверждать, что АпМ48к53 – действительно типографский оригинал Апостола, изданного в Москве в 1653 г. (далее: Ап М1653).

Основываясь на процитированных выше двух указах, также можно предположить, что патриарх Никон довольно скоро, всего полтора месяца спустя после занятия им московской кафедры (25 июля 1652 г.), уже приступил к делам Печатного Двора, т. к. после царского указа о начале печатания (от 12 сентября) следует отдельный патриарший указ о начале «делания» (от 13 сентября).

С другой стороны, исходя из тщательности правки, мы склонны предположить, что работа над исправлением книги началась до избрания Никона патриархом (22 июля 1652 г.), возможно, еще во время патриарха Иосифа, (как известно, он умер 15 апреля, в

Великий Четверток). В любом случае, время и обстоятельства, в которых работали справщики АпМ48к53 особые. Слабеющий, отстраненный от реального управления церковными делами патриарх Иосиф не мог быть вдохновителем правки, ориентированной на греческие и юго-западнорусские книги (ср. КАПТЕРЕВ 1909: 103). Никон едва ли имел достаточно времени, чтобы углубиться в подробности справки. В любом случае, в то время, когда должны были подготавливать главные ориентиры правки Ап.44к., Никона даже не было в Москве: с 20 марта до 9 июля он ездил за мощами митрополита Филиппа в Соловецкий монастырь (ср. ЗЕНЬКОВСКИЙ 1970: 180–183). От кого же исходила идея исправления этой книги в таком греко-югозападнорусском грамматическом направлении? Вопрос, к сожалению, остается открытым, однако укажем на некоторые любопытные детали.

В архиве Приказа книгопечатного дела (РГАДА в ф.1182 опись 1-я № 52 лл. 547–611) записано, кому сколько экземпляров было продано или выдано «безденежно» после выхода АпМ1653. Сразу же после обязательных «подносных» экземпляров (царю 4 золотообразных и 2 простых, а патриарху 2 золотообразных и 1 простой) отмечается, что Стефану Вонифатьеву (царскому духовнику, главе «кружка ревнителей древлего благочестия») безденежно выдано 20(!) книг. (Ср. аналогичные записи: СИРОМАХА 1999: 21). Возможно, Стефан Вонифатьев был одним из идейных руководителей правки АпМ48к53. Во всяком случае, исследователи отмечают его активное участие в делах Печатного двора (ср. СИРОМАХА 1999: 21). Определенное влияние на общие тенденции правки могли иметь и присутствующие в Москве греческие иерархи и киевские ученые монахи.

Тем не менее, исправления в АпМ48к53 выражают в первую очередь взгляд самих справщиков, которые вносили их в текст. Состав справщиков можно установить по цитированному выше материалу о «безденежно» выданных книгах. Здесь мы читаем, что по одной книге «в тетрадех безденежно выдано справщикам Андроникову монастыря архимандриту Сильвестру, старцу (т. е. монаху) Евфимию, старцу Матфею, Захарью Афанасьеву и Захарью Никонову». Следуя заведенному порядку, книга не выдавалась тому, кто «не держал справки». Сразу же бросаются в глаза имена ведущих никоновских справщиков: Евфимия (Чудовского) и Захария Афанасьев, работавших справщиками с 1652–1690 и 1641–1678 соответственно (ср. СИРОМАХА 1999). (В великолепной монографии О. Б. Страховой о Евфимии Чудовском, по упомянутой выше причине, весьма досадным образом для начала деятельности Евфимия на Печатном Дворе указан 1653 г. вместо 1652 г.) Таким образом можно сказать, что

длительный срок работы ведущих справщиков обеспечивает не только преемственность иоакимовской справы по отношению к никоновской (ср. УСПЕНСКИЙ 1988: 340), но и в какой-то степени преемственность никоновской справы по отношению к поздней иосифовской. Как мы ниже увидим, в АпМ48к53 прослеживаются многие тенденции языковых и текстологических исправлений никоновской и послениконовской справы.

АпМ48к53, типографский оригинал Апостола (М.1653 г.), как и все такие экземпляры, содержит типографскую разметку – повторяющуюся формулу в конце каждой печатной тетради издаваемого АпМ1653.

Напр.: (л. 81) «до(ш) ѿг ро(з) ѿд чи(с) рѣа»

т.е.: «дошла (закончилась) 23-я тетрадь, размечай 24-ю, число (номер страницы) 181»

Правильность расшифровки сокращений подтверждается и соответствием нумерации тетрадей и страниц в разметке АпМ48к53 нумерации самого издания, АпМ1653, и полной, несокращенной формулой на л. 123:

«дошла титреть ѿд(29) размечай ѿ(30) число сѿд, (229)».

Отметим, что слово «дойти» в данном значении не зафиксировано в СРЯ 14–17 вв., лишь СРЯ 18 в. содержит значение «прийти к концу (о запасах)».

Таким же образом соответствует место заставок в АпМ1653 указаниям, содержащимися в АпМ48к53. Ср.:

«поставить заставица (sic!)» лл.76,119 и др.

«поставить заставицѣ» лл.274,275 и др.

В соответствующих местах в АпМ1653 действительно находим заставку.

Наличие формы «поставить заставица» в данном контексте можно интерпретировать как диалектное явление, возникшее в русском языке на основе угрофинского субстрата (ср. ISSATCHENKO 1983: 506). Для московского разговорного и приказного языка XVII в., как видно, эта конструкция – наряду с более частой формой типа «заставицу» – являлась нормативной. Об этом свидетельствует язык Котошихина, ср. ПЕННИНГТОН 1980:304–305. (Ср. еще VLASTO 1988: 220–221, с добавлением других причин и мотивов возникновения и бытования «инфинитива с именительным падежом на -а», связанных с эллипсисом).

Одним из ценнейших свойств кавычных книг является то, что в них, как правило, есть пометки, говорящие об использованных справщиками источниках. Наш АпМ48к53 содержит немало таких записей. В первую очередь отметим большое количество пометок, связанных с греческими книгами. Их можно систематизировать следующим образом:

греч (греческая)	лл. 37об. , 48 об. , 172 и др.
греч стар (старая)	лл. 27, 60 и др.
греч бес (беседы т. е. толкования)	лл. 164 и др.
треф греч (трефологион т.е. собрание праздничных служб)	л. 164
греч Г (З)	л. 164
греч старые бесед	лл. 42, 48
во всех греч	л. 64
хар бес греч (харатейные беседы)	лл. 57, 95 об.
греч письменная	л. 100 об.

Примечательно и то, что вышеприведенные пометки могут сопровождать исправления чисто языковые, напр. на л.40 рядом с исправлением **авва оцъ** → **авва оче** стоит ссылка: греч бес (греческие беседы). Таким образом правильность церковнославянской грамматической формы мотивируется греческим текстом. Аналогичную мотивировку исправления находим на лл. 48, 57, 60 и др.

В конце почти каждого апостольского послания находится запись, указывающая на то, что справщики сравнивали количество стихов в греческом и издаваемом Московском Апостоле: «**р҃гї сти[х] со[ш] въ гре[ч] ѿл**», т. е. «113 стихов сошлось, в греческом 230» (л. 146 об), ср. еще лл. 75, 101, 111, и др. Эти примеры подтверждают, что книжная справа изучаемого периода имела практическую ориентацию на современный греческий обиход.

Другую, менее многочисленную группу составляют ссылки на юго-западнорусские источники. Ср.:

кіев (киевская)	л. 95 об.
бес кіев (беседы киевские)	л. 100 об.
вилен тол биб писмян (виленская толковая библия письменная)	л. 104
печатная библия (острожская)	л. 56 об.

И юго-западнорусские тексты могут мотивировать языковые исправления: Ср. л. 100 об: (на **таковыхъ нѣсть**) **закона** → **законъ**, (**а иже**) **христоу Ісѹ** → **христовы**

с҃҃҃҃҃҃҃ – на поле стоит пометка «бес кїев». Таким образом можем отметить, что при издании АпМ1653 справщики пользовались тем же кругом справочных книг, как и во время позднейшей никоновской и иоакимовской sprawy (ср. СИРОМАХА 1981: 55 и др., СИРОМАХА и УСПЕНСКИЙ 1987).

6.1. Языковые исправления в кавычном Апостоле

Исправления, внесенные в текст можно разделить на а) текстологические и б) собственно языковые, хотя в отдельных случаях сложно провести между ними четкую границу.

АпМ48к53 правился на начальном этапе экспансии из юго-западной Руси нового типа культуры, того процесса, который Б. А. Успенский называет «третьим южнославянским влиянием». Коренным образом меняется взгляд на древний текст, и на первый план выдвигается ориентация на активное употребление церковно-славянского языка. Ранее в московской богослужебной практике рациональное начало не играло первостепенной роли: главным было то, чтобы слова молитвы были услышаны Богом, а насколько они понятны стоящим в храме, отодвигалось на второй план. Теперь наоборот, на первый план выходит рационалистический момент, для представителей нового типа мышления «древнейший перевод Св. Писания не есть абсолютный образец правильного текста, а то, что подлежит изменению и совершенствованию» (УСПЕНСКИЙ 1988: 324). Из □□□□□□□□□□□□□□□□ следует и изменение отношения к языковому знаку: на смену традиционного онтологического восприятия знака приходит конвенциональное, имеющее корни в латино-польской культуре.

Требование понятности определило основные стремления в области языковой нормы книжников второй половины 17 в: снятие лексической и грамматической омонимии и ограничение синонимии. Эта черта хорошо отражена в изданиях «Грамматики» Смотрицкого (1-е: Евьє, 1619; 2-е: М. 1648, с изменениями в тексте и парадигмах и без указания имени автора-униата) (ср. НОРВАТSCH 1964: 15–16). Эта книга сыграла важнейшую роль в книжной справе 17 в. и как авторитетное руководство для книжной справы, и как аналитическая фиксация языкового опыта московских книжников (в случае издания М. 1648 г.). Рассмотрим теперь, насколько нам позволяет объем статьи, наиболее яркие тенденции в исправлении Ап.44к.

Написание **миръ** в значении «вселенная» регулярно правится на **міръ**

Ср.: во всем **миръ** → **міръ** л. 121

грѣхъ вѣ въ миръ → **міръ** л. 36

Справщики стремятся различить понятия «покой» и «вселенная» орфографическим обликом слов: **миръ** для первого и **міръ** для второго, избегая таким образом лексической омонимии.

С влиянием юго-западнорусской орфографии можно связать последовательное введение графемы «й». Ср.: **правѣдныи, живыи** → **правѣдный, живый** л. 10 об. **святѣи** → **святѣй(дѣхъ)** лл. 21, 18.

Против «й» в слове «святѣй» протестуют старообрядцы, считая последнее «полу- именем ...якобы вместо Ивана Ванька» (УСПЕНСКИЙ 1988: 347). Заметим, однако, что в тексте Апостола (М.1648 г.) и в неправоленном виде спорадически встречается графема «й»: **блаженный** л. 4 об. , **галилейска** л. 3 об. , **моей** л. 222.

В написаниях некоторых имен собственных, наряду с грецизацией, наблюдается стремление к избежанию отражения йотации на стыке гласных.

нюдей → **ноудей** □ л. 32 об.

дорудеа → **дурудеа** л. 5

Перечисленные выше исправления, как и некоторые ниже, можно расценивать, как регенерацию второго южнославянского влияния, частично ориентированную на юго-западнорусский извод церковно- славянского языка.

Безусловно, в этой группе следует рассматривать изменения типа (dj* >)ж → жд. Ср.: **преже** → **прежде** лл. 30 об. , 32

ражааьса → **раждаайьса** л. 99

На л. 18 об. форма «**надежю**» оставлена без правки, по недосмотру справщиков или из-за действия механизма ориентации на текст. Однако в одном из последующих изданий слово правится (как бы в результате более внимательного просмотра) и в Апостоле (М 1671 г.) в этом месте читаем: «**надеждѣ**».

Различение наречий и прилагательных им. п. ср. р. достигается применением конечного «**ѡ**» для наречий и «**о**» для прилагательных.

Ср.: **истинноѡ есть и нѣсть ложноѡ** → **истинно есть и нѣсть ложно** л. 18.

Исправления причастий типа: **(вамъ) соущимъ** → **сущимъ** л. 30 об. отражают стремление избегать омонимии грамматических форм тв. п. единственного и дат.п. множественного числа. Следуя норме Грамматики Смотрицкого, в единственном числе пишется «**и**» , а в множественном «**ы**».

Ср.: **(вамъ) вѣрѣющим** → **вѣрѣющимъ** л. 21 об.

ХОДАЩИМЪ → ХОДАЩИМЪ л. 39 об.

Сложные числительные от 11 до 19, в согласии с одним из вариантов парадигмы Грамматики Смотрицкого, должны склоняться таким образом, чтобы падежное окончание получала только вторая часть.

Ср.: **ЕДИНОМЪ НАДЕСАТЕ** → **ЕДИНОНАДЕСАТИМЪ** л. 72

(по) ЧЕТЫРИХ НАДЕСАТЕ → **ЧЕТЫРИНАДЕСАТИХЪ (ЛѢТѢХЪ)** л. 95

Простые претериты глаголов в ед. 2 л. заменяются формами перфекта, чтобы избежать омонимии 3 л. и 2 л. ед. ч., калькируя греческую парадигму, где такой омонимии нет (ср. УСПЕНСКИЙ 1988: 180–201.). Ср. : **СТАЖА** → **СТАЖАЛЪ ЕСИ** л. 270.

Формы некоторых глаголов 2 л. мн. ч. изъявительного наклонения правятся так, чтобы ударение падало не на основу, а на окончание. Такой тип ударения происходит из юго- западной Руси и сохраняется например в украинском литературном языке. Ср. : **ДАНИ ДАЕТЕ** → **ДАЕТЕ** л. 47

АЩЕ ИСКОУСИТЕ → **ИСКУСИТЕ** л. 74об.

В 1 и 2 л. ед. ч. притяжательное местоимение «свой» систематически правится на «мой» , «твой», в согласии со стремлением приблизить церковно-славянский. язык к греческому (УСПЕНСКИЙ 1988: 361).

Ср.: **(БЛИЖНАГѠ) СВОЕГѠ** → **ТВОЕГѠ** л. 100

(СПАСИ ГОСПОДИ ЛЮДИ) СВОА → **ТВОА** л. 215 об.

Форма «**ѡ**» в значении вин. п. ед. ч. жен. р., а также аналогичные окончания прилагательных и местоимений правится на «**ю**».

Ср.: **(ВОНЬМИ ДУШИ МОЕЙ И ИЗБАВИ) ѡ** → **ю** л. 222

(ЗАПОВѢДЬ ВЕТУХЪ) ѡЖЕ → **ЮЖЕ (ИМАТЕ)** л. 17.

Здесь мы имеем дело с ликвидацией вариативных форм «**ю**» и «**ѡ**» и установлением единственно нормативной формы «**ю**». В богослужебных книгах первой половины 17 века в значении вин. п. встречаются и «**ю**» и «**ѡ**». Ср. Псалтырь (М. 1645 г.): «**ВОНЬМИ ДУШИ МОЕЙ И ИЗБАВИ ѡ**» л. 79, Евангелие (М. 1650 г.): «**ВСТАВИ ю**» л. 103 об., «**ВСТАВИТЕ ѡ**» л. 84. Форма «**ѡ**» появилась, как нам представляется, в результате влияния приказного языка, в котором данная форма являлась нормативной (ЧЕРНЫХ 1953: 326) , что в свою очередь отражало тенденцию развития разговорного языка.

Грамматическая категория лица в ед. ч. выражена, а в мн. ч. избегается.

Ср. : **НЕВѢРОВАВШИХЪ** → **НЕВѢРОВАВШИА (ПОГУБИ)** л. 27

(спаси ны сыне божи) ...поющихъ → поущымъ (ти) л. 271

(подали подаи оубо вамъ) доухъ → дѹха л. 96 об.

Дат. приименный систематически правится на род. п.

Ср.: (погивель) нечестивымъ человекымъ → нечестивыхъ человекъ л. 12

(сказаніе) ... посланію → посланиа л. 14.

Отметим однако несколько моментов. 1) Род. приименный спорадически встречается и в Апостоле (М. 1648 г.): **въ день сѹда** л. 12. 2) В отдельных случаях наблюдается стремление к сохранению дат. приименного: **конецъ стрѣтению** л. 191 не правится; более того, есть Притяжательное местоимение «свой» правка в обратном направлении: **(конецъ) декабра** → **декабрю** л. 39 об. Эти примеры следует рассматривать как устойчивые типовые словосочетания, «церковно- уставные штампы». Примечательно, что данный тип сохраняется и в современных богослужебных изданиях ср.: «**конецъ понедельнику**» (Апостол. Сергиев Посад, 1994 г. стр. 43 и др.).

В результате правки появляются сложносочиненные слова, такие как : **лживіи пророцы** → **лжепророцы** □ л. 19 об. , **прежде рекохъ** → **предрекохъ** л. 100 об. и др. Как известно, эта тенденция восходит к второму южнославянскому влиянию.

В месяцеслове **Єдинородный сынъ слово божіе** правится на **...сыне и слове...** (лл. 245, 248 и др.), что дословно соответствует греческому тексту. Этот текст имеет большое догматическое значение, на что указывают возражения старообрядцев в 1660-е годы: поп Лазарь считает, что с добавлением союза «и» вводится еретический смысл разделения Сына Божия и Бога Слова (ср. УСПЕНСКИЙ 1988: 371).

В 1640-е годы – с изменением взгляда на юго-западнорусскую и современную греческую ученость и осознанием практической возможности Московской Руси стать центром вселенского православия – начинается процесс освоения нового типа культуры. После издания богословской и полемической литературы, новый подход естественным образом распространяется и на богослужебные книги. А. В. Карташев считает, что для патриарха Никона правка книг была «попутной случайностью, выводом из его главной идеи» (КАРТАШЕВ 1991: 147). Этот несколько категоричный тезис подтверждает и наш кавычный Апостол. Как мы отметили выше, его правка началась без Никона, но в нем уже предвосхищаются главнейшие грамматические и текстологические исправления никоновской и послениконовской справы. АпМ48к53, «первая известная никоновская и последняя иосифовская» кавычная книга, является

таким образом самой ранней наглядной иллюстрацией стремления московских справщиков синтетически нормировать язык богослужбных книг в духе нового подхода, выраженного в Грамматике М. Смотрицкого.

7. Описание кавычных экземпляров

Перечислим кавычные книги, к которым будем обращаться за примерами в ходе нашего исследования. В скобках жирным шрифтом указаны принятые нами сокращения. Все книги, для издания которых ведется правка, были выпущены Московским Печатным Двором, следовательно мы это отдельно не будем отмечать.

Для некоторых книг указаны как старые, так и новые номера единиц хранения, так как в РГАДА, Российском государственном архиве древних актов (бывшем ЦГАДА, Центральном государственном архиве древних актов), где хранится подавляющее большинство интересующих нас книг, была проведена переинвентаризация, в ходе которой книги бывшего фонда 1251, в настоящее время фонд БМСТ/ Спк (= Библиотека московской синодальной типографии / старопечатные книги), получили новые инвентарные номера (номера остальных фондов и единиц хранения не изменились). Как нам кажется, таким образом мы поможем исследователям избежать трудностей, связанных с тем, что найти данную книгу в архивохранилище по старым номерам весьма трудно. Номера в фонде Синодальной типографии (Син.) Государственного исторического музея (ГИМ) не изменились.

7.1. Кавычные книги, восходящие к юго-западным изданиям

В юго-западную группу входят следующие кавычные экземпляры (указываются сначала московские книги второй половины 17 в. для издания которых используются юго-западные тексты, затем и сами кавычные экземпляры):

- 1 Для книги Служебник 1655 г.: Служебник, С(т)рятин, 1604 г. = СлСр04к55.
- 2 Для книги Триодь постная 1656 г.: Триодь постная, Киев, 1648 г. = ТпК48к56.
- 3 Для книги Требник 1658 г.: 3 кавычные книги:
  - Требник, Киев, 1646 г.= ТрК46к58.
  - Требник, рукописный, списанный с ТрК46к58 часть первая=Тррук1к58.
  - Требник, рукописный, списанный с ТрК46к58 часть вторая=Тррук2к58.
4. Для книги Триодь цветная 1660 г.: Триодь цветная рукописная=Тцрукк60.
5. Для книги Библия 1663 г.: Библия, Острог, 1581 г.=ОБ1581к63.

Сокращения, которыми будем пользоваться при ссылке на тот или иной экземпляр в ходе нашего анализа указывают сначала сокращенное название, место и год издания, исправляемой книги – «рук» обозначает «рукописная» – для года указываются только десятки и единицы без века, ввиду того, что все издания, кроме Острожской Библии, относятся к XVII веку. Для Острожской Библии указан полный год издания. После «к», обозначающей «кавычный экземпляр для издания .....» курсивом указан только год издания, для которого правится кавычная книга (место отдельно не указывается, так как все книги выпущены Московским Печатным двором, название же совпадает с названием кавычной книги). Фонды и шифры, под которыми хранятся данные кавычные книги помещены в отдельной таблице,

см раздел, стр. ???

Тот факт, что никоновские и послениконовские издатели – в особенности в начале изучаемой эпохи – большую часть своих новых богослужебных книг печатали по юго-западным источникам, свидетельствует о том, что новые московские книжники ощущали себя в одном русле с киево-могилянкой книжной справой. Как пишет К. В. Харлампович, «Киевские богослужебные книги могилянкой редакции представляли

для Никона прямой образец книжного исправления по греческим оригиналам» Харлампович, 1914 с. 145.

7.1.1. Служебник, 1655 г. Кавычным экземпляром первого никоновского Служебника послужил срятинский Служебник (еп. Гедеона Балабана) 1604 г.

Служебник получил название от того, что содержит Божественную службу литургии. Иногда он называется также Литургиарием.

В Русской Православной Церкви совершаются три литургии: литургия святого Иоанна Златоуста, литургия святого Василия Великого и литургия Преждеосвященных Даров (Григория Двоеслова). Все они помещаются в Служебнике. Как известно, сохранились и другие редакции литургии, среди них напр. Литургия св. апостола Иакова, брата Господня. Эта литургия раз в год совершается и в Венгрии, в венгерском православном храме г. Будапешт, в день памяти ап. Иакова по новому стилю.

Чтобы священник и диакон знали, в какое время на вечерне и утрени им следует произносить те или другие молитвы в связи с молитвословиями и песнопениями, читаемыми и поемыми на клиросе, в Служебнике иногда пред последованием вечерни и утрени печатается "Устав священнослужения, сиречь (то есть), како служит диакон со священником в велицей вечерне и утрени". Этот устав печатается также в Типиконе (в 1-й и 2-й главах) и в Октоихе.

Кроме того, Служебник имеет еще дополнительную часть, которая содержит чины и молитвы, совершаемые вместе с службами суточного круга. Это - чин благословения кóлива, приносимого в честь и память Господних праздников или святых, так как он присоединяется к вечерне или литургии; чин над кутьею в память усопших, который совершается на литургии и на вечерне; чин литии по усопшим, бывающий по отпусе вечерни и утрени; молитвы по Причащении.

Для того, чтобы иерей и диакон по возможности могли иметь в одной книге всю службу, в Служебнике для удобства даются краткие изменяемые молитвословия, которые произносятся священником и диаконом на вечерне, утрени и литургии. Сюда относятся отпúсты вечерни, утрени и литургии, прокимны Евангелий утренних, прокимны Апостолов, аллилуиарии и причастны литургии. Поскольку же в отпусах дневных воспоминаются святые дня, в Служебнике печатается Месяцеслов (указатель по дням месяцев) святых. К Месяцеслову присоединяются из Миней месячных прокимны, аллилуиарии, причастны, которые имеют отношение к памятям святых и произносятся на службах священником или диаконом. После Месяцеслова в

Служебнике печатаются в особых отделах прокимны, аллилуиарии и причастны из Триодей, Октоиха и Минеи общей.

Служебник получил название от изложенной в нем главнейшей христианской службы - литургии. Поэтому в некоторых изданиях, например киевском 1629 г. и львовском 1637 г., он называется Литургиарион. Под этим именем он известен и в греческой Церкви, а когда он соединяется с молитвословиями Требника, то называется у греков Ευ'χολόγιον (Молитвослов). В современном виде славянский Служебник представляет изложение трех литургий: святых Иоанна Златоуста и Василия Великого и Преждеосвященных Даров, а также тех неизменяемых молитвословий, которые произносятся диаконом и священником на вечерне и утрени. Кроме этого, основного содержания, славянский Служебник имеет еще дополнительную часть: чин благословения колива (так как он присоединяется к вечерне), чин над кутиєю в память усопших, совершаемый на литургии и вечерне, чин литии по умершим и молитвы по причащении; отпусты на вечерне, утрени, литургии, прокимны Евангелий утренних и Апостолов, аллилуиарии, причастны, Месяцеслов, "Известие учительное, како иерею и диакону служение в церкви совершати". Служебник указанного содержания появился в Русской Церкви не сразу, - такой состав его отличается как от рукописных, так и от старопечатных служебников. Главное различие наблюдается в дополнительной части: в разные времена она имела различный состав. Имеющиеся по данному вопросу сведения освещают историю славянского Служебника не со времени его появления на Руси в переводе святых братьев Кирилла и Мефодия, а уже с XII в. Так, в рукописном Служебнике XII в. Новгородской Софийской библиотеки, принадлежавшем прежде Антониеву монастырю, дополнительная часть состоит из чина на Богоявление и освящение воды, чина крещения, молитв детям духовным на Петров пост, Рождество Христово и Пасху и чина приобщения больных запасными Дарами. В другом из новгородских служебников того же времени в ее состав входят молитвы вечерние, утренние и пред службой. Еще бóльшим разнообразием отличается дополнительная часть служебников XIV в. В одних ее состав гораздо полнее состава XII в., в других - немного менее. К служебникам первого рода принадлежат, например, служебники Московской синодальной библиотеки №№ 344 (Служебник Митрополита Киприана), 345 и 347. В дополнительной части первого встречаются такие статьи, как молитва над кутиєю, последование Пятидесятницы, чин освящения воды в Богоявление и 1 августа, молитвы на освящение церкви, "егда пес вскочит", молитва над вином служебным, чин обручения и венчания царей, князей и всех вообще христиан, чин омытия мощей. Во

втором (№ 345) имеются служба за отпущение грехов, за болящего, за упокой, две молитвы над артосом, молитва славословия на день Рождества Христова; в третьем (№ 347) - последование миропомазания, омовения новорожденного в восьмой день, молитвы сорокового дня и чин крещения больных младенцев. Из служебников, отличающихся краткостью в дополнительной части, выделяется Служебник № 346. Кроме трех литургий, он содержит лишь вечерние (светильничные) и 12 утренних молитв.

В XIV в. не закончилось восполнение дополнительной части Служебника, оно продолжалось и в XV, и в XVI вв. В служебниках того времени встречаются чин исповеди, молитвы от всякой скверны, молитва над плодами и овощами, молитва от всякой печали, молитва на поганых, молитва над сосудом и ситом и т. п. Благодаря этим и другим добавлениям дополнительная часть Служебника увеличилась к концу XVI и началу XVII в. до огромных размеров, она состояла не менее, чем из 25 статей. Такой объем имела она и в первых московских печатных служебниках 1602-1606 гг., а также во всех последующих, до времени Патриарха Иосифа включительно. 15 апреля 1652 года скончался Патриарх Иосиф. Затем начался новый период в истории нашего славянского Служебника - период его сокращения и приведения к единообразию. Начало тому положено было на Московском Соборе 1655 г. 31 августа того же года было приведено в исполнение соборное определение о напечатании нового Служебника. Это был Служебник в истинном смысле слова, не содержащий уже ни одной статьи Требника. Он заключал в себе устав священнослужения, последования вечерни, утрени, чин священной литургии (проскомидия), литургии святых Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных Даров, краткое Сказание "еже кáя есть десная страна́ святаго хлеба", отпусты и Месяцеслов. В 1656 году вышло новое издание Служебника, более полное по сравнению с предшествовавшим и почти тождественное с современным. В Служебник внесены были чин благословения колива и чин литии. В позднейшее время прибавлены прокимны Евангелий и Апостолов, аллилуиарии и "Известие учительно". Изданию и исправлению служебников последующих лет посвящены классические труды А. А. Дмитриевского, долгие годы не издававшиеся и недавно, в 2004 г. наконец изданные (ДМИТРИЕВСКИЙ б. г. ??? еще другие тоже нужно ??? , издание: КРАВЕЦКИЙ 2004).

Кавычный экземпляр Служебника 1655 г. представляет собой стрягинский (срягинский) Служебник 1604 г., правленный для московского издания 1655 г. (ср. А.

А. ДМИТРИЕВСКИЙ б. г. л. 8-18 об. издание: КРАВЕЦКИЙ 2004, СИРОМАХА И УСПЕНСКИЙ 1987, с. 80). Это видно и по записи на приплетенном листе (из Триоди постной):

«*Служебник стрягинской наполов.*», а также по количеству страниц (568 с.), которое соответствует другим описанным экземплярам стрягинского служебника.

Многочисленные записи справщиков указывают на использование греческого текста, а также по одному разу упоминаются служебники сербский «в серб. есть» (л. 13–13 об.) и киевский «киев левья» (л. 11). А. А. Дмитриевский, первым установивший источники московского Служебника 1655 г. указывает и на использование никоновскими справщиками юго-западных служебников 1620 и 1629 гг. текст которых «... был исправлен нашими справщиками по греческому евхологию венецианского издания 1602 г., но исправление это было сделано довольно свободно, а не рабски следуя за буквою греческого подлинника» (Дмитриевский, б. г. л. 18).

О сербском источнике А. А. Дмитриевский пишет, что речь идет об издании XVI века венецианской типографии Божидара Вуковича и добавляет, что «сербские издания не »

оказали влияния на Служебник 1655 г. К ним обращались лишь в исключительных случаях, когда в имеющихся экземплярах обнаруживали разногласие.» (Дмитриевский, б. г. л. 16).

В основном же, как видно по маргиналиям, Служебник сверяли с греческим текстом, ср. записи «в греческом сего несть» и др. (л. 13–13 об., 52–53, 55–55об.). При этом, как отмечает В. Г. Сиромеха, текст на л. 52 об. принят в печатное издание 1655 г., а текст на л. 53 опущен. О том, что при издании Служебника 1655 г. был использован греческий Служебник свидетельствует Сильвестр Медведев (ср. Белокуров С. А. Сильвестра Медведева Известие истинное православным и показание светлое о новоисправлении книжном и о прочем // ЧОИДР. М., 1885. Кн. 4.)

Кавычный экземпляр Служебника 1655 г. правлен, как и большинство других кавычных книг, неравномерно: в литургии Василия Великого (л. 220–349 типографской нумерации) исправлений немного, а также часть служб не содержит никаких исправлений. Это с одной стороны может говорить о наличии последующих этапов исправления. (В описи РГАДА)

С другой стороны, значительная часть литургии Василия Великого совпадает с текстом предыдущей литургии Иоанна Златоуста, который уже исправлен. Таким

образом, эти исправления автоматически могут относиться и к тексту литургии Василия Великого.

Тем не менее следует отметить, что в описи РГАДА ф. 381 № 1802 содержится указание на книгу «оригинал печатного издания Служебника 1655 г. (в отрывках)», которая в данный момент, можно думать, утеряна, так как ее нам не удалось обнаружить (см. также: СИРОМАХА и УСПЕНСКИЙ 1987: 77). Это безусловно большая потеря для науки, ведь первое издание пореформенного Служебника в каком-то смысле является главной и знаковой книгой для изучения Раскола.

7.1.2. Триодь постная, 1656 г. Кавычной книгой московской Триоди постной 1656 г. является киевская Триодь постная 1648 г.

Триодь постная содержит службы, или последования, с изменяемыми молитвословиями для богослужения тех подвижных дней годового круга, которые составляют дни приготовления к Великому посту и самый пост.

Под приготовительными днями к Великому посту разумеются Неделя о мытаре и фарисее, Неделя о блудном сыне, суббота и Неделя мясопустные, седмица (семь дней) сырная. Под Великим постом разумеются Святая Четыредесятница и Страстная седмица.

Триодь постная в некоторые дни заменяет известными своими песнопениями подобные же песнопения Октоиха, и в те дни Октоих не поется. Иногда же песнопения Октоиха соединяются с песнопениями Триоди.

Не много таких дней, в которые при пении Триоди постной не поются вовсе песнопения Октоиха. Это - суббота 5-й седмицы Великого поста (Суббота Акафиста), Неделя ваий (праздник двенадесятый и дни Страстной седмицы, начиная с понедельника до Великой субботы).

Триодь постная и Октоих соединяются при пении не во все дни одинаковым образом. В седмичные дни Четыредесятницы поются из Октоиха на утрене седальны по 1-м стихословии (кафизме) и светильны после канона. Они печатаются в самой Триоди, в конце ее, потому Октоих при пении Триоди постной в эти дни не нужен.

В дни сырной седмицы, исключая субботу, Триодь постная указывает из Октоиха, кроме седальнов по 1-м стихословии и светильнов, еще стихиры на "Господи, воззвах" и каноны.

В седмичные дни Четыредесятницы, при пении трипеснцев, каноны Октоиха не поются; трипеснцы совершенно заменяют их. В сырную же седмицу, при пении трипеснцев, поются каноны Октоиха; трипеснцы заменяют в эту седмицу только те песни канона Октоиха, которые содержит трипеснец: в понедельник - 1-ю, 8-ю и 9-ю песни, во вторник 2-ю, 8-ю и 9-ю и т. д.

В воскресные дни Великого поста Церковь назначает более молитвословий из Октоиха. Тогда при молитвословиях каждого рода Триоди постной полагаются и песнопения, прославляющие Воскресение Христово. Но в самих последованиях Триоди песнопения Октоиха не печатаются, а только указывается на них.

Воскресные песнопения не отменяются в Великом посту во все воскресные дни, кроме Недели ваий, когда они заменяются песнопениями этого праздника.

Во время пения Триоди постной есть дни, в которые не поется Минея, но вместо ее молитвословий на Божественных службах поются песнопения из Триоди постной. Есть также дни, в которые поются некоторые песнопения Минеи.

Дни, в которые не поется Минея, - это все недели Триоди постной, начиная с Недели о мытаре и фарисее до Недели ваий включительно; среда и пяток 3-й седмицы, четверток 5-й седмицы - Великого канона; субботы мясопустная, сыропустная, 1-й и 5-й седмиц Великого поста, суббота Лазарева; дни Страстной седмицы.

В седмичные же дни прочих седмиц, хотя бы даже не было памяти великого святого, поются песнопения Минеи, именно: три или четыре стихиры на "Господи, воззвах" и канон прилучившемуся святому. При этом, если случится память святому в такой седмичный день, в который в Триоди постной, кроме трипеснца, есть и полный канон, тогда все те песни канона Минеи, какие находятся и в случившемся в тот день трипеснце или четырепеснце, соединяются с другими песнями канона. Наоборот, песни канона Октоиха, если они не были петы при пении трипеснца, например в сырную седмицу, вовсе в тот день не поются. Но если в какой-либо день отменяется вся служба Минеи, в таком случае она поется на другой день.

Молитвословия Триоди постной обозначаются в богослужебных книгах словом "дне", например "прокимен дне". Слово "дне" чаще прилагается к стихирам на стиховне вечерним и утренним. Над ними весьма часто надписывается: "самогласен дне". Поэтому и в Типиконе в указаниях на дни пения Триоди постной (глава 49) под словами "самогласен дне" следует понимать молитвословия и песнопения не Октоиха, а Триоди. Молитвословия же Октоиха для этих дней обозначаются в Типиконе или словом "Октоиха", или названием песнопений, или словом "глас". Так, в Типиконе

читаем: "седальны Октоиха", "седальны апостольския", "Троичны гласа". Поскольку же в Триоди постной почти на каждый день находятся некоторого рода песнопения двух творцов, то в Типиконе песнопения эти обозначаются также и именами их творцов и тем различаются между собой.

Кавычным экземпляром Триоди постной послужило киевское издание 1648 г., правленное для московского издания 1656 г. В книге недостает страниц 602–880, однако сравнение текста московского издания 1656 г. и киевского издания 1648 г. показало, что и последняя часть московской Триоди следует киевской, следовательно данные листы при тиснении еще не были утрачены (ср. Сиромеха 1981 с. 65). Отметим также, что по свидетельству записей на полях уже к началу sprawy отсутствовало несколько листов: «неполна, начала нет 6-ти лист.» (л. 1), «дву лис. нет» (л. 8), «1 лис нет» (л. 20 об.).

В описи типографского собрания отмечено, что данный экземпляр «правился для какого-то московского издания» (РГАДА ф. 1251 л. 62), что находится в полном соответствии с нашими наблюдениями по сравнению двух (московского 1656 г. и киевского 1648 г.) изданий. Типографская разметка кавычной книги находится в полном соответствии с нумерацией страниц и делением на тетради нового издания. Так записи «дош. тетрадь 9, а розмечай десятая, число 72» (л. 52 об.) в московском издании действительно соответствует 72 лист.

Исследователи начала XX века тоже обратили внимание на близость московской Триоди постной 1656 г. к киевскому изданию, однако они считали изданием, на которое ориентировались московские справщики киевскую Триодь постную 1627 г. (ср. Карабинов 1910: 233, Евсеев 1916: 151), к которой Триодь постная 1648 г. текстологически очень близка.

В послесловии к московской Триоди постной указаны те источники которыми пользовались при работе над этим изданием: «с греческих харатейных, славенских и сербских, древних книг». Также упоминаются в записях справщиков московские книги, среди них и рукописные, ср.: «в московских нет» (л. 17 об.), «хар. 2», (л. 23), «досмот. рукопис.» (л. 126 об.) и др.

Кавычный экземпляр содержит типографскую разметку и обращения к наборщику: «не набирай» (л. 9 об.–10, 20), «набери ниже» (л. 145 и др.). Это обычно означает, что данный экземпляр является и печатным оригиналом. Однако, как считают В. Г. Сиромеха и Б. А. Успенский, вероятно, имелись и последующие этапы sprawy

данного издания, так как во второй части исправлений значительно меньше, чем в первой, на некоторых листах они просто отсутствуют, а также – как показывает сравнение кавычного и нового издания – многие исправления были сделаны в ходе дальнейшей справки.

Таким образом высказано мнение, что Триодь постная, несмотря на то, что в ней содержатся многочисленные записи типографского характера, не является типографским оригиналом московского издания 1656 г., и, возможно, «исправление Триоди постной не ограничилось одним этапом справки и материалы дальнейшего исправления до нас не дошли» (см. Сиромеха и Успенский 1987: 81). В Г. Сиромеха в подтверждение этого сравнивая киевское издание 1648 г. с московским 1656 г. приводит такие примеры исправлений, не отраженных в кавычном экземпляре: *предложенїѧ* Тп.(= Тиодь постная) кавычная, Киев, 1648 г. (л. 2 об.) → *пронзколенїѧ* Тп. московская 1656 г. (л. 8 об.) *небѣмиз* Тп. кавычная Киев (л. 300) → *недоумьблю* Тп. московская 1656 г. (л. 381 об.) и др.

Заметим однако, что часть, казалось бы отсутствующих, исправлений находится в Великом Покаянном Каноне Андрея Критскаго, текст которого в Триоди постной традиционно напечатан два раза: на первой седмице (неделе) Великого поста канон читается в четырех частях (с понедельника по четверг), а в четверг пятой седмицы он читается целиком. Таким образом исправления, внесенные в текст первой седмицы само собой могут относиться к тому же тексту, читаемому на пятой седмице.

Добавим также, что исправления могли вноситься и непосредственно при наборе, при чем не только наборщиками, но и справщиками, которые по всей видимости в некоторых случаях присутствовали и на этой стадии работы. Ср. такие записи во многих кавычных экземплярах: «справить со Арсением наборщику». Таким образом как нам кажется, вопрос о наличии (утраты) дальнейших материалов справки Тп. не может быть решен.

Киевское издание 1648 года Триоди постной примечательно тем, что в нем – наряду с основным церковнославянским текстом – помещены синаксари на простой мове, переведенные Тарасием Земкой «для большей доходчивости», являя собой яркий пример сочетания в богослужебной (!) книге церковнославянского языка и простой мовы. Это сочетание восходит к киевской Триоди постной 1627 г., изданной Памвой

Берындой и Тарасием Земкой. (Ср Успенский 1983 с. 77–88). Чтение синаксарей, кратких описаний празднуемого события, входит в службу, и, таким образом, после шестой песни канона на утрени в церкви в Юго-западной Руси могла звучать проста мова. Рядом с этими текстами в кавычном экземпляре на полях читаем указания «не набирай» или «не размечай» (лл. 7, 24, 331 и др.). Соответственно, в московском издании находим синаксари, представляющие собой церковнославянские переводы киевских синаксарей (ср. СИРОМАХА 1980: 68). Это лишний раз доказывает, что в эту эпоху в Московской Руси в церкви употреблялся исключительно церковнославянский язык.

Что касается состава справщиков, то, как показал анализ почерка, проведенный В. Г. Сиромахой, основные исправления принадлежат Захарии Афанасьеву и Евфимию Чудовскому. Кроме них можно видно участие еще двух справщиков, одним из которых был, предположительно, Иван Озеров. Справщики часто сменяли друг друга, напр. на л. 63 об. Евфимия сменяет Захарий, а на л. 64 об. правку вновь продолжает Евфимий.

7.1.3. Требник, 1658 г. Для издания московского Требника 1658 г. сохранилось три кавычных экземпляра: правленный киевский Требник 1646 г. (Петра Могилы) и списанные с него две рукописные книги.

В Требнике излагаются священнодействия и молитвословия, которые называются требами и совершаются по потребам (нуждам) одного или нескольких лиц во время, определяемое обстоятельствами их жизни. Виды Требника: большой; малый; дополнительный и Требник в двух частях (малый).

Требник большой имеет две части.

В первой части изложены молитвословия и священнодействия, совершаемые Православной Церковью при обстоятельствах, бывающих в жизни или всех, или большей части христиан. Это главным образом последования таинств - Крещения, Миропомазания, Покаяния, Венчания (Брака), Елеосвящения - и других Божественных служб, как погребение усопших, освящение воды, пострижение в монашество. Этими молитвословиями Православная Церковь встречает человека при его рождении, освящает его жизнь и напутствует его, когда он преселяется в вечность. Молитвословия изложены в том последовательном порядке, в каком обыкновенно бывают потребны христианину. При тяжелой болезни, препятствующей человеку идти в храм, чтобы принять Святое Причащение, Православная Церковь позволяет на дому приобщиться

Святых Таин Христовых. Поэтому в Требнике, наряду с последованиями указанных таинств, есть чин, "егда случится вскоре вельми больному дати причастие".

Славянские Требники в русской редакции богослужебных книг имеют в своем составе требы, употребляемые в Церкви по духовным нуждам (требам, потребам) верующих. В греческой Церкви Требник имеет и службы общественного богослужения, то есть перед Требником печатается и Служебник, и эти две книги, соединенные в одну, греки называют Ев'χολόγιον ("Молитвослов", от ευ'χή - "молитва"). Требник является составной частью Евхологиона, которую и перевели с греческого на церковнославянский святые славянские равноапостолы Кирилл и Мефодий как необходимую для совершения богослужений книгу. Греческие рукописи, которые могут рассматриваться как прототип Требника,- это Евхологион Серапиона, или Сарапиона, епископа Тмуитского, Египет (IV в.), и сборник молитв и служб, которые находятся в 8-й книге Апостольских постановлений. Эти книги имели смешанное содержание, то есть включали элементы Служебника и Требника. В VII в. эти сборники были известны под названием Ев'χολόγιον, а от VIII-IX вв. мы имеем старейшие сохранившиеся рукописи Евхологионов. Это Ев'χολόγιον Барбериновой библиотеки и Ев'χολόγιον, написанный в Синайском монастыре и найденный епископом Порфирием (Успенским). Славянские Требники последующего периода также содержали в себе Служебник и Требник.

Вторая часть Требника большого содержит главным образом молитвословия на разные потребности, в частности: молитвы на освящение вещей, зданий и строений; молитвы при освящении овощей (плодов) и винограда (гроздия); молитвы разрешительные от клятвы; молитвы при начале всякого труда и вообще испрашивающие благословение Божие; молитва святых семи отроков Ефесских (память 4 авг. и 22 окт.) о немощном и неспящем (который изнуряется, не имея долгое время сна); молитва над солию; последование в сыноположение (то есть при усыновлении кого-либо); молитвы при благословении яств и артоса во Святую Пасху; последование об отроках неудобоучащихся; молитвословия об отгнании злых духов; некоторые последования, относящиеся к общественному богослужению: чин умовения ног в Великий четверг, Слова святого Иоанна Златоуста на Великий четверг и на Святую Пасху и молитвы коленапреклонные на вечерне и в день праздника Пятидесятницы; молебные пения на разные случаи; молитвословия о взыскующих

мира; изложение обрядов и молитвословий, какие бывают при принятии Православной Церковью в свое лоно находящихся вне ее; чины на освящение храма; Номоканон (собрание правил канонических).

Кроме того, в Требнике большом находятся две дополнительные главы, составляющие как бы третью его часть. Первая содержит Месяцеслов, вторая - сословие (указатель) имен (святых) по алфавиту.

С особенной ответственностью проводилось исправление Требника, так как в ней содержатся тексты, произносимые большей частью священником. В этом данная книга схожа со Служебником. Об особой тщательности исправления Требника и контроле за его изданием свидетельствует и сохранившаяся выписка о ее соборном чтении: «И преведше от греческих древлептсанных книг на хартиах святую книгу Потребник, прочтохом ю на соборе со всяким прилежным вниманием, и судивше издати ю во типографию, елицы чины и деяния разумехом правы быти» (Материалы, т.1, 1875, с. 13).

Мы располагаем тремя кавычными экземплярами Требника, сохранившимися в составе Библиотеки Московской Синодальной Типографии (=БМСТ) и Синодальном собрании(=Син.). Эти экземпляры один из них печатный, два рукописных, соответствуют двум этапам справки.

На первом этапе исправляется известный Требник Петра Могилы, изданный в Киеве в 1646 г. (См. переиздание: ГОРБАЧ) То, что этот экземпляр правился именно для московского издания 1658 г. было установлено Е. А. Аксеновой (1976). Киевский Требник 1646 г. состоит из трех частей (в нашей работе они обозначены римскими цифрами) , каждая из которых имеет свою нумерацию.

Требник митрополита Киевского Петра Могилы — был составлен и издан им же в 1646 году с целью дать юго-западному духовенству не только вновь обработанную официальную богослужебную книгу, очищенную от погрешностей и заблуждений, вкравшихся в церковную обрядность малороссийских церквей под влиянием католичества, но и цельное практическое руководство по всем случаям совершения частного богослужения. Однако в свой Требник он включил некоторые чинопоследования и молитвословия с объяснительными замечаниями из римского требника 1615 года, отредактированного впервые еще при папе Павле V в 1603 году.

В Требнике Петра Могилы имеются также статьи, которые по своему содержанию делятся на обрядовые, казуистические и пастырские. В статьях первого типа раскрывается основная идея обряда и значение всех его принадлежностей, статьи второго типа содержат наставления священнику на различные затруднительные случаи, а в третьей группе указываются требования к пастырю — совершителю Таинств и обрядов и говорится о том, как пастырь должен относиться к пасомым.

По содержанию Требник Петра Могилы делится на три части. Первая часть содержит чинопоследования Таинств и важнейших молитвословий, относящихся к жизни христианина от его рождения до смерти. Во второй части Требника находятся чины на освящение и благоговение различных принадлежностей храма и предметов быта христиан. В третьей части содержатся моления по поводу событий, имеющих характер общественных бедствий, а также событий, касающихся жизни отдельных христиан или общественных групп.

Петр Могила, умерший вскоре после издания своего Требника, не успел представить его на рассмотрение Всероссийского Патриарха и Собора. Требник не получил повсеместного распространения и признания, хотя некоторые статьи из него были внесены в печатавшиеся в Москве богослужебные книги.

Два других экземпляра входили в состав одной рукописи, две части которой впоследствии по неясным причинам попали в разные собрания. Одна из них хранится в Российском Государственном Архиве Древних Актов (=РГАДА) в рукописном отделе Типографской библиотеки (ф.308), а другая – в Государственном Историческом Музее (=ГИМ) в Синодальном собрании. Сопоставление двух кавычных рукописей с кавычным печатным показали, что они являются списком с исправленного печатного кавычного Требника Киев, 1646 г. (с. 1-14, 50–101 и с. 200–887 соответственно), который предназначался именно для переписки, а не для непосредственного набора. Об этом свидетельствуют следующие записи печатного кавычного Требника, обращенные к писцу (а не к наборщику): «сию молитву не пиши» (ч. I с. 24) «после сего ева(г)лия написать послесловие в различныя литии» (ч. II с. 184) «сие послесловие исходное написать после мирского погребения» (ч. III с. 983) и многие другие, а также отсутствию типографской разметки.

На полях рукописных кавычных экземпляров Требника содержится большое количество обращений к наборщику: «роз.(мечай) 6 число 77» (л. 21 об.) «дошла 6 размеча/т/ 7 число 93» (л. 31 об.) «цвет» (л. 3 об.) «заставица и строка» (л. 26)

«заставочка малая, цвет во одну строчку» (л. 59 об.) «сие набирай» (л. 17) «киевского не набирай» (л. 22) «набирай 79» (л. 22) «с первого венчания набирай и ее ищи как делал» (л. 177) и др. Эти записи, а также наличие типографской разметки, соответствующей нумерации московского требника, свидетельствуют о том, что данные экземпляры служили типографским оригиналом для московского издания.

Заметим однако, что в печатном кавычном Требнике, наряду с обращениями к писцу содержится две записи, адресованные наборщику: «взять тетрадь печатная и набирать с нея» (ч. III с. 33) «не набирай» (ч. III с. 398). Возможно, кавычный киевский печатный Требник 1646 г. тоже был использован при наборе, на что указывают и некоторые маргиналии рукописных кавычных Требников, ср: «киевского отседа набирай до конца» Тр рук. кав. 1 (л. 23), т. е. наборщику указывают, чтобы тот не набирал с рукописному, а обратился к печатному киевскому, представляющему, как мы отметили, первый этап справки. Этот факт служит лишним подтверждением того, что работа наборщиков была отнюдь не механической и предполагала хорошие знания церковнославянского языка, грамматики. Ср. еще цитированную ниже заметку: «справит от библии со арсением наборщику» Треб рук 2 (л. 31 об.)

При исправлении был использован обширный круг справочных книг. В первую очередь, как мы видим по маргиналиям, как на первом, так и на втором этапе текст был сверен с греческим, ср.: «в греческом нет» (ч. I с. 35) «в грецкой нет прип.» (ч. II с. 326) «сие с миней греческия прави» (л. 29 об.) «посмотреть в греческом» (л. 214) «в греческом несть сего тропаря» (зачеркнуто) (л. 217) «со греческаго» (л. 4) «греческаго» (л. 14–23). Ряд записей указывает на то, что работа по справе могла быть связана с переводом той или иной части с греческого текста ср.: «последование с того мира не переведено zde» (зачеркнуто) (л. 312) «смотри с триоди, переведенной(?) с греческой» (л. 134) и др.

Из «своих», славянских книг на первом этапе справки в маргиналиях отмечены следующие:

1. Служебник – «напиши с служебника» (ч. II с. 29, 31 и др.)
2. Часослов – «написать с часословца малого» (ч. III с. 983) «напиши с оноваго часословца» (ч. III л. 563) и др.
3. Требник Чудова монастыря – «напиши с требника чудов лист 235» (ч. II с. 178), и молитва того же ко црю и воинству его напиши с требника чудовского лист 146» (ч. II с. 179)
4. сербский Требник – «зде списать с сербскаго требника, 19 строк» (ч. III с. 496)

5. Ирмологий – «напиши с ирмолая» (ч. III с. 603) и др.

6. «молебные книжицы» – «последование в различныя лития и бдения молебные написати с молебных книжиц с московских а взять у дьяка Ивана (Щепоткина, как отмечает В. Г. Сиромеха)» (ч. III с. 232)

7. Триодъ постная. – «млтва блго(с)лови(т) ваия в н(д)лю ваии написа(т) и(с) Триоди ли(с) 526» (ч. III с. 235).

На втором этапе справки к вышеупомянутым книгам добавляются

8. Библия – «справит от библии со арсением наборщику» Треб рук 2 (л. 31 об.)

9. Диаконник – «ектении набирай с диаконника» Треб рук 2 (л. 134, 137 об.)

10. Святцы – «с святцев справить» Треб рук 1 (л. 3)

11. Псалтырь – «весь со псалтыря гла(с) 2» Треб рук 1 (л. 66)

Неясно, из какого источника происходит приклеенный на Треб рук 1 л. 53 об. лист с текстом и надписью «арменопул лист...»

Как считает В. Г. Сиромеха, такой широкий круг использованных при справе книг, в который входят не только юго-западные издания, ставит под вопрос вывод А. А. Дмитриевского о «келейном», на основании южно-русских изданий, исправлении церковных книг при патриархе Никоне. (1895, с 30)

Заметим между тем, что А. А. Дмитриевский основывает свои суждения на изучении издания московских Службников, текст которых не содержится в других, вышедших уже при патриархе Никоне «новоисправленных» изданиях. Таким образом при исправлении Службника 1655 г. не было возможности обращаться к другим московским текстам. К тому же, как мы отмечали выше, текст Службника справщики-монахи, иеромонахи (т. е. священники), ежедневно участвующие на церковных службах должны были знать практически наизусть.

В случае же Требника, котором объединено большое количество содержащихся и в других богослужебных книгах текстов, сверка с этими книгами как бы само собою предполагается. К тому же, к времени издания Требника уже вышли практически все – за исключением Триоди цветной, Устава и Минеи месячной – главные богослужебные книги.

Как показал В. Г. Сиромеха на основании анализа почерка, во всех трех книгах исправления производил один и тот же состав справщиков: Захарий Афанасьев (?Треб.рук. кав. 2 ? л. 18–19, 28–29 и др.), Евфимий (?Треб.рук. кав. 2 л. 154, 165 об. и

др.) и Иосиф, которому и принадлежит бóльшая часть исправлений, в частности практически вся ч. I и ч. II печатного, вклеенные тексты и тексты на полях рукописных кавычных Требников (Треб. рук кав. 2 л. 49 об., 860 об., 186)

Очень многое можно узнать о характере работы по записям на полях. Такие замечания, как «спросить захариа» (Треб. рук кав. 1 л. 8), «спросить евфимия» (Треб. рук кав. 2 л. 218 об.), «иосифу справить до сего места» (Треб. рук кав. 2 л. 215) и др. указывают на коллективный характер внесения исправлений. Другими словами, возможно, исправления, внесенные рукой Иосифа должны были быть одобрены другими, присутствующими справщиками, в данном случае Захарием Афанасьевым и Евфимием.

Другие записи, как «справить от Библии со Арсением наборщику» (Треб. рук кав. 2 л. 31 об.), как мы уже отмечали, свидетельствуют о том, что правка могла продолжаться и во время набора при активном участии наборщика, деятельность которого, таким образом, не сводилась к простому техническому осуществлению печатания.

Исходя из последней записи также можно предположить, что, несмотря на незначительное количество исправлений внесенных рукой Арсения Грека, он все-таки играл определенную роль не только в административном управлении, но и практическом осуществлении правки.

Истории издания Требника 1658 г. посвящена недавно опубликованная статья Е. А. Агеевой, в которой она приходит к схожим с Б. А. Успенским и В. Г. Сиромахой выводам, ср. АГЕЕВА 2004:181–188.

7.1.4. Триодь цветная, 1660 г. Кавычный экземпляр для издания московской Триоди цветной 1660 г. представляет собой рукописную книгу, текст которой восходит к киевской Триоди цветной 1631 г. или львовской Триоди цветной 1642 г.

Триодь цветная, (Пентикостáрион, еже есть Пятидесятница) содержит службы, или последования, с изменяемыми молитвословиями для богослужения тех подвижных дней годового круга, которые начинаются днем Пасхи и кончаются Неделей Всех святых.

Триодь цветная поется вместе с Октоихом, но иначе, чем Триодь постная. Во-первых, в Триоди цветной в последовании седмичных дней большей частью находятся

молитвословия Октоиха не только из последований седмичных дней, как в Триоди постной, но и воскресных. Во-вторых, молитвословия Октоиха вносятся в Триодь цветную или назначаются в ней для пения по порядку гласов, с непосредственным указанием, какого гласа молитвословия Октоиха поются в каждую седмицу и неделю. В Триоди же постной при указаниях на молитвословия Октоиха не обозначается, из какого гласа они должны быть петы, ибо в недели и седмицы, в которые поется Триодь постная, гласы бывают в разные годы не одни и те же. А во время пения Триоди цветной и в недели и в дни седмичные - одни и те же гласы для всех годов.

Гласы для пения, равно как и самые молитвословия и песнопения Октоиха, следуют в Триоди цветной таким образом. В пасхальную седмицу на каждый день положен особый глас, и песнопения Октоиха внесены в последования Триоди для каждого дня из особого гласа. Так, на вечерне Великой субботы, пред литургией, поются воскресные песнопения Октоиха (стихиры на "Господи, воззвах") первого гласа, в понедельник полагаются в Триоди песнопения Октоиха второго гласа, во вторник - третьего, в среду - четвертого, в четверг - пятого, в пятницу - шестого, в субботу - восьмого. После же Антипасхи (Недели о Фоме) в последованиях Триоди цветной находятся молитвословия и песнопения Октоиха для всех дней каждой седмицы из одного гласа. В Неделю о Фоме песнопения Триоди цветной (Октоих не поется в этот день) поются на первый глас, и в седмичные дни за этой Неделей в последованиях Триоди цветной находятся песнопения Октоиха 1-го гласа. В Неделю мироносиц и в седмичные затем дни поются песнопения Октоиха 2-го гласа; в Неделю и седмицу о расслабленном - 3-го гласа, в Неделю и седмицу о самаряныне - 4-го, в Неделю и седмицу о слепом - 5-го, в Неделю святых отец Первого Вселенского Собора - 6-го. В Неделю Пятидесятницы песнопения Триоди цветной поются (Октоих не поется в этот день) на глас 1-й. В Неделю Всех святых поются песнопения Октоиха 8-го гласа.

Триодь цветная, подобно постной, иногда заменяет Минею, иногда поется вместе с ней. Минею Триодь заменяет вполне в дни пасхальной седмицы, во все недели периода Пятидесятницы, в праздник Преполовления и отдания его, в отдание Пасхи, в праздник Вознесения Господня и отдание его, в субботу пред Пятидесятницей, в Пятидесятницу, в День Святого Духа (в богослужебных книгах: Понедельник Святого Духа). Службы прилучившихся в эти дни святых (исключая службы среднему празднику, например 23 апреля, 8 мая или храмовому) переносятся на другие дни. В седмичные дни (исключая субботу пред Пятидесятницей) Триодь цветная соединяется

с песнопениями Минеи. Начиная с седмицы о Фоме, Устав указывает петь в седмичные дни следующие песнопения Минеи: на вечерне - три стихиры на "Господи, возвах", на утрене - канон на четыре. Впрочем, из Минеи поется и более песнопений, если случится память великого святого или праздник храмовому святому.

Молитвословия Триоди цветной обозначаются в богослужбных книгах различным образом. Если в Типиконе указывается на песнопения, которые были петы в день Пасхи, то они называются пасхальными, например "кондак Пасхи", "стихиры Пасхи". Выражение "стихиры воскресны" указывает не на пасхальные, а на воскресные стихиры Октоиха. Также и выражения "стихира празднику", "припев празднику", встречающиеся в Месяцеслове Типикона при указаниях службы Благовещению в пасхальную седмицу, обозначают песнопения не Пасхи, а Минеи. Когда же в прочие дни пения Триоди цветной читаем "кондак празднику", "канон празднику", тогда под праздником следует разуметь не праздник Пасхи и не Минеи, а праздник Недели (воскресенья) Триоди, например Недели мироносиц, о расслабленном или праздник Преполовения, Вознесения. Также и выражения "канон празднику недели", "канон Триоди" - это указания на канон празднику, например Недели мироносиц, Преполовения и т. д. Песнопения же святому, находящиеся в Минее, обозначаются словами "стихира святаго", "канон святаго" и т. п. Наконец, выражения со словом "дне", например "прокимен дне", "на стиховне Триоди дне", указывают на песнопения, принадлежащие известному дню Триоди цветной, а не Октоиха. Песнопения Октоиха при пении Триоди цветной обозначаются не словом "дне", но указанием на их содержание, например "седален умилителен, Кресту" и т. д.

Поскольку кавычный экземпляр Триоди цветной представляет собой рукопись, кратко остановимся на особенностях, вытекающих из этого факта. При классификации рукописных кавычных книг иногда возникают трудности. С одной стороны не всегда можно с полной уверенностью определить, с какого печатного издания данный экземпляр был списан, с другой стороны даже если удастся установить печатный источник, с большой степенью вероятности письменный текст в той или иной мере будет отражать представления писца о языковой правильности. Таким образом, в языковом плане перед нами продукт сложного взаимодействия. Все зависит от того, входило ли в обязанности писца в какой-то степени редактирование текста или он должен был его просто переписать. Однако даже в последнем случае можем предположить вкрапление форм, отличных от нормы переписываемого печатного

издания. Таким образом в определенной мере все рукописные кавычные книги могут иметь черты московской нормы.

Рукописная Триодь Цветная, правленная для издания 1660 года могла быть списана либо с львовской Триоди Цветной 1642 года, либо с киевской Цветной Триоди 1631 г. – как показал В. Г. Сиромеха, львовская Триодь является точной перепечаткой киевской. То, что данная кавычная рукопись действительно ориентируется не на московское, а на юго-западное издание видно из текстологического сравнения. В частности, тексты синаксарей (краткого описания праздника) в московском издании 1660 г. совпадают с киевскими, при том, что отличаются от предшествующих московских. Так в синаксаре на «Фомину неделю» читаем:

ШЕНОВЛЕНІЇСМЗ ОУБО ШБЫЧАЙ БѢ ДРЕВНІЙ БЫВАТИ, НА НѢКОТОРОЕ ѿ НАРОЧНТЫХ ... И
ТЪЙ ДНЬ ВОИЖЕ ТОГДА СОДѢАНО БЫТИ ТцК1631 (с. 346)

= ШЕНОВЛЕНІЇСМЗ ОУБО ШБЫЧАЙ БѢ ДРЕВНІЙ БЫВАТИ, НА НѢКОТОРОЕ ѿ НАРОЧНТЫХ ... И
ТОЙ ДНЬ ВОИЖЕ ТОГДА СОДѢАНО БЫТИ ТцМ1660 (с. 99)

→←ВОПОМИНАНІЕ ШЕНОВЛЕНІА ОУБШ ОБЫЧНШ БѢ ДРЕВНЕЕ БЫВАТИ ... И БѢ ТОЙ ДЕНЬ
ВОИЖЕ КОЕ ЧТО СОДѢАНО БЫТИ ТцМ1653 (с.239)

К аналогичным результатам приводит сравнение синаксарей «Святой и великой недели» и «Недели жен мироносиц» и др. На связь Тцруккав1660 с юго-западными источниками указывают А. Горский и К. Невоструев (ср. ГОРСКИЙ И НЕВОСТРУЕВ 1869: 536–537)

Кавычный экземпляр рукописной Триоди цветной является оригиналом московского издания 1660 г. На это указывают записи, обращенные к наборщику, а также типографская разметка всей книги.

Ср.: «набери с справлен. часослова» (л. 339), «набери с служебника» (л. 314), «набери с диакон.» (л. 312), «набрать последование все с требника» (л. 315), «набери с триоди канон ... синаксари субот. мясопустн. на утрени» (л. 281 об.), «набери с имолоя» (л. 337), «воскресн. и кр(ес)товоскрес. набирай из октоиха» (л. 342). В этих же записях упоминаются книги, с которыми справщики стремились согласовать текст Триоди цветной. Поскольку в записях специально не оговаривается, к какому именно изданию

той или иной книги следует обращаться, можно предположить, что каждый раз имелся в виду последний вариант новоисправленного текста, вышедший из-под станка Московского Печатного Двора. Это: ??? номера в Зерновой ?????

1. Часослов
2. Служебник
3. Диаконник
4. Требник
5. Триодь постная
6. Ирмологий
7. Октоих

Как отмечает В. Г. Сиромаха, в *ТцРуккав1660* каких-либо упоминаний о греческих источниках не содержится (СИРОМАХА 1981: 77). Наши наблюдения это подтверждают. Несмотря на это, вероятнее всего в ходе исправления был использован греческий текст, так как в московском издании Триоди цветной 1660 г. в «уведомлении» говорится о том, что данный печатный труд «от греческаго изследован».

Несмотря на типографскую разметку и обращения к наборщику, точно так же, как и в случае с кавычной Триодью постной (см выше, раздел 7.1.3), можно привести ряд несовпадений исправленного текста кавычной книги с конечным изданием:

«воскрѣсый ѿ гроба» (л. 100) →←«воскрѣиз изъ гроба» (л. 206)

«мгнчте» (л. 150) →← «прелцлетѣ» (л. 284)

Из противоречия, возникшим между наличием разметки и приведенными выше примерами несовпадений В. Г. Сиромаха делает вывод, что с одной стороны «данная рукопись действительно представляет собой непосредственный оригинал печатного издания», в то же время «работа по исправлению текста церковных книг продолжалась, судя по всему, непосредственно во время “тиснения” этих книг» (СИРОМАХА 1981: 77). Мы полностью согласны с таким предположением. Заметим, что при очень схожих предпосылках в случае кавычной Триоди постной В. Г. Сиромаха и Б. А. Успенский почему-то делают противоположный вывод, предполагая наличие следующего этапа sprawy (ср СИРОМАХА и УСПЕНСКИЙ 1987: 81), с чем нам трудно согласиться (см. раздел 7.1.3 настоящей работы).

На основании анализа почерков В. Г. Сиромaxe удалось установить личность справщиков, работавших над данной книгой (ср. СИРОМАХА 1981: 77):

Захарий Афанасьев (исправления на лл. 36–49, 364–368 и др.)

Евфимий(его рукой внесены исправления на лл. 49 об., 71 об., 77 об., 91 и др.)

Иосиф (ему принадлежат записи на лл. 18 об.–24, 119–121, 311 об.–315 и др.)

На полях л. 142 об. находится запись Арсения Грека, который судя по материалу кавычных книг сам крайне редко вносил от своей руки исправления. С другой стороны, он мог присутствовать при наборе изданий, о чем свидетельствует запись, приведенная выше, в разделе 7.1.3: «справит от библии со арсением наборщику» Трук2кавл658 (л. 31 об.).

7.1.5. Библия, 1663 г. Кавычная книга Московской Библии 1663 г. (=МБ) представляет собой экземпляр известнейшей Острожской Библии 1581 г., правленный для московского издания 1663 г.

Острожская Библия (=ОБ) является первым завершенным изданием Библии на церковнославянском языке. ОБ была отпечатана в г. Остроге (ныне Ровенская область) русским первопечатником Иваном Федоровым в 1581 г. под рокровительством князя Константина Острожского.

ОБ состоит из 76 книг Ветхого и Нового завета (по сравнению с нынешними изданиями церковнославянской Библии недостает только «Послания Иеремии»). ОБ явилась основным результатом филологической работы книжников Юго-Западной Руси и определила перспективу библейской справки в разных славянских культурно-языковых пространствах (ср. ЗАПОЛЬСКАЯ 2003: 68). Главным источником ОБ является т. н. Геннадиевская Библия – рукопись 1499 г., привезенная «богоизбранным мужем Михаилом Гарабурдою, писарем Великого князства Литовскаго», однако это не означает, что он был единственным источником для острожских редакторов и издателей. Источников было несколько. В Остроге были собраны различные списки и издания Библии, (ср. НЕМИРОВСКИЙ 1974). Как отмечает А. А. Алексеев, Геннадиевский список исправлялся по греческим изданиям, вероятно по Альдинской Библии 1518 г. Справе подвергались прежде всего книги, переведенные у Геннадия с латыни: Эти книги были либо вновь переведены с греческого языка (1, 2 Паралипоменон, 1, 2 Маккавейские, Премудрости Соломона, гл. 1–25 и 46–51 Иеремии), либо отредактированы по греческому источнику (1, 2 Ездры, Неемии), либо оставлены в

перевод с латыни (Товит, Иудифь, 3 Ездры), (ср. ЗАПОЛЬСКАЯ 2003: 68, Алексеев 1999: 211–212). В последнее время грамматическими особенностями процесса издания ОБ занимается Хан Чжи Хен, отмечая, что с издания Библии в Остроге начинается процесс систематической книжной справки на Руси (ХАН ЧЖИ ХЕН 2007: 93).

Предисловие написано Г. Д. Смотрицким – отцом Мелетия Смотрицкого. Имеются экземпляры с различными выходными сведениями, помещенными в конце книги. Небольшая часть экземпляров имеет на последнем листе текст выходных данных (колофон) в виде треугольника с датой 12 июля 1580, ниже помещена типографская марка Ивана Федорова. В других экземплярах текст оканчивается в два столбца, ниже типографской марки и выходных данных (на греческом и ц.-сл.) с датой 12 августа 1581 помещена концовка. В связи с этим часто говорят о двух различных изданиях книги. Однако на титульном листе всех известных экземпляров стоит 1581 год; по наблюдениям А. С. Зерновой, описавшей 29 экземпляров, издание было одно, хотя по какой-то причине затянулось и некоторые листы были перепечатаны (в частности, исправлялись ошибки); разных комбинаций из перепечатанных и неперепечатанных листов достаточно много (ср. ЗЕРНОВА 1947).

Как и все издания Ивана Федорова, «Острожская Библия» набрана и сверстана безупречно. В ней для основного текста применен мелкий, но удобочитаемый «острожский» шрифт, полууставный с элементами скорописных начертаний, и набор в две колонки. Объем текста оценивают в 3 240 000 печатных знаков.

Тираж был по тому времени огромен: по некоторым оценкам, от 1000 до 1500 экземпляров. Покидая Острог, Иван Федоров взял с собой 400 из них. В описи имущества, составленной через два года после его смерти, упомянуты 120 полных Библий в листах (то есть непереpletенных) и 80 неполных. Недостающие листы были допечатаны позже в Вильне заметно отличающимся шрифтом ср. (НЕМИРОВСКИЙ 2005).

В литературе описано около 450 отдельных экземпляров «Острожской Библии». На сегодняшний день сохранились (полностью или частично) около 350 экземпляров.

При издании Библии в Москве в 1663 г. Острожская Библия была перепечатана, как об этом в предисловии специально отмечается «*н ѣ н з м ѣ н н о кромѣ орфографн и нѣкнхъ вмлѣ именз и реченій авственныхъ погрѣшеній*», так что, с текстологической точки зрения, по сути являлась официальной редакцией славянской Библии до 1740-х годов, когда была подготовлена исправленная так называемая Елисаветинская Библия (=ЕБ), используемая и поныне.

Если в текстологическом отношении изменения в Московской Библии по сравнению с ОБ минимальны, то этого нельзя сказать о языке, который исправляется таким же образом, как остальные рассматриваемые нами издания. Как на особенность укажем на обилие в Острожской Библии архаических написаний, отражающих второе южнославянское влияние, которые в большинстве случаев приводятся в соответствие с московской нормой. На это в частности и указывает процитированное выше из предисловия «*нѣзмѣнно кромѣ орфографнн и нѣкїихъ в малѣ и менз и реченїй авствєнных погрѣшенїй*».

Если текст московского Апостола 1679 г. практически не отличается от современного (см. ниже, разделы 7.3.1 и 7.3.2), то текст Библии после московского издания 1663 г. подвергается дальнейшей длительной и кропотливой работе по исправлению, конечным результатом которой является т. н. Елизаветинская Библия (Москва 1751 г.), которая предназначалась в первую очередь не для употребления на богослужении, а для внебогослужебного чтения. Напомним, что в русской православной традиции Библия не является в строгом смысле слова богослужебной книгой, и отрывки из Св. Писания на церковной службе и по сей день читаются не по полному церковнославянскому тексту Библии, а по разным специально предназначенным для этого богослужебным книгам (таким как напрестольное Евангелие, Апостол, Паремейник, Триодъ постная и цветная, Минея служебная и др.). Как известно, изменения, внесенные в текст при издании Елизаветинской Библии, не отразились на богослужебных книгах, в которых сохраняется более древний вариант, т. е. здесь берет начало известное расхождение между текстами Св. Писания, в первую очередь ветхозаветными, предназначенными для домашнего чтения, т. н. «четырьмя» текстами и текстами Св. Писания, предназначенными для богослужения. Особенности языка Острожской, Московской и Елизаветинской Библии посвящено большое количество работ, например Булич 1893, FREIDHOF 1972., ВРАДИЙ 1975, SCHWEIER 1987, БОБРИК 1988, в Венгрии SZÖKE 2002.

Кавычный экземпляр ОБ1581*кавМБ1663* содержит весьма значительное число языковых исправлений, большинство которых внесено с целью устранить те формы, в основном архаические, законсервировавшие второе южнославянское влияние, которые к середине XVII в. оказались за пределами московской нормы. Вообще исследователи отмечают в отношении языковой нормы ОБ наиболее высокую степень архаизма, (ср ЖУРАВСКИЙ 1965: 45).

Маргиналии и наличие разметки по тетрадам и «числам», т. е. страницам указывают на то, что последующего этапа в издании не было и ОБ1581^{кав}МБ1663 предназначалась для набора. Ср.: «наборщик на сем месте спрошал ся» (л. 376 об.), «македонию везде он малой стави, а не троерогой» (л. 580) и др.

Хотя в послесловии упоминается лишь один источник издания – царь Алексей Михайлович «повеле вскоре издати *с готоваго перевода, князя константина острозского печати неизменно*, кроме орфорграфии, и в неких вмале имен, и речений нужнейших явственных погрешений, яже zde в сей книзе исправися...» – записи на полях указывают на использование греческих источников. Ср.: «посмотри в библие греческой от сего места. и исправити» (л. 100), «в гречески(х) нет» (л. 599 об.), «сию главу слуги(т) в точках и запятых с греческим» (л. 79 об.).

Как показал В. Г. Сиромеха, если судить по почерку, в исправлении принимали участие справщики Захарий Афанасьев и Иосиф (Белый), (ср. СИРОМЕХА 1981: 78).

7.2. Кавычные книги, восходящие к московским дониконовским изданиям

- 1 Для книги Апостол 1653 г.: Апостол, Москва, 1648 г.= АпМ48к53.
- 2 Для книги Минея служебная май 1691 г.: Минея служебная, месяц май, Москва 1646 г. = МинмайМ46к91.
- 3 Для книги Минея служебная июль 1691 г.: Минея служебная, месяц июль, Москва 1646 г. = МиниюльМ46к91.
4. Для книги Минея служебная август 1691 г. : Минея служебная август, рукописная = МинавгРукк91
5. Для книги Устав церковный, 1682 г.: (3 кавычные книги):
  - Устав церковный, Москва, 1641 г. = УстМ41к82
  - Устав церковный, рукописный, списанный с правленного УстМ41к82 = УстРук1к82
  - Устав церковный, рукописный списанный с правленного УстРук1к82= УстРук2к82.

Отметим некоторые особенности, которые необходимо учесть при работе с каждой из данных книг.

7.2.1 Апостол 1653 г. Для издания книги Апостол 1653 г. кавычной книгой послужил московский Апостол 1648 г. Об этой книге мы писали выше (см. раздел б), здесь лишь напомним, что работа над этим экземпляром велась на границе двух эпох в истории русской церкви: в последние месяцы патриарха Иосифа и в первые месяцы патриаршества Никона. Несмотря на то, что фактически Никон едва ли успел принять активную роль в руководстве издательства, в этой кавычной книге содержатся все те особенности, чем отличаются никоновские богослужебные книги от иосифовских. Это в первую очередь огромное число записей, свидетельствующих об использовании греческих и юго-западных книг. Также отметим, что в книге встречается большинство типов орфографических, грамматических и лексических исправлений, характерных для позднейшей никоновской и послениконовской справы.

7.2.2 Минея служебная, месяц май 1691 г.

Минея служебная, месяц май, является частью двенадцати Минеи месячных. Минеи месячные содержат службы или последования с изменяемыми молитвословиями для неподвижных дней годового круга богослужения.

С каждым днем месяца и года Церковь соединяет особые воспоминания: то празднует какое-либо событие из истории веры и Церкви, то творит память какому-либо святому, а часто двум-трем святым, и на каждое число двенадцати месяцев года назначены особые последования, которые и находятся в Минеях месячных (μήνας, от μήν - "месяц").

Последования Минеи месячных заключают молитвословия для вечерни и утрени, иногда также для часов, литургии, повечерия, полунощницы.

Не во всех последованиях Минеи находится одинаковое число молитвословий и песнопений, но в иных большее, в других - меньшее. По числу молитвословий и песнопений последования Минеи могут быть разделены на шесть разрядов, подобно тому, как разделены в Типиконе (в главе 47-й) дни богослужения: праздники великие, средние - двух разрядов, малые - двух разрядов, наконец, дни непраздничные. Пять разрядов праздников имеют в Типиконе и Минеи месячной особые праздничные знаки. Великие праздники (бдения) обозначаются знаком "красный крест в круге", средние первого разряда имеют знак "красный крест в полукруге", средние второго разряда - "красный крест". Малые праздники имеют знак "три точки в полукруге", причем знак первого разряда малых праздников имеет красный вид, второго - черный. Шестой разряд дней, который, собственно, не причислен к праздникам, не имеет праздничного знака.

В конце Минеи месячных печатаются Богородичны, поемые за молитвословиями Минеи (кроме дней предпразднств и попразднств)

Рассматривая работу справщиков по изданию минеи месячных 1690-х гг. И. Д. Мансветов отмечает, что «большая часть поправок была сделана на основании греческого текста минеи и славянского Типика 1682 г.» МАНСВЕТОВ 1884: 35. Свои выводы И. Д. Мансветов делает на основе кавычных экземпляров апрельской, майской и июньской Минеи, находившихся в составе Синодального собрания, (см.: МАНСВЕТОВ 1884: 44). В. Г. отмечает, что ему этих книг в данном собрании обнаружить не удалось, (см.: СИРОМАХА 1981: 274–275, прим. 150).

В ходе нашей работы один из этих экземпляров выявлен: это майская Минея 1646 г., правленная для издания 1691 г., хранящаяся в РГАДА в фонде БМСТ/Спк № 813. Также исследован нами рукописный кавычный экземпляр августовской Минеи,

правленный для издания 1691 г. (РГАДА ф. 318 № 248), о котором упоминает В. Г. Сиромаха как об одной из тех кавычных книг, с которыми он «познакомился в самое последнее время» (по сравнению с написанием своей работы) и, следовательно, не смог включить в круг рассматриваемых текстов, (см.: СИРОМАХА 1981: 366). Таким образом нам доступны три кавычные минеи для издания 1691 г.: майская, июльская и августовская. Из упомянутых И. Д. Мансветовым кавычных книг до сих пор не найдены апрельская и июньская минеи. Это не единственные «пропавшие» кавычные экземпляры. Так, например неизвестно место хранения такой книги первостепенной важности как «оригинал печатного издания Службника 1655 г. (в отрывках)», о котором упоминается в одной из описей РГАДА (ф. 381. Опись. № 1802), (см.: раздел 7.1.1 , а также СИРОМАХА и УСПЕНСКИЙ 1987: 77).

Кавычный экземпляр служебной Минеи на месяц май, как и на месяц июль, МимайМ46к91, МиниюльМ46к91 (см. раздел 7.2.3) соответственно, примечательна тем, что представляет собой как бы исходную и конечную точку в процессе выработки на практике новых норм церковнославянского языка, так как правится московское издание 1646 г. – непосредственно предшествующее Никоновским реформам – для издания 1691 г., которое завершает круг новых изданий богослужебных текстов. Как известно, Минея самая большая по объему богослужебная книга – двенадцать или более томов – и ее издание наиболее трудоемкое из всех этих книг. Оно требует согласованности с очень большим количеством других текстов, как это было видно в случае Триоди цветной, и таким образом неудивительно, что к ее исправлению приступают лишь на конечном этапе послениконовской sprawy.

Издание полной минеи находилось также в прямой зависимости от указаний нового Типикона, который вышел в 1682 году. Как известно, ряд служб, посвященных русским святым, празднование которых ранее предписывалось повсеместно, был либо опущен, либо изменен в местнопразднуемые (см.: МАНСВЕТОВ 1883: 534–574).

Практической причиной столь позднего издания могло послужить и то, что без двенадцати книг Минеи проведение церковной службы возможно, тогда как без остальных богослужебных книг это невозможно, так как тексты служб главнейших праздников содержатся и в других книгах (Праздничной минее, Трефологии), а в остальные дни могли пользоваться т. н. Общей минеей, в которой собраны типовые тексты для разных разрядов святых с пропуском имени празднуемого святого (вместо него пишется формула «имя рек»).

7.2.3 Минея служебная, июль, 1691 г. Кавычным экземпляром для издания в 1691 году этой книги послужила печатная Минея, изданная в Москве в 1646 году. На полях первых 47 листов кавычной книги помещен следующий текст (по слову или части слова на каждой странице): «Сия книга минея месяц июль великого государя царя и великого князя феодора алексеевича всеа великия и малыя и белыя россиисамодержца казенная приказу книг печатногодела книгохранительные полаты куплена в нынешнем во 189 году сентября в 24 день а закрепил сию книгу приказу печатногодела дьяк иван арбенев» Миниюль46к91 (лл.1–47) цит по СИРОМАХА 1981: 157–158. Экземпляр представляет собой начальный этап исправления, т. к. в нем нет типографской разметки и записи на полях обращены к писцу, а не к наборщику. Ср. «писат с ноября» (л. 2), «писат с правленных» (л. 34) и др.

Источники, использованные при редактировании Минеи, июль 1691 г., судя по записям, были следующие:

- 1 Греческие Минеи «греч. август» (л. 12), «греч.» (л. 6 об.)
- 2 Трефологионы рукописные «в писмян. трефоляях» (л. 90)
- 3 Минеи рукописные «в рукописанной великой книге миней месячных что переплетена с псалтырью» (л. 90)
- 4 Общая Минея (л. 133, 294) и др.
- 5 Трефологион львовский «писать с трефол. лвов» (л. 87, 1, 11) и др.
- 6 Требник печатный «в Требнике печат. лист 84» (л. 355 об.)
- 7 Псалтырь «писать со псал.» (л. 95 об, 139)
- 8 Устав «писать с Устава» (л. 235)
- 9 Пергаменные книги «хар.» (л. 1, 5, 6) и др.
- 10 Триодь цветная, «триод. цвет.» (л. 206).

7.2.4 Минея служебная, август, 1691 г. Кавычным экземпляром московской августовской Минеи служебной 1691 г. послужила рукописная книга, которая, как видно по сравнению с печатными изданиями, восходит к московской Минее 1646 г.

7.2.5 Устав, 1682 г. Работе над Уставом 1682 г., подобно изданию Требника 1658 г., было уделено повышенное внимание. Об этом может свидетельствовать и факт, что для Устава 1682 г. сохранилось – как и для Требника 1658 г. – три кавычных экземпляра: один печатный и два рукописных. Однако, есть и различие. Два рукописных кавычных экземпляра Требника 1658 г. являются двумя частями одной

рукописи, списанной с правленного экземпляра печатного киевского Требника 1646 года, т. е. представляют собой второй этап работы. С другой стороны, первый рукописный экземпляр, УстРук1к82, переписан с правленного печатного издания, УстМ41к82, а второй рукописный экземпляр УстРук2к82 переписан с правленного первого рукописного экземпляра УстРук1к82. Таким образом, имеющиеся три кавычные книги относятся к трем этапам работы: УстМ41к82 – к первому УстРук1к82 – ко второму, и УстРук2к82 – к третьему. (См.: Горский, Невоструев 1869: 345–347).

Изданию реформированного Устава посвятили свои работы И. Д. Мансветов, К. Т. Никольский, П. С. Смирнов и др.

В печатном кавычном экземпляре УстМ41к82 имеется запись, относящаяся к основным ориентирам работы над изданием: «по указу свѣтѣйшаго патриарха с архиереи велено последовати во всем греческим уставам и минеам и славенским правленным часословам и трефолою лвовскому и славенским уставом харатейным и филаретову во именах и трѣпях и код. неизменно» УстМ41к82 (л. 111). Упомянутым в записи источникам соответствуют и другие записи на полях, которые также свидетельствуют об использовании следующих изданий, согласованность с которыми являлась необходимой:

- 1 Ирмологий, «пис. с ирмолог.» УстМ41к82 (л. 358) и др.
- 2 Шестоднев, «сие последование о усопших напечатати (?!) с печатного шестоднева последнего выхода» УстМ41к82 (л. 423) и др.
- 3 Служебник, «писат из служеб. прав.» УстМ41к82 (л. 9) и др.
- 4 Евангелие, «написат все пресловие из Евглия» УстМ41к82 (л. 1105) и др.
- 5 Триодь, «писат с триоди» УстМ41к82 (л. 989) и др.
- 6 Сербский источник «праз. в сербех» УстМ41к82 (л. 229).
- 7 Греческий Трефологий, «сице бо обретається в греч. трефологиах» УстМ41к82 (л. 265).
- 8 Греческий Паремейник, «в греч. паремей и стих. несть» УстМ41к82 (л. 505).
- 9 Греческий Октоих, «а в греческом октоихе» УстМ41к82 (л. 51)
- 10 Греческая Триодь, «в греч. триод. и наш триод. нес.» УстМ41к82 (л.)
- 11 Часослов, «а пис. с часослов. правлен. последняго выхода » УстМ41к82 (л.).
- 12 Львовский Трефологий, «тропарь делай со лвовскаго трефолоя» УстМ41к82 (л. 110)

Над изданием Устава 1682 г работало несколько справщиков. В. Г. Сиромеха по почерку установил личность трех из них. Это Иосиф и Мардарий, которым принадлежит наибольшее количество исправлений, а также Евфимий, которому принадлежат записи на полях, напр.: «тропарь делай со лвовскаго трефолоя» (л. 110)

И. Д. Мансветов писал о главных принципах, которыми руководствовались издатели: «Устав 1682 года был первою попыткою сисематической справы нашего Типика, и в основу этого издания были положены определенные критерии, которые можно резюмировать в трех следующих пунктах: а) исправление текста по греческим образцам, б) соглашение его с правленными служебными книгами, в) исключение из его состава статей местного и личного характера» (МАНСВЕТОВ 1885: 338). Для справщиков «греческий греческий Типик составлял главный источник, которым они пользовались при издании Устава 1682 г.» (МАНСВЕТОВ 1885: 340). Особый статус этого издания в том, что «Устав 1682 года положен в основание дальнейших его изданий и, за немногими исключениями, перепечатывается до сих пор без изменений» (МАНСВЕТОВ 1885: 342).

К. Т. Никольский пишет, что «экземпляр Устава 1641 года поражает массою исправлений» (НИКОЛЬСКИЙ 1896: 1), которые, как считает В. Г. Сиромеха, относятся в основном к области текстологии, орфографии и лексики и «число исправлений грамматического характера в целом невелико, что является», на его взгляд, «самой важной особенностью исправления московских дониконовских изданий», СИРОМЕХА 1981: 157. При том, что мы согласны с тем, что во всех трех кавычных экземплярах Устава содержится значительное количество не-языковой правки, все же постараемся показать, что и в московских кавычных книгах имеется весьма богатый материал для изучения нормативных тенденций языка. В. Г. Сиромеха, посвятивший свою работу падежным формам существительных, действительно, для изучаемой области смог выявить меньшее количество исправлений в московских книгах, нежели в юго-западных. Это совпадает и с нашими наблюдениями, в том числе и в книгах, не рассмотренных в работе В. Г. Сиромехи. Тем не менее, для изучения других языковых явлений в московских кавычных книгах мы располагаем не меньшим количеством материала, чем в югозападных.

7.3. Кавычные книги, восходящие к московским никоновским и послениконовским изданиям

К этим книгам из анализируемых нами текстов относятся следующие экземпляры:

1 Для книги Минея общая с праздничной 1660 г.: Минея общая с праздничной, Москва, 1653 г. = Минобщпр53к60.

2 Для книги Апостол 1679 г.: 2 кавычные книги:

Апостол Москва, 1671 г. = АпМ71к79

Апостол рукописный, списанный с исправленной книги АпМ71к79 = АпРукк79

3, правленный, как и предыдущая книга, для издания 1679 г. () РГАДА ф. 381 № 188.

7.3.1 Минея общая с праздничной 1660 г. Для издания Минеи общей с праздничной 1660 г. сохранился кавычный экземпляр, представляющий собой правленную Минею общую с праздничной московского издания 1653 г.

7.3.2 Апостол 1679 г. Для московского издания 1679 г. книги Апостол мы располагаем двумя кавычными экземплярами. Первый этап редактирования представлен правленным печатным Апостолом 1671 г. . московской печати(АпМ71к79), который на втором этапе переписывается и подвергается дальнейшему исправлению (АпРукк79).

Книга Апостол содержит Деяния святых апостолов, семь соборных посланий, четырнадцать посланий апостола Павла и иногда Апокалипсис (Откровение).

Книга Деяний апостольских, все послания и Апокалипсис разделены на главы. Затем весь Апостол, исключая Апокалипсис, который не читается на литургии, разделен на зачала, и счет зачал один, общий. За Деяниями печатаются зачала соборных посланий, затем зачала Павловых посланий. Но по ряду в церкви вслед за Деяниями, за 52-м зачалом, читаются послания не соборные, а Павловы, именно зачалом 79-е.<<7>> Соборные же послания читаются по прочтении Павловых.<<8>>

В Апостоле, как и в Евангелии, при каждом зачале стоит звездочка, а внизу, под чертой, указываются дни или праздники, в которые читается это зачалом, и слова, которыми следует начинать его при чтении. Таким словом служит по большей части

"братие". В конце Апостола находятся статьи, в которых указывается, в какие дни и какие зачала Апостола и Евангелия необходимо читать на Божественных службах: 1) "Соборник двенадцати месяцев, сказѹя зачало коегѹждо Апостола и Евангелия, праздникам и святым всего лѣта", то есть Месяцеслов, в котором указываются зачала Апостола и Евангелия в разные праздники. Если в какое-либо число месяца не положено на литургии и утрени особого Апостола и Евангелия, тогда показывается, какая общая служба полагается по чину. Это делается для того, чтобы в случае необходимости было известно, какие должны быть прочитаны общие Апостол и Евангелие. 2) "Сказание главам евангельским утренним, Апостолам и Евангелиям, извѣстно седмицам всего лѣта". Здесь указано, какие рядовые зачала читаются из Апостола и Евангелия в подвижные дни годичного круга, начиная со дня Пасхи до Недели Всех святых и после нее- во все недели и седмицы, включительно с седмицей и Неделями мясопустными и субботой и Неделями сыропустными. 3) "Сказание субботам и неделям Святого Великого поста", то есть указание, какие зачала читаются как Апостолов, так и Евангелий утренних и на литургии во все субботы и недели Великого поста и во все дни Страстной седмицы. 4) "Прокимны, Апостолы, Евангелия и причастны святым, ихже егда творим службу", то есть общие тому или другому чину, или лику, святых.

Как уже отмечалось, экземпляры АпМ71к79 и Апрукк79 правились для одного и того же издания, московского Апостола 1679 г., и представляют собой два, следующих друг за другом, этапа исправления. Правленный вариант АпМ71к79 переписывается для дальнейшего исправления, которое и отражено в Апрукк79. На обложке рукописного кавычного Апостола читаем надпись: «Ѳѳлз пѳлмѳной пѳлмнз првленагѳ клзенагѳ лѳлл что првлен до рѳѳз ((6)187=1679) год(л)». Время выхода Апостола из печати — сентябрь 1679 года, которому соответствует 6188 г. от сотворения мира (напомним: для периода сентябрь–декабрь вычитаем 5509) – вероятно, первый этап правки был закончен в начале 1679 г. Однако и Апрукк79 не является типографским оригиналом, т. е. по всей видимости этот текст снова должны были переписать. На это указывает отсутствие типографской разметки и отсутствие записей, обращенных к наборщикам. Книге АпМ71к79, представляющей первый этап правки (и кавычному Требнику ТрК46к58) посвящена работа Е. А. Аксеновой (АКСЕНОВА 1976). Московский Апостол 1679 г. имеет непосредственное значение и для современного

церковнославянского языка, так как этот текст практически без изменений дошел до наших дней (см. УСПЕНСКИЙ 2002: 433).

Как известно, книгу Апостол, содержащую тексты Деяний и Посланий апостолов, могли и до сих пор могут читать на богослужении и миряне, в отличие например от Евангелия, которое на богослужении разрешается читать только священнослужителям (дьяконам, священникам и архиереям). На каждой литургии читается один, а иногда и два или даже три отрывка из посланий апостолов или Деяний. Книга Апостол играла определенную роль и при традиционном обучении грамоте: «нздрѣблѣ росийским дѣтѣмъ оцѣмъ и оучителѣмъ обычай бѣ и сѣсть, оучити дѣти малыѣ възначилѣ азѣбуцѣ, потомъ чюсловцѣ и писатри чѣже писати, поиухъ же нѣцѣи преподають и чтеніе апостола», пишет Ф. Поликарпов в своем издании Грамматики Смотрицкого (СМОТРИЦКИЙ 1721 г.; ср. ЖИВОВ 1996: 22). Данное замечание относится как к эпохе, современной Поликарпову, так и к предыдущей традиции. Таким образом, все должны были хорошо знать тексты Апостола и безусловно справщики относились к исправлению этой книги с особенным вниманием.

С другой стороны, нужно иметь ввиду, что знание многих отрывков наизусть могло «мешать» – в силу привычки – проведению «объективной», «беспристрастной» грамматической правки. Это, конечно, может относиться в равной мере и к любому тексту, «слишком хорошо» знакомому справщикам. Таким образом при изучении исправления богослужебных книг нам представляется важным учитывать фактор, насколько могли справщики знать тот или иной отрывок, т. е. в какой мере присутствовал механизм ориентации на текст и насколько он ослаблял превалирующий при правке критический подход, опирающийся на механизм признаков книжности (ср. ЖИВОВ 1996: 23).

Безусловно, достойна внимания исследователей и степень влияния на правку функционирования того или иного текста на богослужении: как часто он звучит в церкви, кто его произносит или поет, на какой службе, в насколько «слышимой» обстановке, в насколько «ответственный» момент священнодействия и т. п. Существенное влияние на исправление текста оказывала, естественно, и его догматическая значимость.

7.4. Кавычные книги, восходящие к новопереводным текстам.

В группе новопереводных кавычных книг, которые упоминаются в работе В. Г. Сиромахи собственно богослужебными в узком смысле являются лишь два Ирмологиона.

Сборники же переводов Епифания Славинецкого можно отнести к четырем книгам (предназначенным для *домашнего* чтения, а не произнесения в храме на богослужении).

К этой же группе примыкают рукописные кавычные экземпляры Бесед на евангелиста Матфея и Бесед на евангелиста Иоанна, которые восходят к переводам, выполненным Максимом Греком и Андреем Курбским в XVI в. Разумеется, язык этих текстов сильно отличается от языка остальных, рассматриваемых в этом разделе новопереводных четырех книг, (см.: КАЛУГИН 1998: 256–267).

7.4.1 Ирмологий 1657 г. Ирмологий (Ирмологион) содержит для богослужений подвижных и неподвижных дней те молитвословия и песнопения, изменяемые и некоторые неизменяемые, которые назначены Церковью для пения, а не чтения. Содержание Ирмологиона извлечено из разных богослужебных книг. В нем заключаются, прежде всего, ирмосы, от которых он и получил свое название. Далее в нем помещаются все те молитвословия, которые поются певцами на литургиях святого Иоанна Златоуста, святого Василия Великого и Преждеосвященных Даров. Печатаются также Богородичны: а) воскресны Октоиха восьми гласов, иначе называемые догматиками, поемые на вечерне, после стихир на "Господи, воззвах" и на стиховне; б) Богородичны восьми гласов, которые, когда есть "Слава" святому в Минее, поются на "И ныне", по гласу тропаря, петого на "Слава", или, говоря языком Устава, "по гласу Славы".

Затем в Ирмологионе содержатся следующие песнопения утрени: Троичны гласа; тропари, поемые по непорочнах: воскресны и о усопших; полиелей и величания, антифоны степенны; песнопения пред чтением и после чтения Евангелия: прокимны воскресны утренние на восемь гласов, песнь "Воскресение Христово видевшие", тропарь "Молитвами апостолов" и поемые вместо того тропари "Покаяния отверзи ми двери", стихиры особые на некоторые Господние и Богородичные праздники; песни Священного Писания, называемые пророческими, которые поются во время канона. При этом указывается, как поются или, по выражению Типикона, "стихословятся" стихи этих песней в соединении с тропарями канонов в дни непраздничные, в дни праздников и в Четыредесятницу, иначе сказать, указывается, что значит стихословить "Гóсподеви

пои́м" или "Пои́м Господеви", и когда бывает то и другое стихословие; припевы на девятой песни канона утрени, поемые в Господние и Богородичные праздники; песнопения "Всякое дыхание да хвалит Господа" и "Хвалите Господа с небес" и указание, как и когда поется то и другое. Затем стихира "Преблагословена еси, Богородице Дево" и великое славословие поемое (не всedневное - читаемое).

Побуждением к составлению Ирмологиона послужило, по-видимому, то, что ирмосы и припевы на девятой песни канона пели на клиросах, а каноны (тропари их) читались среди церкви. Во избежание необходимости приобретать для певцов другие экземпляры тех книг, из которых читались каноны, и был составлен Ирмологион. Если таково происхождение Ирмологиона, то появился он после прекращения обычая петь стихи (тропари) канона, как то было первоначально. Во всяком случае, Ирмологион существовал уже в XII в., о чем можно судить по одному славянскому Ирмологиону того именно времени, а в XIV в. он был положен на ноты иеромонахом Афонской Горы Иоасафом Кукузелем.

Два неполных, содержащих только ирмосы, кавычных рукописных экземпляра Ирмология – Ирмрук1к57 и Ирмрук2к57 – соответствуют двум следующим друг за другом этапам работы над изданием 1657 года этой книги. Они сплетены вместе с кавычным рукописным экземпляром книги «Скрижаль» (исправленной для московского издания 1656 года), которая помещена в середине книги, между Ирмрук1к57 и Ирмрук2к57.

Как об этом свидетельствует запись на поле «преложишася сия книги внов с еллинска диалекта монахом Арсением Греком» (л. 32), текст ирмология переведен заново с греческого Арсением Греком. Его личность, породившая немало недовольствия среди старообрядцев, была в некоторой мере символична. В Арсение в глазах старообрядцев соединились нравственная низость с отличным знанием «внешней мудрости», т. е. светских наук. (Об Арсение Греке см. ЗИБОРОВ 1992: 105–108.) Так как для традиционной духовности при изменении сакрального текста ключевым понятием являлся духовный авторитет проводившего эти изменения (см. ШАХОВ 1998: 114–130), сомнительные нравственные качества Арсения, а через него и всех остальных справщиков, дискредитировали все исправления, внесенные ими в текст церковных книг. Некоторыми исследователями все же высказана иная, более снисходительная оценка личности Арсения, согласно которой «главной движущей силой в его жизни всегда было стремление учиться. Неважно – где» (ср. ЧУМИЧЕВА 1996: 13–22).

В связи с двумя этапа исправления Ирмология еще раз возникает проблема языкового статуса рукописных кавычных экземпляров. В случае этих книг в особенности хорошо видно, что с языковой стороны эти рукописи, особенности орфография первой части мало чем отличаются от старомосковских. Мы здесь встречаем даже старые написания имени «Ісусъ», которое, разумеется, исправляется на новое «Іисусъ», а также предложные словосочетания и акцентные группы с дониконовским ударением и др.

8. Лингвистическая характеристика исправлений

8.1. Орфография

8.1.0 Принципы орфографии. Одной из важных сфер, в которой проявилась никоновская справа, была орфография. Можно сказать, что с тех пор в русском церковнославянском языке принципиальных орфографических нововведений не было, и, таким образом, одним из важных результатов работы никоновских и послениконовских справщиков является строго регламентированная орфография современного русского церковнославянского языка.

Как известно, при создании первой славянской азбуки Константин-Кирилл руководствовался главным образом фонетическим принципом письма, ср. употребление графемы **Ѧ** как в соответствии с этимологическим **ѧ**, так и с **Ѣ**, которые в диалекте солунских (болгарских?, македонских?) славян звучали одинаково или отражение орфографией разного рода ассимиляции, например, **ицѣлити** /zс/ и другие хорошо известные примеры. В ходе дальнейшей истории церковнославянского языка в орфографии наблюдаются явления, противоречащие фонетическому принципу: в первую очередь из греческих образцов в нее, проникают разного рода искусственные формы, а также активизируется стремление к отражению этимологического и морфологического состава и грамматической формы слов.

Такая же двойственность характеризует и исправления в кавычных книгах. С одной стороны они свидетельствуют об основном стремлении согласовать орфографию с книжным произношением, которое в свою очередь тем или иным образом связано с разговорной фонетикой (см. об этом ниже, раздел 3.6). Следует однако учесть при этом принципиальное различие в этом отношении между церковнославянским и разговорным языком: письменная форма церковнославянского языка является первичной, определяющей, а звучащая форма – вторичной; как известно, в обычных разновидностях языка дело обстоит как раз наоборот. С другой стороны, на это основное стремление наслаивается ряд искусственных правил, которые будут рассмотрены ниже. Главным средством выражения их является большое количество дублетных графем и надстрочных знаков, распределение которых регулируется следующими принципами:

Базовый:

1. По началу / середине / концу слова и сочетаемости с другими буквами.

Дополнительные:

2. По дифференциации грамматической омонимии.

3. По дифференциации лексической омонимии.

4. По отражению орфографии языка-источника / греческого (в случае заимствований).

5. По отражению морфологического состава и этимологического разбора.

Дополнительные принципы (2–5) применяются в первую очередь в случае необходимости разграничения омонимичных (омофоничных) форм, а также для передачи информации, связанной с языковой рефлексией, т. е. являются маркированными по сравнению с первым принципом.

8.1.1 Рассмотрим первый, обязательный принцип более детально. В данном отношении к концу XVII в. складывается следующее распределение дублетных гласных букв. В начале слова употребляются «широкие» варианты начертания графем, тогда как в середине и конце пишутся «узкие» варианты. Так в начальной позиции мы имеем «ѣ, ѡѣ, ѡ», а в остальных позициях должны стоять «ѣ, ѣ, ѡ».

По нашим наблюдениям, подобная дистрибуция наблюдается уже и в московских дониконовских книгах, однако в них также имеется ряд отступлений. В частности, употребление графических вариантов ѡѣ – ѣ в московских дониконовских книгах является иным: они встречаются как в начальной, так и в неначальной позиции.

Выбор между ними определялся ударением: в подударной позиции ѡѣ, в безударной – ѣ. Это в большинстве случаев подтверждается нашими наблюдениями. В послесловии к московскому Апостолу 1644 г. ,в частности, читаем об этом следующее:

... такоже и ѡ ѣ и ѡѣ разсѣжденіе ѡ древнихъ прѣдхомахъ, нѣже речъ ѡтѣжчетѣ ѡ (т. е. под тупым ударением, вариет `) или нзострѣтетѣ (т. е. под острым ударением, оксией ´), чѣ полагахѣ ѡѣ, древній писцы, какъ прѣдоѣ, прѣнеѣѣ, везѣѣ, ндоѣ Лѣкоѣ, лѣкѣ, развѣ нѣже ѡ предвѣретѣ за единою бѣквою, какъ томѣ, комѣ, тоѣ ѣ полагаетѣ или Слатѣѣтѣ или побѣніе, побѣніа, побѣнію, побѣніемъ, ѡ побѣніи (на левом поле со знаком вставки: пѣдѣжн) (цитируется по КАЗАКОВА 2004: 167).

Таким образом для употребления подударного оу – наряду с указанным нами выше правилом – вводится следующее ограничение: если буква о стоит непосредственно или через букву слева от «у», вместо оу все же употребляется ъ, даже под ударением.

Многочисленные исправления подобных форм в кавычных экземплярах свидетельствуют о том, что эти правила противоречили представлениям никоновских справщиков о новой норме, восходящей к Грамматике Смотрицкого, ср. СМОТРИЦКИЙ 1619: л. 6 об.: «оу и ъ: Аще и во всѣхъ реченія слозѣхъ неразличне помагаема [полагаема] быти ѡбыкоша. искуснѣйшими обаче писцами оу въ началѣ реченій. ъ же и ѱ средѣ и в конци оупотребляема ѡбряшутся *ѡкѡ оумудряю, оуступую*». Таким образом, никоновские справщики хотят следовать примеру «искуснѣйших» по Смотрицкому писцов, а не по цитированному по Казаковой «древних писцов» и вносят в книги следующие поправки:

ѡтрѡ → оутрѡ ТцРукк1660 (л. 64)

ѡ ѡнцы → ѡ оуѡнцы ТцРукк1660 (л. 64)

ѡмъ → оумъ ИрмРук1к1657 (л. 11)

ѡтвердѣтеса → оутвердѣтеса ИрмРук1к1657 (л. 109 об.)

ѡслышахъ слѡхъ твой ИрмРук1к1657 (л. 111 об.)

оутверженіе ИрмРук2к1657 (л. 243 об.) = Ирм. М. 1657.

чтоуцымъ любовію стѡю память твою → чтѡцымъ любовію стѡю память твою
МинМайМ1646к1691 (л. 11)

рѡтвоу твоемоу → рѡтвѡ твоемоу МинМайМ1646к1691 (л. 11)

пафноутіе → пафнѡтіе МинМайМ1646к1691 (л. 11 об. и след.)

чтоуцымъ → чтѡцымъ МинМайМ1646к1691 (л. 12 об.)

С другой стороны, в кавычном экземпляре ожидаемые подобные исправления могут отсутствовать, ср.:

разверзе ѡтровы ИрмРук2к1657 (л. 181 об.), однако при наборе первая буква данного слово исправляется М. 1657: оутровѡ, что соответствует современной орфографии: Ирмологий, М. 1913: оутровы

ѡтверженіе ИрмРук1к1657 (л. 64) = М. 1657 (без исправления!), но: М. 1913
оутвержденіе

воуди (без исправления) ИрмРук1к1657 (л. 15)

нвса ѡтвержей словомъ → нвса оутвердивый словомъ ИрмРук2к1657 (л. 243 об.)

ѡтвержей → оутвердивый ИрмРук2к1657 (л. 243 об.)

нвса ѡтвержей словомъ → нвса словомъ ѡтвержей ИрмРук1к1657 (л. 110)

М. 1657 ѡтвердивый

ѡтверженіе ми вѡди → ѡтверженіе мнѡ вѡди ИрмРук1к1657 (л. 110)

и земное основаніе ѡкрепль → и земное основаніе ѡкреплей ИрмРук1к1657 (л. 110)

Из приведенных примеров ясно видна основная тенденция: если на начальном этапе некоторые слова остаются неисправленными, то они могут исправляться при наборе, о чем свидетельствует «правильная» форма в печатном издании. Однако для нас важнее последовательность исправлений, свидетельствующая о нормализационных стремлениях справщиков, чем написания, оставшиеся неисправленными. Интересно отметить, что и сам Смотрицкий часто отступает от своего же правила, и пишет оу в середине слова ср. орфограммы соуѣ (л. 2), соуѣть (л. 2 б.) и др. (СМОТРИЦКИЙ 1619), при том, что в основном употребляет «правильные» орфограммы.

Употребление вариантов и и ѣ в рамках базовых правил зависит от следующей после них буквы: перед гласной и ѣ (которую мы вправе отнести тоже к гласным) пишется ѣ, в остальных же случаях имеем и, ср. исправления:

ѡминѡ → ѡминѡ ТцРукк1660 (л. 41 об.) (исправляют вероятно гиперкорректное написание славянского суффикса, мотивированное заимствованным именем собственным, к которому он присоединяется)

сѣсениѡ → сѣсениѡ ТцРукк1660 (л. 64 об.)

велию → велію ТцРукк1660 (л. 64 об.)

съ тцаниемъ → со тцаниѣмъ ТцРукк1660 (л. 64 об.)

въпиетъ → вопіетъ ТцРукк1660 (л. 64 об.)

При абсолютном преобладании исправлений типа иѡ → ѣѡ нами отмечено несколько случаев отступления от этой тенденции. Однако эти написания безусловно не являются для справщиков нормативными и, как видно по позднейшим изданиям, впоследствии они тоже приводятся в соответствие с основным стремлением, ср.:

блгочадствѡшіѡ → блгочадствѡшиѡ [!] ИрмРук2к1657 (л. 181) (= М. 1657[!], но: М 1913: -ѣѡ)

анны носѣціѧ → анны носѣциѧ [!] ИрмРук2к1657 (л. 181 об.) = М. 1657: -иѧ,
но: М. 1913: -їѧ, аналогично

рождаюціѧ → рождаюциѧ [!] ИрмРук2к1657 (л. 184) но М. 1657: рождаюціѧ = М.
1913: ра[!]ждаюціѧ)

Особого внимания требует описание сочетаемости шипящих и ц с гласными. Поскольку этот вопрос будет рассмотрен ниже в контексте других явлений, здесь ограничимся замечанием, что, на начальном этапе sprawy характерны исправления орфограмм типа жѣ → жю, ср.:

пишѣ → пишюѣ АпМ1648к1653 (л. 58)

нашеѧ → нашою АпМ1648к1653 (л. 95 об.)

ношѣ → ношою ТцРукк1660 (л. 38)

лице невозложѣ перста → лице невозложю перста ТцРукк1660 (л. 45)

сѣшѣ → сѣшою ИрмРук1к1657 (л. 24),

т. е. нормативным является сочетание типа жю, а на более поздней стадии вводятся вместо них такие написания жю → жѣ:

чашю → чашѣ АпРукк1679 (лл. 228 об., 234 об., 235)

прошою → прошѣ АпРукк1679 (л. 187 об.)

съпострадашеѧ → съпострадаше АпМ1671к1679 (л. 17)

пицю → пицѣ АпРукк1679 (л. 18 об.)

вратїѧ продавшыи → вратїѧ продавшїи ТпК1648к1656 (л. 92 об.)

В системе расстановки вариантов знака ударения, сложившейся к XVII в., позиция в слове также играет важную роль. Однако на выбор типа ударения влияет не начало, как в случае дублетных букв, а конец слова. Так, в конце слов употребляется тупое ударение «̀» (*вария*). В начале и середине же слов ставится острое ударение «́» (*оксия*).

Над начальными гласными буквами стоит знак придыхания: *звательцо* (◌̣), или его сочетание со знаком ударения: *исо* (◌̣́) или *апострофь* (◌̣̣); это, как и отсчет ударения не от начала, а от конца слова безусловно является грекоориентированным явлением, восходящим ко второму южнославянскому влиянию. Общие черты этих стремлений

берут начало в трактате Константина Костенечского «О писменех» (см. Ягич 1896: 78–200), а после их совершенствования вышеизложенные правила ударения и придыхания в дальнейшем полностью соблюдаются например в грамматиках Зизания и Смотрицкого и в церковных книгах этой эпохи. На это указывает и небольшое количество чисто орфографических исправлений в области конечных–неконечных надстрочных знаков в исследуемых кавычных книгах, ср. одно из немногих: пишю́ → пишю̀ АпМ1648к1653 (л. 58).

8.1.2. Пожалуй самой характерной чертой развития церковнославянской орфографии данного периода является постепенная выработка и нормирование средств для последовательного снятия грамматической и лексической омонимии. Данное явление также восходит ко второму южнославянскому влиянию, к т. н. принципу *антистиха* (из греческого *αντίστοιχόν*, *противостояние*), следующему греческой грамматической традиции (ср. УСПЕНСКИЙ 2002: 325). Однако, если в среднегреческом языке графическое различие омофоничных форм является следствием естественного фонетического изменения, которое не отражено консервативной орфографией, следующей этимологическому принципу, то на славянской почве образуется полностью искусственное противопоставление, основанное на грамматической рефлексии.

Проиллюстрируем разницу греческого и славянского принципа антистиха. Различение омонимичных форм В. ед. жєнѣ →← Р. П. дв. жєнѣ осуществляется введением искусственного противопоставления є узкого →← є широкого. Если бы славянские книжники следовали до конца тому же принципу, что и греческий, могло бы иметь место противопоставление, отражающее несовпадение фонетического развития и неизменной консервативной этимологичной орфографии, нечто вроде В. ед. *жєнѣ →← Р. П. дв. жєнѣ. Однако в церковнославянской орфографии фонетический принцип, положенный в основу уже и старославянского письма, в данном случае одержал верх, и денализация отражена на письме (разумеется, когда и где она актуальна) и возникают не только омофоничные, но и омографичные формы, которые впоследствии потребуют вторичной дифференциации.

Стремление к орфографической дифференциации разного рода омонимии присутствует уже и в дониконовских церковных книгах, однако, та строгая регламентация, которая отличает современный русский церковнославянский язык, возникает именно во второй половине XVII в.

Охарактеризуем те основные грамматические позиции именного, местоименного и адъективного склонения, в которых наблюдается снятие омонимии орфографическими средствами. В склонении существительных главным является стремление к различению омоформ единственного числа от неединственного (множественного и двойственного) числа, как об этом пишется в трактате «О множестве и о единстве» (см. Ягич 1896: 431), а также во многих грамматических сочинениях XVI и XVII вв. (ср. Зизаний 1596: л. 2, СМОТРИЦКИЙ 1619: л. 6). Таким образом снятие омонимии форм одного и того же числа существительных (за малым исключением) не входит в основные стремления книжников. С другой стороны, в склонении местоимений и членных прилагательных и причастий справщики регулярно снимают омонимию форм даже в пределах одного и того же числа.

Как мы уже отмечали, для снятия омонимии используются орфографические средства: «широкие» буквы *ѣ* и *ѡ* и надстрочные знаки, с намеренным нарушением правил 1-й группы (по началу середине концу слова), а также особое обличенное ударение, «*ѣ̇*», *камора*, которая применяется в тех случаях, когда употребление широких букв *ѣ* и *ѡ* или обычных надстрочных знаков (см. выше) невозможно или недостаточно для ликвидации омонимии.

Характерной особенностью средств различения омонимичных форм является обозначение фонемы /o/. Маркированным, «широким» вариантом в этих случаях является не *о* (как в рамках базовых правил, см. раздел 1) а *ѡ*, которая отдает дань греческому языку, в котором падежные формы множественного числа типа Р. мн. -*ων* противопоставлены формам Р. ед. -*ος* третьего склонения и И.-В. ед. ср. рода -*ου* второго склонения.

Вторая особенность наблюдается в сочетаниях букв *а-ѡ* и *и-ы* с шипящими *ш, ж, ч* и *ц*, в которых фонетически нейтрализованные варианты типа *ша, цы* и. т. п. употребляются как маркированные – при немаркированных *ши, ци* – чаще всего в местоименном и адъективном склонении, о котором см. ниже.

Согласно вышесказанному, в склонении существительных наблюдаются следующие основные омонимичные позиции, подлежащие орфографической дифференциации. Выделяя четыре основных типа склонения мы следуем общепринятой в современных грамматиках церковнославянского языка классификации, которая в общих своих чертах восходит к «Грамматике» Смотрицкого (см. АЛИПИЙ 1964, КРАВЕЦКИЙ–ПЛЕТНЕВА 1996, СУПРУН 1998, РЕМНЕВА и др. 1999), при известном различии

в традиции, какое склонение считать первым, а какое вторым. Знаком →← обозначаем орфографическое противопоставление формы, а знаком = ее тождественность стоящей слева форме.

1-е склонение (на базе склонения, связанного с древним индоевропейским типом на -ǫ-, -ǫ̃-, -ǭ- и согласный):

Грамм. позиция с простой орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией
И. (В. неодуш.) ед. ѣрѣй рѣвѣ	Р. мн. →← ѣрѣѣй, рѣвѣ	
Р. (В. одуш.) ед. равѣ пѣлѣ	И.В.Зв. дв. →← равѣ, пѣлѣ	
Д. ед. равѣ пѣлю	Р.П. дв. →← равѣ, пѣлю	
Т. ед. равѣмъ пѣлемъ	Д. мн. →← равѣмъ пѣлемъ	
П. ед. крѣи	И.Зв. мн. →← крѣи	
П. ед. крѣи	В. мн. →← крѣи	Т. мн. = крѣи
П. ед. мѣжи	И.Зв. мн. →← мѣжи	В. мн., Т. мн. мѣжы = мѣжы,
Зв. ед. (вариант) ѣрѣѣ	И.Зв. мн. →← ѣрѣѣ	

2-е склонение (на базе склонения, связанного с древним индоевропейским типом на -ā-):

Грамм. позиция с простой орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией
Р. ед. женѣ	И.В.Зв. мн. →← женѣ	
Д.П. ед. женѣ	И.В.Зв. дв. →← женѣ	
В. ед. женѣ	Р.П. дв. →← женѣ	
Р. ед. сѣдѣи	И.Зв. мн. →← сѣдѣи	В. мн. = сѣдѣи
Р. ед. юноши	И.Зв. мн. →← юноши	В. мн. →← юноши

3-е склонение (на базе склонения, связанного с древним индоевропейским типом на -ǐ-):

Грамм. позиция с простой орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией
Р.Д.П. ед. зѧповѣди	И.В.Зв. дв. →← зѧповѣди	ИВ.Зв. мн. = зѧповѣди
Т. ед. зѧповѣдїю	Р.П. дв. →← зѧповѣдїю	
Р.Д.П. ед. пѣти	ИВ.Зв. дв. →← пѣтї	В. мн. = пѣтї
Т. ед. пѣтїемъ	Д. мн. →← пѣтїемъ	

4-е склонение (на базе склонения, связанного с древним индоевропейским типом на согласные и -ǔ-):

Грамм. позиция с простой орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией
Р.Д.П. ед. имени	И.В.Зв. дв. →← имѣни	
Р.Д.П. ед. ка̀мени ма̀тери	И.В.Зв. дв. →← ка̀мѣни ма̀тѣри	И.В.Зв. мн. = ка̀мѣни (вариант) ма̀тѣри
Т. ед. ка̀менемъ	Д. мн. →← ка̀менѣмъ	
Т. ед. ма̀терїю	Р.П. дв. →← ма̀тѣрїю	

Как мы уже отмечали, снятие омонимии между любыми падежными формами существительных не является обязательным, и некоторые омоформы орфографически не различаются и в современном состоянии церковнославянского языка. Такими являются, например, в склонении существительных следующие типы:

Омонимия падежных форм существительных одного и того же числа, разрешать которую за редким исключением (см. выше) книжники по-видимому не считали нужным:

Р. ед. равѧ	= В. ед. равѧ	
И. ед. чѧдо	= В. ед. чѧдо	

Д. ед. пáстырю	= Зв. ед. пáстырю	
Р. ед. землѣ	= Д. ед. землѣ	= П. ед. землѣ
Д. ед. женѣ	= П. ед. женѣ	
В. мн. равѣ	= Т. мн. равѣ	
И. мн. чáда	= Зв. мн. чáда	= В. мн. чáда

Сюда относится и восходящее к кирилло-мефодиевской эпохе омонимия падежных форм всех типов склонения в двойственном числе:

И. дв.	= В. дв.	= Зв. дв.
Р. дв.	= П. дв.	
Д. дв.	= Т. дв.	

Есть ряд омонимических позиций, возникающих не в пределах одного и того же числа, а между формами дв. и мн. числа, которые также не снимаются. В свою очередь их орфография уже осложнена из-за стремления противопоставить их формам ед. ч. и дальнейшее осложнение написаний уже невыполнимо, ср. типы:

И.В.Зв. дв. ч ^а да	= И.Зв. мн. ч ^а да	= В. мн. ч ^а да
И.В.Зв. дв. с ^а д ^а и	= И.Зв. мн. с ^а д ^а и	= В. мн. с ^а д ^а и
И.В.Зв. дв. к ^а сти	= И.Зв. мн. к ^а сти	= В. мн. к ^а сти

Однако, в исключительных случаях, грамматическая омонимия форм одного и того числа может сниматься и у существительных, ср. формы В. мн. и И.Зв. мн. имен существительных с конечным шипящим, которые могут орфографически дифференцироваться. Таким образом возникает два варианта орфографического осложнения, ср.:

Грамм. позиция с осложненной орфографией, вариант-1	Грамм. позиция с осложненной орфографией, вариант-2
И. Зв. мн. м ^а жи	→← В. мн., Т. мн. м ^а жы, м ^а жы
И. Зв. мн. ю ^а ши	→← В. мн. ю ^а шы

В этих формах дифференциация уже осложненных орфограмм возможно за счет употребления фонетически нейтрализованных сочетаний непарных по мягкости шипящих и гласных – с намеренным нарушением базового правила (см. выше раздел 1), согласно которому для обозначения сочетаний типа /ša, šu, šī/ следует писать **ша, ш^а, ши**.

По сравнению с предшествующими этапами освоения принципа антистиха, на которых соответствующие орфографические противопоставления применяются не только в случае омонимичных форм, но закрепляются за теми или иными грамматическими категориями вообще (см. УСПЕНСКИЙ 2002: 327), к началу XVII века в Юго-Западной Руси можно отметить и обратную тенденцию, своеобразную экономию средств выражения. Таким образом, начиная с Грамматики Смотрицкого до современного церковнославянского языка дополнительные орфографические средства применяются только в том случае, если выполняют некоторую функцию (снятие грамматической или лексической омонимии, обозначение этимологии или морфемного

состава слова). До этого было много избыточных осложненных орфограмм мн. числа, напр. в Грамматике Зизания приводятся формы В., Т. мн. **вѡгѣ**, И., З. мн. **вѡзи** (во всех падежных формах мн. числа слова «бог» употребляется **ѡ**, вне зависимости от наличия омонимичной пары в ед. числе см. Зизаний 1596: лл. 26 об.–27). В Грамматике Смотрицкого подобные орфограммы заменяются простыми написаниями, ср. соответствующие формы В., Т. мн. **дрѡги** и И., З. мн. **дрѡзи** – у Смотрицкого парадигма слова **богъ** не приведена – при сохранении осложненной орфографии Р. мн. **дрѡгѡвъ** / **дрѡгъ** и Д. мн. **дрѡгѡмъ**, которые противопоставлены соответствующим омонимичным формам ед. числа и притяжательного прилагательного (ср. СМОТРИЦКИЙ 1619: л. 42 об.). Та же тенденция к экономии средств выражения характеризует и московскую никоновскую справу.

Согласно этому стремлению в случаях, где функцию различения грамматических форм выполняет подвижное ударение, разумеется, употребление дополнительных орфографических средств было бы избыточным и, следовательно, в таких позициях, как Р. ед. **земли** И.З.В. мн. **зѣмли** не имеем осложненной орфограммы с **ѣ** широким в основе.

Есть однако два окончания, на которые в некоторых случаях не распространяется отмеченная выше экономия средств выражения. Мы имеем ввиду **-ѡмъ**/**-ѣмъ** в Д. мн. словах м. и ср. рода, которые по сей день пишутся с широкими вариантами букв во всех случаях, включая и те, в которых в данной позиции различительную функцию выполняет другое средство, напр. на фонетическом уровне подвижное ударение, ср. такие формы, как **дѡхѡмъ**-**дѡхѡмъ** и подобные.

Что же касается окончаний, **-ѡвъ** / **-ѣвъ**, которые также всегда пишутся с широкими буквами **ѡ** и **ѣ**, то они различают омонимичные формы Р. мн. и однокоренных притяжательных прилагательных, ср. исправления типа: **оцевъ** → **оѣвъ** (ГДЯ □ Ирм Рук1к/657 (л. 215), **долговъ разрешеніе** → **долгѡвъ разрешеніе** ТцРукк/660 (л. 36 об.)

Эти написания также можно интерпретировать как орфографическое противопоставление единственного и множественного числа, несмотря на то, что формально эти слова относятся к разным частям речи, см. ниже. В то же время, как известно, в языковом сознании современников притяжательные прилагательные воспринимались

не как другая часть речи, а как форма однокоренного существительного, что подтверждает факт, что эти формы в некоторых грамматических сочинениях, например в «О осмих частех слова» или «Донатусе» Дмитрия Герасимова вводятся в парадигму существительных на месте родительного падежа (ср. Ягич 1896: 41 и след.; 537). С другой стороны, вариант окончания *-ѣй* окончания того же падежа (Р. мн.) пишется через *ѣ* узкое, так как не выполняет различительную функцию.

В итоге, рассматривая употребление окончаний *-ѡмѣ / -ѣмѣ* и *-ѡвѣ / -ѣвѣ* с неизменяемой осложненной орфографией, можно сформулировать более точное общее правило, согласно которому сферой обязательного действия вышеупомянутого принципа экономии является основа слова, тогда как на формы окончаний он распространяется не всегда.

В кавычных книгах есть и такие случаи, где употребление «широких, сложных» вариантов букв, свойственных мн. и дв. числу отмечено в случаях, непосредственно не связанных ни с грамматической омонимией, ни с начальной позицией в слове, например тип: И. мн. *людіѣ*. Об этом свидетельствуют такие исправления: *три мѡжи* → *тріѣ мѡжіѣ* АпМ1671к1679 (л. 60), *сѡжитѣли* → *сѡжитѣліѣ* АпМ1671к1679 (л. 248).

Однако эти орфограммы вскоре исчезают, заменяются *ѣ* простой, и не входят в современную норму церковнославянского языка (ср. современное: *людіѣ*). Вероятнее всего *ѣ* широкое возникло здесь по аналогии к «правильному» окончанию слов типа *іерѣй*, которые противопоставляют орфограммы падежных форм *іерѣѣ* Зв. ед. (вариант) → ← *іерѣѣ* И. мн. Однако эти орфограммы вскоре исчезают, и не входят в современную норму церковнославянского языка (ср. современное: *людіѣ*).

В склонении местоимений, как мы уже упоминали, наблюдается систематическое различие не только форм ед. числа и форм неединственного, но и снятие омонимии в пределах одного и того же числа. Так В. ед. местоимений типа *азъ ты себе*, а также *ѣ* и *ѣ* отличаются от Р. ед., для которого в окончаниях вводится *ѣ* широкая и соответственно *ѡ*.

Грамм. позиция с простой орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией
В. ед. <i>менѣ</i>	→← Р. ед. <i>менѣ</i>

В. ед. тебе	→← Р. ед. тебѣ
В. ед. себѣ	→← Р. ед. себѣ
В. ед. ѿго	→← Р. ед. ѿгѡ

В мн. числе однако для омонимичных форм В. мн. и Р. мн. этих же местоимений картина такова: формы В. мн. *насѣ васѣ* орфографически не отличаются от Р. мн.

В. мн. насѣ	= Р. мн. насѣ
В. мн. васѣ	= Р. мн. васѣ

С другой стороны, Р. мн. *ѣхѣ* отличается от В. мн. *ѣхѣ*. Следует отметить, что, в отличие от ед. числа, написания с намеренным нарушением базовых правил (см. разд. 8.1) употребляются не в родительном падеже, а в винительном.

Грамм. позиция с простой орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией
Р. мн. <i>ѣхѣ</i>	→← В. мн. <i>ѣхѣ</i>

В кавычных книгах данное стремление отражено противоречиво, так как для оформления данного противопоставления в некоторых книгах орфограммы употреблены как раз наоборот, т. е. простую орфограмму (*ѣхѣ*) стремятся употреблять для выражения В. мн., а осложненную (*ѣхѣ*) – для Р. мн.: *посредѣ ѣхѣ* → *посредѣ ѣхѣ*

ТцРукк1660 (л. 36 об.)

Как мы отмечали выше, к числу проблематичных относится употребление букв *ѣ-ю*, *ѣ-ѡ* и *ѣ-и* после шипящих и *ц*. Справщики были поставлены перед проблемой, какие сочетания считать основными, немаркированными, а какие вторичными, обладающими дополнительными функциями. При выборе первичных вариантов надо было решить, отражать ли качеством последующей гласной буквы фонетическую твердость-мягкость соответствующих согласных, к этому времени уже ставших непарными по данному признаку или найти некий другой принцип. После непродолжительного периода неустойчивости нормы, решение принимается в пользу сочетаний типа *ша*, *шѣ*, *ши*. Поскольку употребление *ю*, *ѡ* и *ѣ* в подобных сочетаниях стало избыточным, можно найти какую-нибудь функцию, к выполнению которой можно применить данные не

имеющие фонетического значения варианты (ша-ша̣ ш̣-ш̣ю ши-шы и подобные с щ ж ч ц). Как будет показано ниже, данные сочетания используются для различения омоформ единственного и неединственного числа именного и местоименного склонения. Об этом же пишет М. Смотрицкий: «и се вѣстно бѣди **с а м ы л а** орфографіа дѣла полагемъ быти ѡ, во окончаніи зде в перво(м) склоненіи винительнаго множественнаго в первом же и родительнаго на **-жа, -ца, -ча, -ша и -ща** кончанихъ женскихъ: произносно же быти како: отца̣ какоже отца, чванца̣ какоже чванца и про(ч)» (ср. СМОТРИЦКИЙ 1619: л. Е/5 об. – Е/6).

Однако, как отмечает Е. А. Аксенова, а вслед за ней и В. Г. Сиромеха, в данном случае исправления не столь устойчивы, как в отношении остальных явлений языка и орфографии (ср. АКСЕНОВА 1976: 178, СИРОМЕХА 1981: 163).

Если справщики никоновского времени преимущественно вносят исправления одного типа **нош̣ → ношю**, ср.: **нош̣ → ношю** ТцРукк1660 (л. 38), **лице невозлож̣ перста → лице невозложю перста** ТцРукк1660 (л. 45), то иоакимовские справщики как правило эти орфограммы заменяют на **нош̣**.

На этом основании Аксенова говорит о том, что «орфографические нормы [вообще! – I. Н.], взятые никоновскими справщиками из Грамматики, оказались наименее устойчивыми» (АКСЕНОВА 1976: 178). В. Г. Сиромеха видит причину неустойчивости норм, связанных с шипящими, в противоречивости самих рекомендаций Грамматики Смотрицкого (см. СИРОМЕХА 1981: 163).

С другой стороны, как мы попытались показать выше, на данный вопрос можно взглянуть со стороны снятия омонимии грамматических омоформ и экономии средств выражения их дифференциации. Таким образом, данное изменение орфографической нормы вписывается в более общее стремление «морфологизации» орфографии, в рамках которой с одной стороны для возможных орфографических вариантов вводится новая функция различения омофоничных морфем. В тех же случаях, когда такой функции не находится, на вторичный вариант налагается запрет.

Образцом механизмов снятия омонимии форм на шипящие может служить склонение местоимения **наш̣ъ**. Кроме случаев, отмеченных выше, имеется ряд дублетных орфограмм с использованием непарности по твердости-мягкости согласных, обозначаемых буквами **ж, ц, ч, ш и щ**, типа **ша-ша̣, ши-шы** и др.

Грамм. позиция с простой орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией	Грамм. позиция с осложненной орфографией
м. р., ср. р. В. ед. нашего	→← м. р., ср. р. Р. ед. нашегѡ	
ж. р. И. ед. наша	→← м. р. ИВЗ. дв. наша	
ж. р. И. ед. наша	→← ж. р. И. мн. наша	= м. р., ж. р. В. мн. наша
м. р., ср. р.Т. ед. нашимъ	→← м. р., ср. р.Д. МН. нашимъ	

Отмеченные выше механизмы играют решающую роль при проведении справки, ср.:

и намъ тожде ѡвѣщавшимъ → и намъ тожде ѡвѣщаюшымъ ТцРукк1660 (л. 5)

намъ поющимъ → намъ поющимъ ТцРукк1660 (л. 5)

идшимъ → идшимъ ТцРукк1660 (45 об.)

миронѡсици → мвронѡсици ТцРукк1660 (лл. 64, 64 об.) // М 1660: мвронѡсици

рано бывша → ранѡ бывша ТцРукк1660 (л. 64 об.)

дошедша → дошедша ТцРукк1660 (л. 64 об.)

видеша → видеша ТцРукк1660 (л. 64 об.)

поющимъ → поющимъ ИрмРук1к1657 (л. 19)

свцимъ ИрмРук1к1657 (л. 115) форма мн. ч. при наборе исправляется,

ср.: М. 1657: свцимъ

идшимъ и поющимъ → идшимъ и поющимъ ОБ1581к1663 (л. 265)

такѡ глѣтъ ѣ непокарающимъ → такѡ глѣтъ ѣ непокарающимъ ОБ1581к1663 (л. 348 об.)

люди обрѣтшаъ → люди вбрѣтшыаъ ОБ1581к1663 (л.134 об.)

В приведенных выше исправлениях отразилось стремление к различению форм единственного числа от форм неединственного числа, для выражения которых вводятся нестандартные сочетания гласных букв с шипящими. О противоположной тенденции свидетельствуют следующие примеры, в которых упраздняется избыточное употребление нестандартной орфографии, см.:

съпострадаша → съпострадаша АпМ1671к1679 (л. 17)

выша → **выша** АпМ1671к1679 (л. 17 об.)

оумершю → **оумерш** АпМ1671к1679 (л. 18)

пицю → **пиц** АпРукк1679 (л. 18 об.)

оуча → **оуча** АпРукк1679 (л. 171)

прошю → **прош** АпРукк1679 (л. 187 об.)

чащю → **чащ** АпРукк1679 (л. 228 об., 234 об., 235)

Вопросы склонения прилагательных в рамках нашей работы специально рассматриваться будут ниже, в разделе 8.2.2. , заметим лишь то, что написания падежных форм членных прилагательных и причастий строятся в основном по образцу соответствующих местоимений. Однако в некоторых формах слов с подвижным ударением ожидаемая осложненная орфография не употребляется по той причине, что различительную функцию уже выполняет ударение (см. выше).

Хотя стремление к снятию грамматической омонимии орфографическими средствами актуально главным образом для именного и местоименного словоизменения, можно отметить случаи проявления этой тенденции и в области глагола. В формах мн. ч. аориста и имперфекта, в особенности в украинских книгах, часто употребляется осложненная орфограмма с буквой **w**, напр. окончание **-хwwъ**, вероятно, из-за стремления к особому орфографическому оформлению множественного числа. Однако, поскольку орфографическое осложнение данной формы функционально избыточно – нет ни омонимичной словоформы, ни омонимичной морфемы (суффикса, флексии) – в дальнейшем они нормой не усваиваются, и все подобные орфограммы исправляются на постые, напр. окончание **-хwwъ**, исправляется на **-хoмъ**, либо в кавычной книге, либо уже непосредственно при наборе. Таким же образом написания типа **-хwwъ**, возникшие в московских кавычных книгах вероятно под влиянием украинских написаний, заменяются справщиками на **-хoмъ**, ср.:

нeшпpавдoхwwъ → **нeшпpавдoхoмъ** ТпК1648к1656 (л. 93 об.) в московской дониконовской «гермогеновской» Триоди (М. 1607) встречаются только формы типа: **нeшпpавдiхoмъ**

вeзaкoнoвiхwwъ ТпК1648к1656 (л. 93 об.) ср.: московская «гермогеновская» Триодъ (М. 1607): **вeзaкoннoвaхoмъ**

дoстигwшa → **дoстигoшa** ТцРукк1660 (л. 64)

wбpътoхwwъ → **wбpътoхoмъ** АпМ1671к1679 (лл. 41 об., 42)

предрекохѡмъ → предрекохѡмъ АпМ1671к1679 (л. 256)

въровахѡмъ → въровахѡмъ АпМ1671к1679 (л. 258 об.)

послахѡмъ → послахѡмъ АпРукк1679 (л. 42)

не выхѡмъ → не выхѡмъ АпРукк1679 (л. 118)

оуповахѡмъ → оуповахѡмъ АпРукк1679 (л. 234 об.)

Другое явление глагольного формообразования оказалось более долговечным, так как входит в современную церковнославянскую норму. Речь идет о нечленной форме страдательных причастий настоящего времени, которые в И. ед. м. р. пишутся с буквой в ѡ конце в тех случаях, когда данная форма созвучна форме 2. л. мн. ч. настоящего времени, заканчивающейся на ѡ ср. причастие **творимъ** и форму настоящего времени **творимъ**. В одной из кавычных книг нами отмечено исправление: **содержимъ** → **содержимъ** ИрмРук1к1657 (л. 246), ср. современную форму в М. 1913: **содержимъ**. Согласно рекомендациям различных грамматик, в современном русском церковнославянском между произношением этих форм нет разницы.

Особым случаем проявления тенденции к снятию грамматической омонимии можно считать различение омофоничных форм относящихся к разным частям речи, образованных от одного и того же слова. Так, окончание существительных в Р. мн. пишется маркировано **-ѡв**, в отличие от притяжательных прилагательных, которые имеют простую (следующую только принципу 1) орфографию **-ѡв**. Исправления в разных кавычных книгах (см. выше, в разделе 8.2) свидетельствуют о четких представлениях справщиков об этой орфографической норме: **долговъ разрешеніе** → **долгѡвъ разрешеніе** ТцРукк1660 (л. 36 об.).

Таким же образом наречия должны отличаться от омофоничной краткой формы прилагательного с конечным **-ѡ**. Наречия получают в данной позиции маркированную букву **ѡ**, в отличие от простой **ѡ**, которая пишется в конце прилагательных. Об этом свидетельствуют многочисленные исправления, ср.:

содѡанѡ бысть → **содѡано бысть** ТцРукк1660 (л. 42) **ранѡ бывша** → **ранѡв бывша** ТцРукк1660 (л. 64 об.)

самовластно → **самовластнѡ** ТцРукк1660 (л. 64 об.)

такѡ глѣтъ ѡ непокаряющимъ → **такѡв глѣтъ ѡ непокаряющимъ** ОБ1581к1663 (л. 348 об.)

Такая дистрибуция букв *o* и *w* имеет прямую аналогию в греческом языке: ср. окончание прилагательных на *-os*, которым соответствует *-os* в конце производных от них наречий.

3.3. Стремление к снятию лексической омонимии наблюдается на уровне анализируемого материала в гораздо меньшем количестве, чем дифференциация грамматических омонимов, и характеризует узкий круг лексем. Тем не менее, эти исправления весьма последовательны и таким образом в норме вне сомнения занимают центральное место. Подтверждение этому и тот факт, что некоторые слова, дифференцированные таким образом, входят и в послепетровскую гражданскую орфографию.

Безусловно такими являются *миръ* (*покой*) и *миръ* (*вселенная*), которые в Московской Руси начинают различаться таким образом именно с никоновской справы:

мирови же → *мирови же* ТцРукк1660 (л. 64 об.)

w всемъ мирѣ → *w всемъ мирѣ* АпМ1648к1653(лл. 16, 17 об., 19 об.)

во всемъ мирѣ → *во всемъ мирѣ* АпМ1648к1653 (л. 21)

грѣхъ вѣ ъ мирѣ → *грѣхъ вѣ ъ мирѣ* АпМ1648к1653 (л. 36)

наспасѣнїе всемѣ мирѣ → *наспасѣнїе всегw мїра* (ИрмРук1к1657л. 63)

В некоторых современных русских изданиях наблюдается своеобразная тенденция: слово *мир* в значении космос в некоторых современных русских текстах снова употребляется со старой орфографией (*мир*, *мирѣ*) – вразрез с действующей нормой и набором букв *–*, являя собой любопытный пример возрождения принципа графической дифференциации лексических омонимов.

Подобным образом дифференцируются *языкъ* (народ) и *языкъ* (орган речи), ср. УСПЕНСКИЙ 2002: 328–329 и исправления типа:

языка велерѣчивагw → *языка велерѣчивагw* ТпК1648к1656 (л. 2 об.)

языкъ → *языкъ* АпРукк1679 (л. 62)

Однако нами также отмечены исправления в обратном направлении, ср. *еврейскимъ языкомъ* → *еврейскимъ языкомъ* АпРукк1679 (л. 16).

3.4. Грамматика Смотрицкого предписывает в словах заимствованных употреблять орфограммы, свойственные языку-источнику: «Опасно прочее блюдомо буди: во Греческих речениих орфографии греческой, в латинских латинстей хранимѣй быти: и

во еврейских еврейстей» (СМОТРИЦКИЙ 1619: л. 9). В соответствии с этим мы можем привести массу исправлений типа:

ωрганъ → органъ ТпК1648к1656 (л. 203)

φωмины → ωмины ТцРукк1660 (л. 67)

φωма → ωма ТцРукк1660 (л. 45)

смирною → смурною ТцРукк1660 (л. 64 об.)

твореніє оѿ(ч)ника егѡ инокентіа → инокентіа МинМайМ1646к1691 (л. 11 об.)

стихъ → стіхъ МинМайМ1646к1691 (л. 43)

икось → ікосъ МинМайМ1646к1691 (л. 14)

канонъ праздникъ со ирмосѡмъ → канѡнъ праздника со ірмосѡмъ
МинМайМ1646к1691 (л. 11 об.)

стихѣры → стіхіры МинМайМ1646к1691 (л. 43)

пополцелєбъ → по полуцлєи МинМайМ1646к1691 (л. 44 об.)

вместо міра → вместо мѡра... ѡ масти ИрмРук1к1657 (л. 10 об.)

миронѡсици → мѡронѡсици ТцРукк1660 (лл. 64, 64 об.) // М. 1660: мѡронѡсици

еретическаа → еретическаа ИрмРук1к1657 (л. 85 об.)

ангеломъ сохранивый → аггеломъ сохранивый ИрмРук2к1657 (л. 89 об.)

во египтѣ → во егѡптѣ ИрмРук1к1657 (л. 107)

К этому же стремлению можно отнести введение таких форм, не отражающих йотацию, как:

аφанасіа → афанасіа МинМайМ1646к1691 (л. 17 об.)

катавасіа → катавасіа МинМайМ1646к1691 (л. 46)

хрѣтїанѡмъ → хрѣтїанѡмъ МинМайМ1646к1691 (л. 24 об.)

вѡвремѡ ликинїана → вѡвремѡ ликинїана АпМ1648к1653 (л. 5.)

иудее → юдее АпМ1648к1653 (л. 96)

В итоге иногда может отражаться орфография языка-посредника (греческого, южнославянского или украинского) ср. формы израиль, исраиль при еврейском /йисраэл/. С этим словом связаны следующие исправления:

израильтанѡмъ → исраильтанѡмъ ИрмРук1к1657 (л. 1)

израила → исраила ИрмРук1к1657 (л. 1 об.)

въ пѣстыни тыѡ ѿны израилевы → *исраилевы* ИрмРук1к1657 (л. 2 об.)

израилевъ → *исраилевъ* ИрмРук1к1657 (л. 22 об.)

израиль → *исраиль* ИрмРук1к1657 (л. 83)

Савватий с юмором критикует их в своей известной челобитной: «Ей Государь, смутились и книги тѣм портят: гдѣ глаголѣ(с)тся [так в издании!]... израиль, тамо въ земли (з) мѣсто–слово (с) полагают... Трудно сего и глаголати, а *исраиль* в нашем славенском языцѣ зѣло непригоже. А гдѣ глаголются *зраки*, тамо весьма нелѣпо изменяти земли(з) словом (с)...» (см. ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЕ: 36–37).

3.5. Отдельно приведем несколько примеров, свидетельствующих о стремлении к отражению орфографией морфологического состава и этимологического разбора слова. Приставки с конечным /z/ в украинских книгах как правило пишутся с отражением ассимиляции по глухости-звонкости. Эти фонетически мотивированные формы исправляются на морфологически мотивированные, не отражающие ассимиляцию. Данные орфограммы допускают и другое объяснение: в московском литургическом произношении, возможно, в этих позициях произносился звук /z/ с неким гласным призвуком (ср. УСПЕНСКИЙ 2002: 150–155), т. е. можем иметь дело с отражением отличающегося от украинской традицией книжного произношения.

испламени → *из пламене* ТпК1648к1656 (л. 2 об.)

возръти → *возръти* ТпК1648к1656 (л. 7)

истла → *изтли* ТпК1648к1656 (л. 93)

истевѣ → *изтевѣ* ТпК1648к1656 (л. 93)

восташи → *возташи* ТпК1648к1656 (л. 220 об.)

раствораете → *разтвораете* ТцРукк1660 (л. 64)

растѣписѡ вода → *растѣписѡ вода* ТцРукк1660 (л. 177 об.)

Данный тип написаний в случае сочетаний *зс* (ср. *разступися*, *возташи*), сохраняется в новом литературном языке вплоть до реформы 1918 года, когда и для таких слов вводятся орфограммы, отражающие произношение с ассимиляцией (см. об этом подробнее ОБЗОР ПРЕДЛОЖЕНИЙ 1965: 230–240).

С неотражением живого произношения, в частности ассимиляции, связано следующее критическое замечание Савватия, конец которого уже цитировался выше: «Ей Государь, смутились и книги тѣм портят: гдѣ глаголѣ(с)тся [так в издании!] зѣ Богомъ, зѣ душею, зѣ дѣвою... тамо въ земли (з) мѣсто–слово (с) полагают. Печатают: съ

Богомъ, съ душею, съ дѣвою... Трудно сего и глаголати...» (см. Три Челобитные: 36–37). Другими словами, Савватий протестует против введения не следующему произношению морфологического принципа написаний. Произношение, которое свойственно Савватияу таким образом характеризуется ассимиляцией типа /сд → зд/ (как и современное русское литературное произношение), с той лишь особенностью, что Савватий это отражает и в орфографии.

Графема **ѡ** и **ѡ̄** в начале слова /морфемы пишется только в предлоге и приставке **ѡ**, **ѡѡ**, **ѡ̄** и подобных случаях (обычным начальным вариантом является **ѡ** широкое ср. раздел 1). Согласно этому, справщики вносят в кавычные экземпляры исправления типа:

ѡбогатѣвшисѡ → **ѡбогатѣвсѡ** ОБ1581к1663 (л. 266)

ѡвѣремѡ ѡно → **ѡвѣремѡ ѡно** ТцРукк1660 (л. 40)

ѡраѡцѡ → **ѡраѡцѡ** ТцРукк1660 (л. 41)

ѡсмици → **ѡсмици** ТцРукк1660 (л. 44)

??? 3.6. Стремление к согласованности с книжным произношением наблюдается в наиболее чистом виде при правке юго-западнорусских книг, в которых исправляются многие орфографические черты, противоречащие московской традиции церковного произношения.

жрътвѣ → **жертвѣ** ОБ1581к1663 (л. 346)

ѣсмѣ → **ѣсмѣ** ТпК1648к1656 (л. 218 об.)

мытарѣ → **мытарѣ** ТпК1648к1656 (л. 220)

чѣрвѣ → **чѣрвѣ** ТпК1648к1656 (л. 259 об.)

Вместе с тем, некоторые формы, восходящие к юго-западнорусской книжной традиции, все же усваиваются новой нормой. В первую очередь это изменение прежних акцентных групп с предлогами, в которых теперь ударение ставится на знаменательном слове (ср. исправления типа **на древо** → **на дрѣво** ИрмРук1к1657 (л. 8 об.), которые на первой стадии справки имели «компромиссную» орфографию со знаком вариации на предлоге и оксии на знаменательном слове (ср. **во вѣки**), а также ряд имен собственных с юго-западнорусским ударением впоследствии входит в разные разновидности великорусского языка (церковнославянский, «высокий штиль», просторечие) (ср. Успенский 2002: 438–450).

Регулярно исправляются юго-западнорусские написания предлогов **съ къ въ въз** на орфограммы, отражающие различное чтение букв **ъ** и **ѡ**, см. новые формы **со ко во воз**. Кавычные книгисодержат очень большое количество таких примеров, ср. ТцРукк1660 (лл. 36, 39, 44, 64 об., 143 и др.).

В эпоху никоновской справы становится повсеместным употребление «буквы» **й**, т. е. «иже с краткой», название которой со временем изменилось (ср. современная «и краткая»). В кавычных экземплярах регулярно заменяются определенные формы с **и** на формы с **й**, ср. такие исправления, как:

праведныи → **праведный** АпМ1648к1653 (л. 10 об.)

гѣли → **гѣлий** АпМ1648к1653 (лл. 16 об. 17)

стыи → **стый** АпМ1648к1653 (л. 18)

стыи дѣхъ → **стый дѣхъ** АпМ1648к1653 (л. 21)

О том, что введение графемы **й** в некоторых случаях противоречило старомосковской норме, свидетельствуют исправления таких описок, как **бѣжии** ИрмРук1к1657 (л. 11), где писец, безусловно знакомый с новыми вводимыми нормами, под влиянием старых навыков все же употребляет прежнюю форму, которая в ходе повторного просмотра в соответствии с новой нормой исправляется справщиками на **бѣжий** (там же). В том случае, когда данное исправление касалось слов, непосредственно относящихся к Богу, сторонники старомосковской традиции выражают недовольство. Так против «й» в слове «святый» протестуют старообрядцы, считая последнее «полу-именем... якобы вместо Ивана Ванька» (ПОСОШКОВ 1895–1905, II: 21, цитируется по УСПЕНСКИЙ 2002: 442). Заметим, однако, что **й** не была чуждой московским книгам времени патриарха Иосифа, как это показывает большое количество примеров. В тексте Апостола (М. 1648 г.) и в неправленном виде спорадически встречается графема «й»: **блаженный** л. 4 об. **галилейска** л. 3 об., **моей** л. 222.

Этимологически правильное написание **пѣсокъ** заменяется орфограммой **песокъ**: **пѣсокъ мѡрскій** → **песокъ морскій** ОБ1581к1663 (л. 134 об.).

Эта орфограмма является московским нововведением. Об этимологическом звуке /ѣ/ свидетельствуют и следующие формы: старосл. **пѣсокъ**, современный укр. *пісок*, в Лексиконе Памвы Беринды *пѣсокъ* (ср. еще ФАСМЕР 1964–1973). В то же время как в

дониконовском Евангелии (М. 1646), так и в современном церковнославянском данное слово пишется *пѣсокъ*.

Интересно отметить, что иногда в письменных кавычных книгах появляется необходимость уточнить, какие слова написаны слитно, а какие раздельно.

и звранныи(!) → *избранный* (слитно) ИрмРук1к1657 (л. 140 об.)

і сраиль(!) → *исраиль* (слитно) ИрмРук1к1657 (л. 140 об.)

і ѡнѣ → *іѡнѣ* (слитно) ИрмРук1к1657 (л. 213 об.)

Не стоит забывать, что в старомосковских богослужебных книгах некоторые типы словосочетаний, как правило акцентные группы, писались и печатались слитно. Учитывая это, можно по-новому взглянуть на утверждение старообрядцев, будто форма Иисус являет собой союзное словосочетание. При безусловном наличии гиперболы, обусловленной полемической установкой, привыкшие к слитному письму глаза действительно мог интерпретировать данное написание таким образом. Кстати, писец Ирмология, употребляя по инерции старомосковские формы, иногда пишет старое *Исус* / *Исус* вместо нового *Иисус*.

4. Итак, исследованные нами кавычные экземпляры однозначно свидетельствуют о стремлении московских книжников к строгой нормализации орфографии. Ее самой характерной особенностью является орфографическая дифференциация омонимов. При этом в большинстве случаев они избавлялись от избыточного, т. е. не связанного со снятием грамматической или лексической омонимии употреблением осложненных написаний. Часть этих процессов находится в русле дониконовской, иосифовской справки, однако отмечено несколько таких новшеств, которые вызвали критику и отпор заботящихся о чистоте языка и веры приверженцев прежней традиции. Орфографические дублеты вписываются в общее стремление к снятию омонимии и дифференциации синонимов, которое может осуществляться и другими, в частности морфологическими средствами, ср.: введение форманта *-ѡвѣ* в Р. мн., закрепление за бывшей формой В.=Р. ед. ж. р. *ѣѧ* значение только Р. ед. и др., рассмотрению которых посвящены следующие разделы настоящей работы.

Хотя при введении гражданского шрифта в петровскую эпоху русская орфография отказалась от значительной части особенностей послениконовской кириллической орфографии, многие принципы остались практически без изменения до реформы 1917–1918 гг. и даже до наших дней. К сожалению в скромных рамках нашей

работы нельзя провести до конца исчерпывающий анализ, мы лишь попытались обозначить наиболее важные тенденции развития церковнославянской орфографии второй половины XVII в. в перспективе синодального, новоцерковнославянского языка.

8.2. Морфология

Так же, как и в случае орфографии мы постараемся выявить важнейшие стремления справщиков в нормализации морфологии. Как пишет В. М. Живов, у морфологии «полупаразитический статус», с точки зрения дискурсивных интенций говорящего, следовательно и историческое развитие морфологии имеет специфический характер. «Действительно – продолжает В. М. Живов – ни при одном из возможных объяснений изменение нельзя отнести на счет сознательной или полусознательной интенции носителей языка. Никакой Иван Петрович, если только он был нормальным носителем языка, а не автором нормативной грамматики, не мог всю жизнь мечтать, например, об -а как унифицированном маркере мн. числа существительных ... правда, исследователи говорят о принципе экономии, который в разбираемом случае может выражаться, например, в том, что носителям удобнее иметь один, а не несколько показателей мн. числа. ... Принцип экономии в применении к отдельному говорящему (пишущему и т. д.) выглядит абсурдно, и поэтому субъектом телеологических изменений оказывается сама абстрактная система языка. Этот метафорический субъект может быть, конечно, вместилищем любых желательных для исследователя интенций, однако связь этих метафорических интенций с языковой деятельностью неметафорических носителей языка никакому рациональному объяснению неподдается и всилу этого проблематизирует само понятие языковой системы» (Живов 2004: 11–12, см. еще ТИМБЕРЛЕЙК 2002).

Таким образом, учитывая вышеизложенные теоретические положения, мы можем с одной стороны указать на то, что, с точки зрения подхода к формам, наши справщики безусловно ближе к автору нормативной грамматики, нежели к рядовым, обиходным носителям языка. Все выводы, касающиеся системы норм показывают механизмы выбора справщиков из тех вариантов форм, которые им представляет предшествующая традиция – как текстов (славянских и греческих), так и грамматической мысли и практики.

8.2.1. Имя существительное – падежные формы

Исправлениям в области падежных форм имени существительного посвящена работа В. Г. Сиромахи. Так как в работе В. Г. Сиромахи в большем объеме приводятся примеры из юго-западных книг, мы, разбирая изменения нормы склонения существительных, будем стараться привести большее количество примеров из московской и новопереводной групп кавычных книг. Что же касается юго-западных книг, в полном их объеме не будем приводить все исправления в этой области, а ограничимся выборкой иллюстративного характера. Следует заметить, что некоторые исправления – как существительных, так и других частей речи – характерны только для определенной группы книг. Причина этому может быть с одной стороны в языке исправляемого экземпляра, с другой – в тексте, в котором определенные грамматические формы могут отсутствовать, тогда как в других текстах те же формы имеются. Это обстоятельство порою играет определяющую роль. Достаточно вспомнить о языке Уложения 1649 г. как пожалуй самом красноречивом примере из другой сферы письменного языка, в котором полностью отсутствуют формы 1 и 2 лица местоимений и глаголов, ср. ЧЕРНЫХ 1953: 324, 343.

В общих направлениях исправления в указывают на одни и те же тенденции как в юго-западной группе, так и в старомосковской и новомосковской группах кавычных экземпляров. Новопереводные же книги с точки зрения грамматической нормы по определению должны входить в новомосковскую группу.

Исправления в области имени существительного принадлежат к числу высокочастотных и представления о правильности «славянского» языка на морфологическом уровне проявились наиболее последовательно именно в нормировании именного склонения, как об этом пишет и В. Г. Сиромаха и Н. Н. Запольская (СИРОМАХА 1981: 15, ЗАПОЛЬСКАЯ 2003: 48). Также данная часть речи служила предметом исключительного внимания для современников, ср. послесловие к московской Библии 1663 г.: «[царь Алексей Михайлович] повеле вскоре издати с готоваго перевода, князя константина острожского печати неизменно, кроме орфографии, и неких в мале имен, и речений нужнейших явственных погрешений, яже zde в сей книзе исправися».

Рассматривая изменения склонения существительных принято обычно исходить из системы праславянских основ (-o-, -a-, -i-, -u-, -согласный-). Тем не менее, если данная классификация привычна для историка языка, то ни в коей мере не актуальна для человека нашей эпохи, пользующегося критерием рода и набора однотипных падежных окончаний. Таким образом, говоря о типах склонения слов «восходящих к индоевропейскому -o-, -a-, -i-, -u- и т. п.» мы будем иметь ввиду лишь ориентиры для более широкой исторической перспективы, которые подвергались постоянному перераспределению в разные группы, характерные для нормы той или иной исторической эпохи.

Мы будем придерживаться традиционного порядка падежей, хотя высказана довольно обоснованная точка зрения, согласно которой – по семантическим признакам (ЯКОБСОН 1958) и признакам синкретизма падежных форм (НАМИЛТОН 1974) – наиболее логичная последовательность славянских падежей такова: И., В., Р., М., Д. и Тв. (см. BALÁZS 1999: 92–95). Этому же порядку падежей придерживаются Ваян и Власто (ср. VAILLANT 1958, VLASTO 1988).

Обратимся к анализу нормализации некоторых форм падежей в кавычных изданиях, использованных в ходе никоновской и послениконовской sprawy. В. Г. Сиромеха в своей работепосвященной данному вопросу пишет, что «исправления в парадигмах имен существительных принадлежат к числу высокочастотных, и тем самым могут служить важным характеризующим материалом для исследования нормализаторской деятельности справщиков.» (СИРОМЕХА 1981: 2.)

В нормализации форм падежей одним из главных принципов является стремление к снятию омонимии и дифференциации синонимии. Кроме этого редакторы устраняли те формы, которые противоречили их литургическому произношению, которая, как известно в ряде случаев могла отличаться от живого языка.

8.2.1.1. Конечный согласный звук в форме И.=В. п. ед. ч. в ряде случаев в юго-западном произношении был твердым, в то время, когда московскому произношению в тех же словоформах были свойственны мягкие. Об этом свидетельствует большое количество исправлений, таких как:

матерь→матѣрь

мытарѣ→мытарь

скорѣѣ→скорьѣ

голѣѣѣ→голѣѣѣ

кровѣѣ→кровьѣ

плотѣѣ→плотьѣ

Основы на губные, парные по твердости- мягкости согласные (бѣ, вѣ) указывают на различие между книжным произношением Московской и Юго- Западной Руси, отражающим фонетические явления живого языка. Следует отметить, что картина осложняется тем, что есть говоры с в=[v] и с в=[w]...

2.1.1.2 В случае «рѣ-рѣ» «украинский язык занимает как бы среднее положение между русским и белорусским языками: в литературной своей разновидности он имеет твердый «р» на месте мягкого в конце слогов и слов (тепер, вір,зірка...) и сохраняют мягкий «р'» перед гласными (не)переднего образования (курю, ряд, рябий...). Что касается украинских говоров, то нормы произношения мягкого «р'» являются в них пестрыми». Филин 1972, с. 314.

На фонетический характер подобных исправлений указывают и аналогичные исправления в других морфологических формах (как существительных так и глаголов, причастий и т.д.)

пастыра→пастыря

лазара→лазара

(единомѣ) тропарѣ→тропарю

ш црѣ!→ш црю

сотворѣ→сотворю

есмѣ→есмь

сѣтѣ→сѣть

вѣндѣрѣ→вѣндѣрь

сіе сотворѣ→сіе сотворь

оудѣѣѣ→оудѣѣѣ.....и др.

Ряд других исследований, подтверждает интерпретацию различия Моск.«р»-Ю-З. «р'» как влияния естественной фонетики. (КАРСКИЙ, ОГИЕНКО, УСПЕНСКИЙ и др.)

Исправления подобного рода в основах с конечными шипящими и «ц» объяснить сложнее т.к. эти звуки внепарны по твердости-мягкости

нощѣ→нощѣ

плачѣ→плачѣ

дождѣ→дождѣ

матежѣ→матежѣ

В связи с этим типом процитируем «увещание» «Грамматики» Смотрицкого:

«и се вѣстно вѣди самыя орфографіа дѣла полагаемъ быти а во шкончаніи зде и в' п ерво(мѣ) склоненіи винительнаго множественнаго в' первомѣ же и родительнаго на жа, ца, ча , ша и ща, кончащихса женскихъ: произносимо же быти такъ: отца акоже отца, чванца акоже чванца и про(ч).» (СМОТРИЦКИЙ 1619, л. Е/5об.-Е/6)

Исправления типа чѣ→чѣ, щѣ→щѣ, ждѣ→ждѣ отражают различие данных согласных по твердости-мягкости в юго-западном и московском литургическом произношении (которое в данном случае следует народно-разговорному), т.е. типологически сходны с рассмотренными выше исправлениями типа бѣ→бѣ, вѣ→вѣ, рѣ→рѣ .

Также можно отметить, что и употребление в московских книгах преимущественно сочетаний цѣ и жѣ является фонетичным. Таким образом, ѣ и ѣ на конце слова соответствует правилам Грамматики Смотрицког ср. СИРОМАХА 1981: 88. Все это следует, однако понимать с той оговоркой, что данные звуки в юго-западном и московском изводах могут (в юго-западном с большей вариативностью) отличаться по твердости-мягкости, которая и отражается в орфографии, согласно рекомендации Грамматики Смотрицкого.

Б. А. Успенский указывает на факт, что процитированное выше правило является заимствованным, т. к. «редуцированные Ъ и Ь [в московском литургическом произношении] произносятся как в конечной, так и в срединной позиции...При этом ... различие между Ъ и Ь может выражаться не столько в качестве самого гласного, сколько в качестве предшествующего согласного» (УСПЕНСКИЙ 1968, с. 36; 1971, с. 372-373, с. 884 прим. 3)

8.2.1.2. По представлениям справщиков, категория одушевленности должна быть выражена только в м. р. ед. ч., а в мн. ч. выражение данной категории устраняется, что однозначно противопоставляет язык церковных книг живой разговорной речи.

Успенский пишет о парадоксальной «русификации ц-сл., несмотря на субъективные стремления справщиков» УСПЕНСКИЙ 2002: 433. Категория одушевленности наоборот, свидетельствует о новом противопоставлении живому языку.

8.2.2. Имя прилагательное

Одним из наиболее частотных исправлений является устранение краткой формы в функции определения и замена ее членной формой. Эта тенденция полностью соответствует разговорной речи, в которой данный процесс начался уже веками раньше. Однако, что касается истории современной литературной нормы, изменение самого консервативного регистра письменности в этом отношении безусловно тоже мотивировал выбор окончательной современной нормы. Приведем несколько характерных исправлений:

писáломъ чѣчемъ→писáломъ чѣчимъ л. 348 об. (ОБ1581к1663) ///человѣчимъ

пѣщающа же водѣ→пѣщающаго же водѣ л. 266 (ОБ1581к1663)

Ѡ снѣвъ ѡлвѣ→Ѡ снѣвъ ѡлвѣхъ 70 об. (ОБ1581к1663)

рѣтво двѣ→двѣ Ап48 л. 23

Примечательно в связи с этим высказывание Савватия о том, что полная форма не применима к Богу. В соответствии с этим в некоторых текстах остаются краткие ф. т.к. механизм ориентации на текст в данном случае преобладал над стремлением изменить форму. Таким образом, например, современный текст Символа Веры в некоторых подобных позициях имеет краткие формы, которые в новоисправленном тексте предложенном Епифанием Славинецким все стоят в нечленной форме. В случае такого важного текста, однако предпочли оставить «привычные формы», тем более, что в других двух случаях предпочтенье было отдано новогреческому тексту и синтаксису.

Вопросы графической дифференциации омонимичных грамматических форм с сочетаниями шипящих и /i/ типа и→ы были отмечены выше в разделе по орфографии, как и вопросы, связанные с гласными после шипящих, *и*, [j], обозначение йотации.

Падежные формы прилагательных нечленных см. в разделе о существительных, а членных в разделе о местоимениях. То же касается падежных форм причастий.

В И=В падеже ед. числа муж. рода отмечено практически без исключений исправление типа *и*→*ѣ*, являющий собой пример фонетически мотивированной нормализации. Примечательно, что графема *ѣ* употребляется и в дониконовских книгах московской печати, свидетельствуя о юго-западном влиянии в 40-х гг. Однако протест против буквы *ѣ* актуализируется в формах, относящихся к сфере боговыражения. Так против «*ѣ*» в слове «святѣй» протестуют старообрядцы, считая последнее «полу-именем ...якобы вместо Ивана Ванька» (УСПЕНСКИЙ 1988: 347).

Архаический суффикс *-j* притяжательного прилагательного заменяется на более мотивированный *-ov*. Поэтому нами засвидетельствовано значительное количество исправлений типа *j*→*ov*, при чем исправлений обратного направления почти не отмечено

колесницы же ~~фара~~wn~~n~~a~~~~→фара~~wn~~новы

Приведем наши дальнейшие частные наблюдения в области имени прилагательного.

1. Замена суффикса *-н* на *-ни* в членных формах прилагательных.

Данные написания имеются и в дониконовских московских книгах, однако эти формы встречаются лишь спорадически. Таким образом мы имеем дело не с введением новой нормативной формы, а скорее с расширением употребления ранее периферийной орфограммы

2. Расширение употребления буквы *й* в членных формах прилагательных.

Как уже отмечалось, графема *й* была известна и в дониконовских книгах. Как считает большинство исследователей, эта буква появилась в московских книгах нашей эпохи из юго-западных книг, которые и в этом случае возвращают те формы второго южнославянского влияния, которые в Московской Руси были утрачены, в связи со сменой духовно-культурной обстановки.

3. Исправления явных опечаток прежнего издания

4. Замена суффикса *-j-* на суффикс *-ov-* при образовании притяжательных прилагательных.

Нестандартное оформление упраздняется за счет стандартного. Ср.:

колесницы же ~~фара~~wn~~n~~a~~~~→фара~~wn~~новы Ирмрук1к57

5. Варианты суффиксов в образовании притяжательных прилагательных.

В притяжательном прилагательном от имени *Иуда* встречается два варианта суффикса: *-in-* и *-ov-*, которые могут даже исправляться друг на друга. Таким образом нам не удалось определить отчетливого предпочтения одного варианта другому.

Эта вариативность восходит еще к старославянской эпохе (ср. СС), и продолжается в современном синодальном церковнославянском (ср. Дьяченко, Гиль)

6. Расширение функции Р. п. – замена форм Д. п. приименного Р. падежом приименным.

7. Расширение функции Р. п. – замена форм притяжательных прилагательных существительными в Р. п. приименном.

8. Склонение прилагательных. Формы притяжательных прилагательных в Р., Д. и М. пп.

Формы типа -божїи заменяются на местоименные -божїей.

Ср.: в бѣгодати бжїи → в бѣгодати бжїей АпРукк1679 (л. 39)

9. Склонение прилагательных. Нечленные формы И. и В. п. мн ч.

Формы И. п. мн. ч. в отдельных случаях выравниваются по винительному. За данными окончаниями не утверждается статус исключительной нормативности, они существуют поныне на правах вариантов.

Ср исправления типа:

недостойни творитѣ → недостойны творитѣ АпРукк1679 (л. 39 об.)

недѣжнн → недѣжннвы Апрукк79 (л. 118 об.)

сѣжителн хрѣтовн сѣть → сѣжителіе хрѣтовы сѣть Апрукк79 (л. 134 об.)

10. Орфографическая дифференциация наречий и прилагательных на -о.

Для наречий употребляется -о, а в формах прилагательных в И-В. пп. ед. ч. ср. рода пишется -ѡ.

Ср.: истиннѡ → истинно АпРукк1679 (л. 40 об.)

моцнѡ етъ извлечн корабль → мощно етъ извлечн корабль АпРукк1679 (л. 59 об.)

11. Расширение употребления членных форм.

Данная тенденция затрагивает в первую очередь прилагательные в атрибутивной функции. Вместе с тем, отмечены случаи введения членной формы

вместо нечленной и в функции предиката. Как и в случае большинства явлений морфологии, в ограниченном количестве членные формы присутствуют и в дониконовских московских книгах, расширение употребления которых и происходит в ходе никоновской и послениконовской справы. В результате распределение вариантов в отношении центра и периферии нормы меняется, и в атрибутивной функции на место прежней полной вариативности приходит членная форма в центре поля и нечленная на периферии.

Заметим, что в современном церковнославянском языке употребление нечленных форм почти полностью обусловлено конкретным текстом. Согласно этому, в литургически и догматически значимых текстах, которые часто повторяются, гораздо чаще могут встречаться нечленные формы, чем в «рядовых», на церковной службе редко произносимых отрывках. Вероятнее всего справщики и типорграфы не стали изменять ту часть текстов, которая была связана с личным духовным опытом каждого русского православного христианина, если только не было на то специального, богословски обоснованного указания и объяснения. Так, в современной редакции Символа веры в значительном количестве употребляются нечленные формы. Нами выделены маркированные (т. е. для которых возможна замена) нечленные формы как прилагательных, так и причастий.:

Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь.

В аналогичной грамматической позиции, если бы речь шла о «простом, рядовом» тексте, все эти нечленные атрибутивные формы были бы заменены членными типа **-аго**.

С другой стороны, известное изменение «рожденна, а не сотворенна» на → «рожденна, о не сотворенна» основывается на сознательном, в известной мере искусственном стремлении пословному следованию греческому тексту

греческий текст:	γεννηθέντα	<u>ο</u>	οὐ	ποίηθέντα
послениконовский текст:	рожденна	<u>ο</u>	не	сотворенна
дониконовский текст:	рожденна	<u>а</u>	не	сотворенна

, который в данном догматически значимом случае был важнее, чем живой духовный опыт, связанный со старым текстом, проверенным жизнью многих русских праведников. Понятным образом это вызвало решительный отпор со стороны традиционалистов, а затем старообрядцев, которым подобало «умирати за единый аз, егоже окаянный враг из сивола выброси».

Отметим, что в челобитной Савватия содержится весьма любопытное рассуждение о различии в значении членных и нечленных форм. ??? Можно думать, что Савватий применяет модель разграничения значения простых претеритов и перфекта (см. ниже), хорошо знакомое специалистам и – в отношении глагола *быти* – всесторонне исследованное в известной статье В. М. Живова и Б. А. Успенского «Grammatica sub specie theologiae» (ср. Живов и Успенский 19 ???). Таким образом, по Савватию, членные адъективные формы (в данном случае причастий) неприменимы к предвечному Богу, живущему вне измерения земного времени.

12. Склонение прилагательных. Орфография: дифференциация форм ед. и мн. ч.

Как вообще в склонении для разграничения омонимов в формах ед. ч. употребляется базовая орфограмма (см. выше в разд. Орфография), а дв. и мн. ч. усложненная, которая может применяться как к флексии, так и к основе.

Согласно этому стремлению форма *гордымз* исправляется на *гврдымз* Апрукк1679 (л. 66), так как речь идет о Д. п. мн. ч., а не о Тв. п. ед. ч.

13. Положительная степень прилагательных в отдельных случаях заменяется формой сравнительной степени.

Как нам кажется в этом проявляется стремление следовать греческому тексту, аналогичным образом, как в формах с приставками пре- и все-.

14. Прилагательные как в ед. ч., так и мн. числе в субстантивном значении могут исправляться на существительные.

Возможно, справщики в данном случае устраняют грецизм, немотивированный с точки зрения церковнославянского языка и ресурсов своего языкового опыта.

15. Расширение употребления окончания -аго, -агѡ.

Местоимения в Р. п. ед ч. м-ср. р. вместо своих исторически исконных окончаний -ого, получают адъективные флексии -аго, -агѡ.

Заметим, что при общем стремлении к дифференциации -аго для В. п. и -агѡ для Р. п., имеется и некоторая неустойчивость, т. к. нами отмечено несколько неисправленных согласно вышеописанной тенденции форм, а также и случаи исправления в обратном направлении.

16. Акцентуация.

Отмечено нами несколько примеров, в которых ударение переносится с флексии на основу, в чем может проявляться влияние югозападнорусского извода церковнославянского языка.

17. Орфография форм слова *много*.

В случае этого слова мы наблюдаем некоторую неустойчивость исправлений, хотя в основном они соответствуют отмеченным выше стремлениям.

18. Существительные в Р. п. в ряде случаев заменяются субстантивированными прилагательными в И. п.

19. Отмечены примеры исправления причастий на прилагательные с суффиксом -и- .

ср.: приносѣцѣмъ → приносѣцѣмъ Апрукк79 (л. 90 об.)

20. Склонение прилагательных. Р. п. мн. ч. нечленных прилагательных.

Нечленные прилагательные в основном следуют субстантивному склонению и их характеризуют общие орфографические явления. В позиции Р. п. мн. ч. для снятия омонимии с И. п. ед. ч. применяется осложненная орфография, напр. камора (°) ср. исправление четвѣронѡгъ гдѡзъ → четвѣронѡгъ гдѡзъ Апрукк79(л. 91).

21. Основа и суффикс прилагательных.

Иногда справщики заменяют один суффикс другим, с точки зрения их представлений о норме, более подходящим.

Ср. недѡжнѣ → недѡжнѣвы Апрукк79 (л. 118 об.)

22. Форма сравнительной степени.

Отмечено несколько исправлений, касающихся образования сравнительной степени.

23. Мягкость- твердость основы.

Некоторые прилагательные в ходе исправления могут изменить мягкость/твердость разновидности склонения.

8.2.3. Имя числительное

1. Склонение 11→19

В исправляемом варианте склоняются единицы+ неизменяемое «на десяти» → в исправленном склоняется только конечный компонент. Ср.:

четыре~~х~~ на~~д~~е~~с~~а~~т~~и→четыре~~н~~а~~д~~е~~с~~а~~т~~и~~х~~ъ АПМ48к53

8.2.4. Местоимение

Местоимения

1. Согласование относительного местоимения по падежу в главном предложении или по падежу в подчиненном предложении.

2. Замена нечленных форм членными

3. Согласование относительного местоимения – устранение ошибок

НЕ ДИВІТЬСЯ НЖЕ ВЗ ВЛЗВ рлжденію, КО ИСКУШЕНІЮ ВЛМЗ БЫВАЕМУ → НЕ ДИВІТЬСЯ
ЕЖЕ ВЗ ВЛЗВ рлжденію, КО ИСКУШЕНІЮ ВЛМЗ БЫВАЕМУ АПРукк1679 (л. 72)

ЗНАМЕНАНІЕ ..... ВЗ НЕЙ ЖЕ → ВЗ НЕМЗ ЖЕ АПРукк1679 (л. 73)

4. Орфографическая дифференциация омонимов /-ого/:

Р. п. ед. ч. м.-ср. р.: огу →←В. п. . ед. ч. м.-ср. р.: огу

нашегу → нашего АПРукк1679 (л. 35 об.)

развѣ єдинаго єго глага → развѣ єдинагу єгу глага АПРукк1679 (л. 55)

Заметим, что при отрицании, как обычно, дополнение стоит в Р. п., согласно стремлениям справщиков, см. раздел Синтаксис ???

В отдельных случаях – вероятно по недосмотру справщиков – могут остаться формы Р. п. ед. ч. м.-ср. р. с буквой о, однако, как показывают наши наблюдения, эти формы в дальнейшем исправляются, при наборе или в следующем издании.

ПОМАЗАНІЕ ЕЖЕ ПРИІДЕТЕ Ѡ НЕГО (!) ... И НѢСТЬ ЛОЖНО Ѡ ІАКО ЖЕ НАШЧН ВЛІЗ →
ПОМАЗАНІЕ ЕЖЕ ПРИІДЕТЕ Ѡ НЕГО (!) ... И НѢСТЬ ЛОЖНО И ІАКО ЖЕ НАШЧН ВЛІЗ АпРукк1679 (л.
80)

МІРЪ НЕВѢСТЬ НАСЪ ЗАНЕ НЕПОЗНА ЕГО → МІРЪ НЕЗНАЕТЪ НАСЪ ЗАНЕ НЕПОЗНА ЕГО
АпРукк1679 (л. 80)

5. Употребление двойственного числа.

Довольно часто формы дв. ч. заменяются формами мн. ч. Это явление можно квалифицировать двояко. С одной стороны, категория дв. ч. уже давно исчезла из разговорного языка, таким образом, в данном явлении может проявляться влияние обиходного идиома справщиков.

С другой стороны, ориентация на греческий язык тоже требует упразднения дв. ч., отсутствовавшего в этом языке. Второе объяснение нам кажется более убедительным, при чем стремление по возможности к наиболее точной передаче грамматических значений греческого языка в данном случае противоречит своей, славянской традиции грамматики и текстов. Таким образом справщики каждый раз находятся в ситуации выбора, который они иногда делают в пользу греческого языка, вводя множественное число, а в других случаях следуют славянской традиции и сохраняют категорию дв. ч.

Отдельно остановимся на случаях, когда при слове, обозначающем парный предмет по смыслу полагается множественное число по той причине, что речь идет не о двух предметах, а о множестве этих парных предметов.

Ѡ НЕЮ → Ѡ НИХЪ АпРукк1679 (л. 38)

ОНА → ОНИ АпРукк1679 (л. 38)

6. Форма Р. и В. падежей ед. числа м.-ср. рода.

В твердой разновидности склонения в Р. и В. п. ед. ч. м.-ср. р. в формах некоторых местоимений наблюдается конкуренция двух окончаний: ого (тип собственно местоименный) и аго (тип членных прилагательных) с орфографическими вариантами огов и агв для Р. п. (см. выше). Как известно, с самых древних пор ???

склонение «неличных» местоимений и прилагательных в членной форме находятся в сложном взаимодействии друг

7. Форма Р. п. ед. ч. м.-ср. р.

ни единого прїимати в' домз → ни единого прїимати в' домз АпРукк1679 (л. 83 об.)

8. Форма основы местоимений

ій естѣ ѿнѣ мой возлюбленный → ей естѣ ѿнѣ мой возлюбленный АпРукк1679

(л. 74 об.) Наличие формы ій в исходном варианте на наш взгляд свидетельствует о возможном юго-западном влиянии при переписке текста.

9. Замена одного местоимения другим

пойдемз вѣ ей градз → пойдемз вѣ онз градз АпРукк1679 (л. 66)

10. В.п. ед.ч. ж. р. ѣ→ю

(об этом Черных, ст. Евдоким? По Успенскому «Простословие»)

То же относится к членному адъективному склонению.

11. Тип наши→наша (остается мягкий тип с цслав. огласовкой)

В. п. мн. ч. наши→наша (в склонении существительных этот тип выравнивается по твердому варианту (следуя разговорному языку))

12. Орфография основ на шипящие.

Дифференциация и избавление от недифференцирующих осложненных написаний

Орфография: основы на шипящие: дифференциация и избавление от недифференцирующих осложненных написаний

тцѣтою дѣшз нашыхъ (хощетъ быти плаваніе) → тцѣтою дѣшз нашихъ АпРукк1679 (л. 58)

13. Дифференциация Р и В пп.

Как на характерную особенность нормы церковнославянского языка укажем на стремление различать падежные формы В. и Р. падежей. С одной стороны это достигается орфографическими средствами: тип (тѣ) тѣбѣ →←тѣбѣ

Ср. исправления типа ѡбѣ→ѡбѣ и ѡбѣ → ѡбѣ

14. Дифференциация В и Р пп.

С другой стороны, для устранения омонимии местоимений используются и чисто морфологические средства, тип: мѡ →←мѡѣ

ны →← нѡѣ. Соответственно справщики устраняют формы В. п., возникшие под влиянием тенденций обиходного языка к формальному синкретизму местоимений В=Р п. и вводят более архаичные, немотивированные формы.

нѡѣ→ ны вѡѣ →ѡѣ

15. Замена энклитических форм не-энклитическими в Д. п.

Тип: мн→мнѣ

16. Энклитические местоимения в Д. п. → притяжательное местоимение.

мн ти ѡн → мой тѡѡй ѡѡѡй

17. Ограничение употребления местоимения ѡѡѡй → мой тѡѡѡй.

Местоимение ѡѡѡй остается только в 3 л. (грецизм). Заметим также, что по нашим наблюдениям местоимение 3. л. ѣгѡ и ѣѡ в отдельных случаях могут правиться на ѡѡѡй.

8.2.5. Глагол

1. Замена простых претеритов в 2 л. ед. ч. на перфект.

Имперфект, аорист (простые претериты) заменяются на «перфект» типа -л **ѣси** в 2 л. ед. ч.

не дасть→не далъ **ѣси** л. 12 (ОБ1581к1663)

сътвори се→сътворилъ **ѣси** л. 14 об. (ОБ1581к1663)

воиши^ѣ ты ба и непоцадѣ^ѣ сѣа своего→воиши^ѣ ты ба и непоцадѣ^ѣ **ѣси** сѣа своего л. 15 (ОБ1581к1663)

Во всех дониконовских кавычных книгах подобные исправления можно найти в очень большом количестве. Так этот род исправления в кавычной Библии ОБ1581к63 является настолько само собою разумеющимся, что иногда даже не пишут всю форму, а только «-лъ **ѣси**» на поле или знак «+», рядом с которым в тексте всякий раз находим форму 2. л. ед. ч. простого претерита, которую следует заменить на -л форму со связкой. (Знак «+» в других случаях может означать исправления южнославянских типов написания сочетаний с плавными типа трѣт→тѣт) Страницы, где исправляются формы аориста и имперфекта на перфект 2. л. ед. ч. : 20. об. , 21, 22 об. , 24 об. , 25 об. , 27 об. , 33, 86, 90, 97 об. , 97 об. , 98, 128, 128 об. , 130, 132 об. , 133 об. , 137, 138, 139 об. , 141 об. , 149 об. (много), 169, 170, 170 об. , 171 об. , 172 об. , 174, 174 об. , 175, 179 и др. (ОБ1581к1663)

Ср. еще:

не тѣ^ѣ ли огради внѣшнѣа его и внѣтрннѣа дѣмѣ его→не тѣ^ѣ ли **ѣси** огради внѣшнѣа **ѣси** и внѣтрннѣа дѣмѣ **ѣси** // на поле: (огради)лъ **ѣси** ОБ1581к63 (л. 265) /// на поле: **лъ ѣси**

яко ты порази //на поле: **ѣси** поразилъ **ѣси** ОБ1581к63 (л. 277)

В последнем случае видно, исправление 2 л. на перфект проводится несмотря на то, что на синтаксическом уровне не было бы омонимии из-за местоимения **ты**.

Вообще можем отметить, если стремление к снятию омонимии было обязательно на морфологическом уровне, то к коррекции на синтаксическом уровне подходили выборочно, и обычно, как показывает пример, приведенный выше, останавливались на уровне слова.

Отметим, что, как показал А. Н. Троицкий, вариации перфекта и простых претеритов во 2 л. ед. ч. уже характеризует деятельность первых книжных справщиков X–XI вв., однако при этом учитывается контекст, т. е. в отличие от повсеместной замены грамматической справки (Максима Грека, никоновских справщиков), в случаях, где контекст снимает омонимию, простые формы удерживаются.

Как известно, введение перфекта вместо аориста и имперфекта вступает в противоречие с семантической оппозицией *сѣде/сѣдѣ* → ← *сѣдѣль еси* возникшей на почве различия видového значения разговорной речи типа *сел* → ← *сидел* (соответственно). Данное явление в своей книге разбирает С. Матхаузерова, (см. МАТХАУЗЕРОВА 1976). В своей, можно сказать эпохальной статье *Grammatica sub specie theologiae* Б. А. Успенский и В. М. Живов всесторонне анализируют употребление простых претеритов и перфекта через глагол *быти*, см.: ЖИВОВ и УСПЕНСКИЙ 1986. Авторы, как на то указывает и заголовок, показывают, что изменение типа *бѣ, бѣше, бысть* → *быль еси* нарушали языковую норму и воспринимались современниками в богословском ключе как введение еретической мысли о существовании Бога в человеческом «тварном» времени. Формы простых претеритов же указывали в традиционном языковом сознании «предбытие». Выбор между тремя возможными формами имперфективного аориста, имперфекта и аориста (*бѣ, бѣше, бысть*) определялся наличием следующих дополнительных частных признаков:

- 1) отмеченность/неотмеченность начала состояния
- 2) отмеченность/неотмеченность конца состояния
- 3) отмеченность/неотмеченность процесса.

На обширном фактическом материале Б. А. Успенский и В. М. Живов показали, как реализуются данные признаки в конкретных формах:

	Начало состояния	Конец состояния	Продолжите льность состояния
<i>бысть</i>	+/-	–	–
<i>бѣ</i>	–	–	–
<i>бѣше</i>	–	–	–
<i>быль еси (есть)</i>	–	+	+/-

2. Замена простых претеритов на перфект в 2 л. мн. ч.!

В множественном числе, в отличие от единственного, в аористе и имперфекте не было омонимии форм, так что по всей вероятности это исправление было проведено аналогично замене простых претеритов на перфект в 2 л. ед. ч.

Ср. *ωστὰβησθε* → *ωστὰβηθη* *ἔσθε* МинобщпрМ53к60 (л. 97 об.)

Аналогичные исправления отмечены в МинобщпрМ53к60 на лл. 98 об., 99 (2 р), 127 об. и др.

Справедливости ради заметим, что, если во 2 лице единственного числа замена на перфект практически обязательна, то во 2 лице множественного числа данное исправление регулярным не является.

2 а) Однако, отмечена обратная тенденция: замена перфекта на простое прошедшее время.

Ср.: *πρῆβελъ* *ε̅сть* → *πρῆβεδε* Ирмрук1к57 (л. 2)

В данном случае аорист предпочитается перфекту, вероятно, из стремления следовать греческому тексту, в котором здесь действительно стоит аорист от глагола *διαβίβαζω*: *διεβίβασεν*. Отметим, что рассматриваемое исправление сделано в очень важном с литургической точки зрения тексте: в первом ирмосе Пасхи (Воскресения день, просветимся людие), с которого начинается пасхальная заутреня. Это песнопение, разумеется, каждый церковный человек знал наизусть. Слово «*πρῆβεδε*» содержит в себе и дополнительный смысл: оно отсылает к еврейскому «песах» (= буквально: *прохождение, переход*).

С другой стороны, для выражения действия в прошедшем времени уже с XVI века складывается грамматическая традиция – которой следуют и письменные грамматики – согласно которой в 3 л. ед. числа предпочтительно стоит в форме простого прошедшего времени или перфекта без вспомогательного глагола (т. е. выражается одним словом), а 2 л. ед. числа за малым исключением практически в обязательном порядке в перфекте с вспомогательным глаголом. Ср.: «Донатус» Дмитрия Герасимова 1522 г. Ягич 1896: 566–583; «Простословие» старца Евдокима XVI в., Ягич 1896: 655; АДЕЛФОТЕС 1591: л. 160, 164, 174; ЗИЗАНИЙ 1596: л. 57–57 об.; СМОТРИЦКИЙ 1619: л. О/ 2–3; СМОТРИЦКИЙ 1648: л. 190 об–191 об.; УСПЕНСКИЙ.2002: 225–252.

3. Замена глаголов на причастия и наоборот – причастий на глаголы.

(Вопрос будет рассмотрен и в разделе о синтаксисе.)

4. Формы бывших атематических глаголов.

Изолированные формы бывших атематических глаголов заменяются выравненными по общим типам.

Ср.: да, да҃тѣ → даде АпМ71к79 (л. 12 об.)

҃амы → ҃адимъ Устав (лл. 79 об., 263 об.)

нмачѣ → нмѣчѣ АпРукк79 (л. 79)

вззда҃ти → вззда҃ти АпРукк79 (л. 175)

Эти формы усваиваются и в дальнейшем, хотя, как и в других случаях в отдельных текстах могут повстречаться и старые, нестандартные окончания.

5. Орфография: написания форм мн. ч. аориста и имперфекта.

Стремление к дифференциации форм единственного и множественного числа могло реализоваться в аористе и имперфекте. (Тип -*χωμз-ωша*). Однако, поскольку омонимии в этой позиции нет, употребление буквы *ω* здесь избыточно. Следовательно, для /о/ вводится основная буква – о.

предреко*χωμз* → предреко*оμз* АпМ71к79 (л. 256)

блговѣ҃ти*χωμз* → блговѣ҃ти*оμз* АпМ71к79 (л. 256)

Иногда *ω* бывает не в окончании, а даже в основе. Ср.:

прѣвнидо*ωша* → прѣвнидо*оша* АпРукк79 (л. 86 об.)

6. Конечное ударение в форме изъявительного наклонения II спряжения на флексии, (тип исправления: *едѣ҃тѣ* → *едитѣ*).

Различная акцентуация введена для различения форм повелительного *едѣ҃тѣ* и изъявительного накл. *едитѣ* АпРукк79 (лл. 74 об., 69 об., 49 об.). Аналогичные исправления отмечены в книгах АпМ48к53 Устав АпМ71к79 и др.

Конечное ударение в 2 л. мн. ч. настоящего времени изъявительного наклонения было известно и до сих пор является яркой чертой в ряде русских диалектов

севернорусского наречия (см. Зализняк 1985: 317–322; Колесов 1998: 128), а также употребляется и в современном украинском литературном языке. Таким образом эта форма не являлась *полностью* искусственной.

Вместе с тем, у книжников часто могли возникать проблемы с применением этого для многих из них искусственного правила. Отдельные факты указывают на несоблюдение этой нормы при отсутствии четкой ориентации на различение вышеупомянутых грамматических форм. Так львовском Букваре Ивана Федорова 1574 г. читаем следующее:

«Попрозодїи. *лѣже. двѣци взѣдїных лежѣще. їѣсть. повелїтельна. и* *иказѣтельна.*» следуют примеры противопоставленных по ударению форм повелительного (с ударением на основе) и изъявительного наклонения (с конечным ударением), на поле номер ѣа:

крестїте, креститѣ

родїте, родитѣ

творїте, творитѣ (Букварь 1574)

Четырьмя страницами ранее, однако, вне ориентации на снятие омонимии, когда в парадигмах спряжения просто приводятся формы индикатива, мы имеем формы типа *крестїте*, т. е. ударение изъявительного наклонения во 2 л. мн. числа ставится на основе, совпадая с повелительным наклонением.

По-иному обстоит дело с оппозицией типа *носїте, нобитѣ* (ѣа), которая выдерживается и вне установки на формальную дифференциацию. Думается, в этом случае степень мотивации со стороны живого языкового опыта гораздо выше.

Данный тип ударения отмечен нами и в дониконовской норме, ср.:

«*блюдїте себѣ данепогубитѣ(!) таже дѣлаете добра*» АпМ48к53 (л. 25 об.)

Однако, отмечены отдельные случаи исправлений в обратном направлении:

ср.: *зрїте* → *зрїте* АпРукк79 (л. 133 об.)

7. Изменения в глагольной основе.

-ать → -овать *истѣзѣми* → *истѣзѣми* АпМ71к79 (л. 37 об.)

Ср. в Служебнике

Этот тип можно рассматривать как замену специально маркированной книжной формы, актуализовавшейся во время второго южнославянского влияния (см. ШЕВЕЛЕВА 1986:21) на собственно русскую, точнее тот вариант книжной формы, который не противопоставлялся живому языку.

Отмечены также явления, связанные с выравниванием глагольной основы, характерные для великорусского живого языка.

нѣ лжѣ → нѣ лгѣ АпРукк79 (л. 173) АпМ71к79 (л. 256 об.)

соблажнѣтъ → соблазнѣтъ соблажню → соблазню АпМ71к79 (л. 115 об.)

8. Орфография сочетаний с шипящими в глагольных окончаниях.

Как уже отмечалось в разделе, посвященном орфографии, изучаемая эпоха характеризуется в начале тяготением к написаниям типа шѣ, жѣ, цѣ, чѣ, ѡѣ, к концу же устанавливается норма «неосложненных» орфограмм (см. разд. 8.1, орфография): шѣ, жѣ, цѣ, чѣ, ѡѣ; шѣ, жѣ, цѣ, чѣ, ѡѣ; шн, жн, цн/цы, чн, ѡн. В соответствии с этим, в исправлениях глагольных окончаний кавычные книги обнаруживают две противоположные тенденции, сменяющие одна другую.

бышѣ → быша АпМ71к79 (л. 256 об.) (л. 17)

9. Замена аориста имперфектом и имперфекта аористом.

В книге АпМ71к79 отмечено много примеров взаимной замены аориста и имперфекта. Это свидетельствует о том, что для нормы в определенных ситуациях – немаркированных с точки зрения фонового (=имперфект) и основного (=аорист) действия – формы простых прошедших времен могут между собой нейтрализоваться даже в стандартном церковнославянском языке. В гибридных регистрах это происходило веками раньше.

10. Различение форм изъявительного и повелительного наклонения.

В формах глагола пети отмечено большое количество замен окончаний –ем на –им. Ср.:

поѣмъ → воспоимъ Ирмрук1к57 (л. 2)

воспоѣмъ → воспоимъ Ирмрук1к57 (л. 2) Эти примеры можно приумножить.

Думается справщики восстанавливают, немотивированную с точки зрения разговорной разновидности форму 2 л. мн ч. повел. накл., которая формально совпала – под влиянием разговорного языка – с формой изъявительного накл.

Тем не менее, есть единичные исправления в обратном направлении:

Ср.: да дѣлѣмъ → да дѣлимъ АпМ71к79 (л. 265 об.) АпРукк79 (л. 144)

Вероятнее всего при исправлении допущена ошибка в интерпретации конструкции с «да», и форма повелительного наклонения употреблена по логике смысла, но формально неправильно. В современной речи тоже часто встречается подобная реинтерпретация этой конструкции и, цитируя слова Евангелия, иногда говорят: «Заповедь нову даю вам: да любите друг друга» вместо правильного «да любите».

11. Фиксирование места «ся» после глагола.

Ср.: тебѣ сѧ мѣлимъ → мѣлимъ сѧ ТпК48к56 (л. 172)

кого сѧ оубою → оубою сѧ ТпК48к56 (л. 178)

ѿ кого сѧ оустраш → оустраш оубо сѧ ТпК48к56 (л. 178)

вз лѣпотѣ сѧ облече → вз лѣпотѣ облече сѧ УстМ41к82 (л. 149)

поетъ же сѧ → поетъ же УстМ41к82 (л. 120, 149 об.)

(Это явление можно рассматривать и как часть синтаксиса: изменение порядка слов). Норма церковнославянского языка в данном отношении изменяется в сторону большей понятности, исходя из ресурсов разговорного идиома справщиков. Как известно, начавшийся в XV в. процесс закрепления *ся* в энклитической позиции за глаголом завершается как раз в XVII в. (Ср.: ИВАНОВ 1983: 298, VLASTO 1988: 180–181). Параллельно этому те же формы вводятся и в книжный язык, чему, как видно, не противоречил опыт справщиков в других регистрах письменного языка. Как отмечает П. Я. Черных, если в Судебнике 1550 г. еще есть такие формы, как «сына ... которой *ся* у него родить», то в Уложении не имеется ни одного случая употребления *ся* отдельно от глагола, ср.: ЧЕРНЫХ 1952: 191. Ср. также : БУЛАХОВСКИЙ 1953 т. 2: 214.

Вместе с тем, в синодальном церковнославянском языке есть тексты, в которых *ся*, подобно местоимениям *мя*, *тя*, сохранилось в автономной позиции.

12. Замена дв. ч. мн. числом.

Это явление, как отмечалось выше, хотя и совпадает с разговорной нормой, скорее можно трактовать как ориентированное на греческую грамматику, не знавшей категории дв. числа. Ср.:

сѣдоуста → сѣдоша АпРукк1679 (л. 38)

глаголнѣта → глаголнѣте АпРукк1679 (л. 38)

предпоумна бывша → предпоумни бывше АпРукк1679 (л. 41)

прохождаста → прохождашѣ АпРукк1679 (л. 41)

пріѣхѣта быхѣта → пріѣхѣти быхѣта АпРукк1679 (л. 41) и др.

13. Изменение глагольного управления (см.: синтаксис)

14. Замена наст. вр. → на аорист и имперфект.

АпРукк79 (л. 127)

во всѣ члѣки вниде~~тъ~~ въ правданіе жизни → во всѣ члѣки вниде въ правданіе жизни АпМ48к53 (л. 36 об.)

Нео бѣжѣи сѣи иже хрѣстоу иже кѣ вѣсѣ нами проповѣданныи, мною и іѣлѣаномъ и тѣмоу дѣѣмъ ѡ ннхъ же подобѣѣтъ ми (!) радоватисѣ надѣѣсѣ на всѣ бы

→ Нео бѣжѣи сѣи иже хрѣстоу иже оу вѣсѣ нами проповѣданныи, мною и іѣлѣаномъ и тѣмоу дѣѣмъ ѡ ннхъ же подобѣѣше ми (!) радоватисѣ надѣѣсѣ на всѣ бы АпРукк79 (л. 127)

15. Орфографическое изменение типа *творѣте* → *твори́те*.

Отмечено в книге АпРукк79.

16. Замена аориста 3 л. мн. ч. на имперфект 3 л. ед ч. типа: *ша* → *ше*

17. Изменение вида: СВ → НСВ и НСВ → СВ.

См. в разд. о синтаксисе

АпРукк79 (лл. 59, 175, 180, 180, 201 об.)

взздати → взздаати АпРукк79 (л. 175)

є нимз и цѣткѣмз → є нимз и коцнмз АпРукк1679 (л. 180)

18. Исправление повелительного накл. (конструкции да+ изъявительное накл.) на изъявительное (без «да»).

Ср.: да бѣдетъ єз влми → бѣдетъ єз влми АпРукк79 (л. 136 об.) АпРукк79 (л. 128 об.)

19. Приставка. Добавление или опущение приставки.

20. Ошибки в сослагательном наклонении

21. Орфографические исправления типа (шю шѣ) да не постыжѣа → да не постыжѣа АпРукк79 (л. 229)

22. Добавление или опущение «ся»

23. Стяженные и нестяженные формы имперфекта (ла→л).

АпРукк79 (л. 118 об.)

есть один случай: нмѣше нмѣше АпРукк79 (л. 197 об.)

24. Лексические замены

25. Изменение лица, числа АпРукк79 (л. 129 об., 131 об.)

26 да+ провел. → да+ изъяв. (исправляют ошибку) АпРукк79 (л. 133)

27. Повел. → да+изъяв.

д̀а не маже хо̀цете, е́а т̀ворн̀те→д̀а не маже хо̀цете, е́а т̀ворн̀те АПРукк79 (л. 143)

28. Ударение перфектных конструкций.

Перфектные конструкции с постпозитивным вспомогательным глаголом «быти» оформляется как единая акцентная группа с ударением на основном глаголе.

Ср.: родил̀а еси́→родил̀а еси́ МинмайМ46к91

В этом и подобных примерах *варя* над конечной гласной буквой (̀а) исправляется на *оксию* (̀а́). Как известно, по правилам, актуальным для справщиков *варя* ставится над последней гласной слова, а *оксия* в остальных случаях простой (т. е. неосложненной для смысловой дифференциации) орфографии (см. раздел об орфографии). Таким образом ̀а́ указывает на неконечную позицию в фонетическом слове.

8.2.6. Причастие

1. Орфографическая дифференциация омонимичных форм.

Наиболее часто встречающаяся форма, которая исправляется – Д. п. мн. ч. действительных причастий настоящего времени. Вместо написания типа -щи в мн. числе используется орфограмма типа -щы, которая произносится идентично первой, так как звук /щ/ является внепарным по твердости-мягкости.

Ср. примеры:

поклоняющимса вѣрою → поклоняющымса вѣрою МинМайМ1646к1691 (л. 11)

чтоущимъ любовьію память твою(!) → чтоущымъ... МинМайМ1646к1691 (л. 20 об.)

сощимъ во тмѣ... → сощымъ МинМайМ1646к1691 (л. 24.)

взирающн кз воздланіемз нже тамъ всечтнла: нхже єдннѣмз іє прѣдготова любашимз н теплѣ того бжелѣшнмз → взирающн кз воздланіамз ъ тамшннмз (// греч) всечтнла: нже єдннѣмз іє прѣдготова любашымз н теплѣ того ѡжелашымз МинМайМ1646к1691 (л. 59)

поущнмз тѣ дѣрѣи → поущымз тѣ дѣрѣи МинМайМ1646к1691 (л. 59 об.)

н согрѣшеніемз вставленіе, еже съ вѣрою творашнмз память твою → н согрѣшеній вставленіе, ѡ съ вѣрою творашымз память твою МинМайМ1646к1691 (л. 62 об.)

надѣющнмса нань → надѣющымса нань МинМайМ1646к1691 (л. 71 об.)

вѣрою зовѣшнмз → вѣрою зовѣшымз МинМайМ1646к1691 (л. 71 об.)

копїющнмз → копїющымз МинМайМ1646к1691 (л. 72)

оученнкшмз зрашнмз → оученнкшмз зрашымз МинМайМ1646к1691 (л. 76 об.)

Подобные примеры встречаются во всех исследованных нами экземплярах.

Заметим, что подобные орфограммы встречаются и в старомосковских книгах, однако лишь очень редко, как кажется эти написания находились на периферии дониконовской нормы.

нзѡблнчнла еси мчѣнцѣ нже лѣстїю сплщы(!)га → нзѡблнчнла еси мчѣнцѣ ѡ лѣстн
лѣжлщы(!)га МинМайМ1646к1691 (л. 60 об.)

чтѡщы(!)мъ → 8 МинМайМ1646к1691 (л. 12 об.)

чтѡщы(!)мъ любовїю стѡю памать твою → чтѡщымъ любовїю стѡю памать твою
МинМайМ1646к1691 (л. 11)

Ѣгоже прнлѣжнѡ молащн сплн, нже тѡ непрѣстанны белчлщы(!)ѡ → Ѣгоже
прнлѣжнѡ молащн сплн, ѡ тѡ непрѣстанны белчлщыѡ МинМайМ1646к1691 (л. 72
об.)

С другой стороны, в ходе sprawy второй половины XVII века подобная дифференциация форм причастия становится обязательной.

Отмечены нами и примеры исправления орфограмм типа -щы на -щи, если это форма ед. числа. Ср.:

Ѧа покрьїютѣѡ ѡѣѡ очн бѣззакѡнныѡ: крѣѦѡ бѡ добрѡтѣ блнстлщыѡѡ нѣтѣрпѡтѣ
нѣмогѣще зрѣѣтн → Ѧа покрьїютѣѡ ѡѣѡ очн бѣззакѡнныѡ: крѣѦныѡ бѡ добрѡтѣ
блнстлщыѡѡѡ → (щнѡ ѡ) нѣтѣрпѡтѣ нѣмогѣще зрѣѣтн МинМайМ1646к1691 (л. 75)

Немногие случаи, в которых ожидаемое исправление отсутствует, можно объяснить простым недосмотром, ср.

спїенїѡ прогѡ нже тѡѡ памать бѣжлщнмѣ → спїенїѡ прогѡ ѡ тѡѡ памать
бѣжлщн(!)мѣ МинМайМ1646к1691 (л. 72 об.).

На следующих этапах sprawy, при более тщательном пересмотре, все эти формы оформляются согласно норме, установленной во второй половине XVII века.

2. Основы причастий с нестандартным суффиксом /-j-/ получают стандартный суффикс /-ov-/.

Такое же исправление отмечено в разделе о прилагательных, где это касается в первую очередь притяжательных прилагательных. Как и в случае прилагательных,

полностью данный тип не упраздняется. Это несколько не удивительно, ведь в отдельных, даже современных церковнославянских, текстах, практически любая в ту или иную эпоху в обычном случае исправляемая форма может повстречаться как реликт, результат возобладания механизма ориентировки на текст, или просто недосмотр редакторов.

3. Замена нечленных форм причастий членными.

4. Ввод буквы й вместо и в окончаниях.

5. Изменения в оформлении основы.

6. Исключение «иже» перед причастными конструкциями.

7. Замена глагола на причастие и причастия на глагол.

В значительном количестве случаев мы имеем дело с взаимной заменой спрягаемой формы первого глагола на причастие и второго причастия на спрягаемую форму, т. е. основное и сопутствующее действие меняются местами.

8. Орфографическая дифференциация форм на /-м/.

содержѣмъ → содержѣмь ТпК48к56 (л. 218 об.) и др.

Для снятия омонимии, возникшей между формами 1 л. мн. ч. изъявительного накл. и нечленным страдательным причастием настоящего времени в конце последних вводится искусственная, «нефонетичная» орфограмма -мь.

Как и в случае других особых написаний, в старомосковских книгах на правах варианта данной позиции -мь уже фигурирует ср.:

«ты наѣчѣмь(!)» АпМ48к53 (л. 32),

а значение никоновской и послениконовской справы в том, что в отношении изменения нормы она переставляет акценты между центром и периферией.

9. Изменения в фонетическом оформлении основы – /ж/ → /жд/

Как и для остальных рефлексов с историческим /dj/, которые в письменном языке восточных славян, а затем Московской Руси пережили свое особое изменение, сочетания *dj* в причастиях передаются вместо *жс* через *жд*. Таким образом, как мы уже писали в разделе об орфографии, путь орфографического оформления /dj/ в церковнославянском языке восточнославянского – позже московского – извода таков:

- 1) После т. н. первого южнославянского влияния усваиваются в основном «древнеболгарские» написания с *жд*, соответствующие, возможно, литургическому произношению восточных славян, и лишь в отдельных случаях встречаем отражающие разговорную восточнославянскую фонетику орфограммы с *жс*, (ср. Н. Тóтн 1985: 305–308).
- 2) Письменная норма принимает как центр написания с *жс*.
- 3) В результате т. н. второго южнославянского влияния реставрируются сочетания *жд*.
- 4) В Московской Руси возвращаются к *жс*, в отличие от югозападной Руси, в которой результаты т. н. второго южнославянского влияния усваиваются более органично, (ср. УСПЕНСКИЙ 2002: 355)
- 5) В ходе никоновской и послениконовской справы, являющихся самыми важными компонентами югозападной экспансии в XVII в., по термину Б. А. Успенского «третьего южнославянского влияния» (ср. Успенский 2002: 433 и след.), снова вводятся написания с *жд*.

10. Явления, связанные с категорией одушевленности.

Точно так же, как и в области имен, при оформлении В. п. в множественном числе выражение категории одушевленности избегается, тогда как в ед. ч. м. р. одушевленность выражается.

11. Вопрос о деепричастной функции причастий.

8.3. Синтаксис

1. Приставки типа *превышшн*.

превышшн МинмайМ46к91 (лл. 20, 61, 70, 70 об., 73)

2. Изменение числа: ед. →мн.

МинмайМ46к91 (л. 20, 58, 98, 106 об.)

3. Замена дательного падежа родительным.

Грекоориентированность sprawy проявилась в частности и в расширении сферы употребления Р. падежа. Данный вопрос в литературе всесторонне рассмотрен, наши наблюдения полностью подтверждают выводы о том, что Д приименный заменяется родительным. (Ср. УСПЕНСКИЙ 2002)

Сделаем лишь две оговорки. Как отмечает М. А. Бобрик, в сочетании с глаголом *быти* выступает Д. п. Согласно этому на разных этапах библейской sprawy XVIII в. – для издания Елизаветинской Библии 1751 г. – Р. п. правится на Д. п. в данной позиции, см.: Бобрик 1988, Страхова 1998: 46. Нами также отмечены подобные исправления, таким образом эта тенденция началась на полвека раньше, чем предполагалось до этого.

4. Замена притяжательного прилагательного родительным падежом.

МинмайМ46к91 (л. 116 об., 117) →← иногда есть и обратная тенденция Р. п. → прилагательное МинмайМ46к91 (л. 119 об.)

5. Добавление союза *и* .

Это явление объясняется влиянием греческого текста, в котором, в отличие от традиционного славянского текста в подобных местах употребляется союз «и». В ряде случаев контекст является догматически важным, следовательно добавление «и» придает тексту еретический смысл.

Так Савватий в своей челобитной выражает протест против нового, грецизированного текста «Единородный Сыне /+и/ Слове Божий безсмертен сый», в

котором из-за введения союза «и» появляется «Савеллиева ересь» разделения Христа на два лица. Подобные места имеются во многих книгах, ср.:

единородный сыне и слово (слове) бжїе (бжїй) АпМ48к53

Ср. другие исправления:

такъ тѣ и еди́нъ хрѣ́ти́ане ко вѣ́щѣ вчищеніе мѣ́тливо (!?!не испр.) предлагаемъ

→ такъ тѣ и еди́нъ хрѣ́ти́ане МинмайМ46к9 (л. 22.)

ѣ́ день ... стѣа и славыа мѣ́нцы ирѣ́ны → ... стѣа и славыа мѣ́нцы ирѣ́ны

МинмайМ46к9 (л. 59)

тѣ́мъ же проповѣдника тѣ́ истинѣ́ вси́ имену́емъ и бг҃осло́ва и друго́а, хрѣ́тоу и напѣ́рника тѣ́мъ же проповѣдника тѣ́ истинны́ вси́ имену́емъ и бг҃осло́ва, и друго́а и хрѣ́тоу и напѣ́рника МинмайМ46к9 (л. 96 об.)

невещественный ооо бже→ невещественный и бже Ирмрук1к57 (л. 7.об.)

6. Введение притяжательного местоимения мой, твой вместо энклитических форм Д. п. ми ти си и местоимения свой.

7. Вариативность конструкций: повелительное наклонение глагола и да + изъявительное наклонение глагола.

8. Опущение *иже* в причастных конструкциях.

(Иногда все же остается МинмайМ46к91 (л. 60, 68))

9. Прилагательное мн. ч. ср. р. → существительное.

10. Замена причастных конструкций инфинитивными.

11. Изменения в глагольном управлении.

12. Взаимозаменяемость глагольных конструкций и конструкций с причастиями.

13. Замена наречий предложными словосочетаниями.

14. Расширение функционирования перфекта в 2 л. ед ч.

Формы простых прошедших времен в 2 л. ед ч. – для разрешения омонимии с 3 л. ед. ч. – заменяются формой перфекта, ср. еще раздел о глаголе. Как известно, омонимия 2 и 3 л. на протяжении веков «не мешала» русским книжникам. Изменения во взгляде на это объясняются возникновением славянской грамматической традиции и стремлением к соответствию греческому (тексту и языку). Самым известным считается дело Максима Грека в связи с исправлением богослужебных книг в начале XVI в., вследствие которого ученый монах был осужден, потом, через немалый срок оправдан. Максим, следуя своему греческому языковому чутью, исходил из главенства принципа «своей, однозначной» формы для каждого лица в глаголе прошедшего времени, не придавая значения различиям в интерпретации аориста, имперфекта (имперфективного аориста для глагола *быти*), возникшим на собственно русской почве, которое для русских книжников являлось важнее, чем избежание омонимии лиц. Конечно, мотивация каждого из взглядов исходит из языкового опыта книжников, который, в случае московских книжников, является довольно сложным сплавом церковнославянских и собственно русских форм, функционально распределенных по разным «жанрам», «регистрам» (термин В. М. Живова, вызвавший негодование со стороны специалистов современной стилистики по причине совпадения с названием термина в их области), см. ЖИВОВ 1996: 30 и след.

15. Добавление одного слова/нескольких слов.

Иногда в предложение справщики добавляют слово или слова. Как правило в результате этого многозначность снимается и значение становится понятнее, допускающее только одну интерпретацию. В данном явлении очень наглядно проявляется конвенциональное отношение к языковому знаку, которое ориентируется на требование понятности адресатом (слушающим, читающим), которым является человек, присутствующий на церковной службе. Как известно, для неконвенционального подхода к сакральному знаку правильнее всего предположить, что собственно адресатом является Бог, для которого отсутствуют проблемы, характерные для обычного процесса общения. ??? см. УСПЕНСКИЙ ???

16. Отрицание. Объект при отрицании. В. п. → Р. п.

По нашим наблюдениям после глагольного отрицания сравнительная степень стремились ставить прямое дополнение в форму родительного падежа, предпочитая его винительному падежу.

Їце братѣ или сестрѣ нага бѣдетѣ и лишена бѣдетѣ дневныа пици. Речетѣ же нма кто̀ ω(т) вазз: ндѣта АпРукк1679: мирома грѣѣтѣа и насыцайтѣа, не дастѣ же нма требованіѣ тѣлесное... такω → ... требованіѣ тѣлеснаго ... такω АпРукк1679 (л. 64 об.) Ѡзыкъ же никтоже можетѣ ѿ чѣкъ оумѣтити → Ѡзыка же никтоже можетѣ ѿ чѣкъ оумѣтити АпРукк1679 (л. 65 об.)

И некъшеніѣ мое ѣже по плоти моеѣ не оумѣтитѣ, ни оуплѣветѣ → И некъшеніѣ моеѣ ѣже по плоти моеѣ не оумѣтитѣ, ни оуплѣветѣ АпРукк1679 (л. 142) црѣтѣѣ бжїѣ не наследѣатѣ → црѣтѣѣ бжїѣ не наследѣатѣ АпРукк1679 (л. 143 об.)

Данное представление о норме находится в согласии с Грамматикой Смотрицкого, у которого в части ω сочиненіи глагола читаем в правиле ѱ (8) ω глѣхъ чѣстницѣ не приемлюцихъ: «Глѣнъ вни́телномѣ сочинѣемѣн ѿрѣцѣнїѣ чѣстницѣ не, приемлюще вни́телный прѣтворѣютѣ в родѣтели: гѣкω,

Чѣдо живото̀ нѣцагω не оумѣтитѣ и не оумѣтитѣ о́чию прослѣвѣ

дшѣ ѣчѣщѣна не ѿкорѣнѣ и не раздражѣнѣ мѣжа в ницѣтѣ ѣгѣ:

рѣѣ раздражѣна не превозмѣтитѣ, и не несѣ мѣма требѣющагω дѣнїѣ

(СМОТРИЦКИЙ 1619: 208 б.) Таким образом и примеры, приведенные в Грамматике подтверждают, что в центре нормы по Смотрицкому был Genitivus Negationis. Заметим, что орфограмма мѣжа также указывает на Р. п., так как В. п. с учетом категории одушевленности (!) отличался от Р. падежа написанием мѣжа, как на это указывает парадигма слова «врач», в которой Смотрицкий рекомендует дифференцированные формы: Р.: (тогѣ) врачѣ и В.: (тогѣ) врачѣ (СМОТРИЦКИЙ 1619: 68–68 б). Для московской нормы и в синодальном и современном церковнославянском языке сочетания типа жѣ, чѣ в аналогичных позициях заменяются сочетаниями типа жѣ, чѣ.

Вместе с тем отмечены примеры грецизированной падежной структуры с В. п. отрицания. Ср. исправление Р. п.→В. п.:

ниго никтоже мыслитѣ → никтоже ѿно раздѣтитѣ бѣдетѣ АпРукк1679 (л. 143)

17. Изменение порядка слов.

Для греческого языка, в частности, характерен порядок слов с определением после определяемого слова, ср СТРАХОВА 1998: 46–47. В наших кавычных экземплярах выявлены такие исправления, в результате которых появляются такие словосочетания как *богъ мой* вм. *мой богъ*. Ср ТпК48к56 .

18. Согласование относительных местоимений.

Для данного явления, как и для многих других, в Грамматике Смотрицкого указано двоякая реализация: греческая – согласование с управлением глагола в главном предложении – и (церковно)»славянская», согласование с конструкцией подчиненного предложения. Сама Грамматика Смотрицкого, как видно, отдает предпочтение второму пути, однако справщики в ходе своей работы могли сознательно стремиться к калькированию греческого способа передачи данной конструкции.

19. Изменение вида глагола

с нимъ и цѣтъ ѹемъ → с нимъ и воцрмѣд АпРукк1679 (л. 180)

20. Опускание *иже* в предложных словосочетаниях.

показаніе ѡубѡ любви вашей и нашемъ хваленію еже ѡ васъ → показаніе ѡубѡ любви вашей и нашемъ хваленію ѡ ѡ васъ АпРукк1679 (л. 132 об.)

21. Замена Тв. п. на предложную конструкцию.

22. Введение Р. п. восклицания

23. Изменения в области управления разных частей речи.

24. Изменение времени глагола.

25. Употребление В. п. на месте прежнего М. падежа.

26. Замена инфинитивных конструкций предложением со спрягаемой формой глагола.

27. Исправление сочетания в+В. п. на Тв. п.

28. Замена сочетаний прилагательное+существительное на конструкцию существительное и существительное

Ср.: *вз кротоутиѣи прѣмѣдрости* → *вз кротоути и прѣмѣдрости* Апрукк79 (л. 65 об.)

Данный тип исправления также свидетельствует о стремлении к покомпонентному соответствию греческому.

29. Конструкции типа: во їѡиѣ глаголетѣ.

→ *во їѡиѣ глаголетѣ* Апрукк79 (л. 65 об.)

Это сочетание является точной передачей греческой синтаксической модели, которая употребляется и в современном греческом языке, см. VLASTO: 347 прим. 3.

30. Ограничение употребления Д. п. самостоятельного.

да бѣговѣтъвѣщующѣ ми → *да бѣговѣтъ ѡ* Апрукк1679 (л. 116)

Справщики стремятся использовать Д. п. самостоятельный только в строгом соответствии с родительным падежом самостоятельным, для передачи которого он и служил в кирилло-мефодиевскую эпоху, превратившись в ходе автономного развития церковнославянского языка в универсальный способ передачи обстоятельственных значений. Существует мнение, что дательный самостоятельный являлся собственно праславянской конструкцией, хотя неясно, был ли он родным для восточных славян, ср VLASTO: 215.

8.4. Прочие явления

1. Сложносочиненные слова.

2. Тип «поставить заставица(!)»

Это скорее относится к морфологии (тип «трава косить» ИСАЧЕНКО 1983) к тому же данная форма употребляется не в основном тексте, а только в замечаниях справщиков, обращенных (в данном случае) к наборщику.

Ср. ПЕННИНГТОН 1980: 304–305, где отмечены схожие конструкции с инфинитивом и дополнением в форме именительного падежа, хотя число их невелико, из чего следует периферийный статус данной модели в узусе приказной письменности XVII века, при том, что подобные формы встречаются в московских официальных документах еще и в первой трети XVIII века. Как принято считать, мы имеем дело с явлением, характерным в первую очередь для северных диалектов, представляющим собой, возможно, остаток влияния угро-финнского субстрата.

3. Разные лексические явления.

Их как правило трудно отличить от чисто текстологических – (в этих исправлениях можно отметить некоторую долю непоследовательности пословное (иногда дословное) следование греческому тексту. Это не осталось незамеченным в антиниконианской полемике традиционалистов-будущих старообрядцев, см. ниже высказывания традиционалистов.

4 Текстологические явления самого разного характера

сверка количества и нумерации стихов в ц-сл. и греческом тексте (практические соображения совместное служение с греками

9. Языковые аспекты раскола.

9.1 Полемика никониан и традиционалистов о языке богослужебных книг

Высказывания о языке сторонников реформ обнаруживают полемическую установку как стимул к актуализации и эксплицитному выражению ранее невербализованных представлений.

В большинстве случаев они содержат прямые обвинения в адрес оппонентов в незнании грамматики. Ср.:

«А вы, брате Авраамий, конечно за неведение погибаете. Не учася риторства, ни философства, ниже граматического здраваго разума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего.» Ариепископ Иларион Рязанский, обращаясь к старцу Авраамию (МАТЕРИАЛЫ т. 7 с. 395)

«Како проклятым раскольником книги исправляти, что нелучилося им граматического (не токмо философскаго и богословскаго) учения видати, знати же ни.» УВЕТ ДУХОВНЫЙ (л. 264 об.)

«Буии и неискуснии человеци, едва письмена слагати навыкшии: Грамматическия же хитрости (не помяну риторския, философския и богословския, ими же все состоит писание Божественное) ниже наченшии вкушати (н???) дерзают Божественная писания по своему невежеству толковати, паче же реку развращати: и благоискусных славенска и греческа языка мужей не срамляются обхуждати, и осуждати.» <Епифаний Славинецкий>: СЛОВЕСА (с. 680), (Описание рукописи: ПЕТРОВ, 1897 с. 98-99)

Другая группа высказываний обнаруживает, порою не грани эпатажа, заявления о приверженности греческому языку. Ср.:

«Хоть я русский и сын русского, но моя вера и убеждения греческие» – слова патр. Никона. (Иконников, 1888 с. 50)

В числе тех, кто особенно любил греческое пение и чтение в церкви, оказывается царь Алексей Михайлович. (КАПТЕРЕВ, 1912, с. 73. сноска №43)

«[Алексей Михайлович] просил[Макария] молиться за него Богу, как Василий Великий молился за Ефрема Сирина, и тот стал понимать по-гречески: чтобы и царю также уразуметь этот язык.» (ПУТЕШЕСТВИЕ, 1898, вып. 4., с. 111)

«...яко первее языку греческому изучитися лепотствует того ради, занеже бо есть корень и преискрный язык...к началу греческих речений, аки к твердыни, в

недоуменных вещех прибегаем, паче же аки к источнику нетленному жаждущим притекаем.» пишет Паисий Лигарид (МАТЕРИАЛЫ. т.9 1895, с. 236)

С другой стороны и традиционалисты, будущие старообрядцы выражают свою неприязнь в сторону никониан. В частности они заявляют о принципиальном своем неприятии грамматики и «внешней мудрости». Ср.:

«Не позазрите скудоумию моему и простоте моей, понеже грамотики, философии не учился, и желаю сего, и не ищю...А что скажу вам просто, и вы Бога ради собой исправете со Христом, а мене грешнаго простите» (Епифаний: «Житие» РОБИНСОН, 1963 с. 179)

«Преподобный же Ефрем рече: и кроме философии и риторики, и кроме грамматики мощно есть верну сущу препрети всех противящихся истинне. И по сему слову веры потреба ко спасению и ко прению противящихся, а не литорики и грамматик(ки) и христианских добродетелей от чиста сердца, а не философскаго кичения. Еже бо в распятого веровати, сие бо премудрости не требует, ниже умышлений, но веры...Внешняя премудрость сама себе низложи и ни во что же бысть потребна, прочее...» пишет Аввакум: компилятивном писании: «Достоит ли учиться риторике, диалектике и философии?» (ДЕМКОВА 1974 с. 388)

Иногда присутствует и юмор, столь свойственный Аввакуму: «Евдокия, Евдокия, почто гордаго беса не отринеси от себя? Высокие науки и<с>чеш, от нея же падают Богом не окормлени, яко листвие...Ай, девка! Нет, помню меня при тебе блиско, я бы тебе ощипал волос<ь>е-то за граматуку-ту» Аввакум (ДЕМКОВА, 1970 с. 178)

С другой же стороны, как сторонники онтологического восприятия знака, они убеждены в правильности дониконовских книг и в незыблемости их авторитета, против которого восстали новоявленные справщики-грамматики. Ср.:

«Да многие-де наши духовныя лица возмутились и хулят книги Иосифовы патриарха, неведущие писание ни силы его, заблуждают от пути истиннаго: бутто-де не сходны с Филаретовыми и Иосафовыми. И мы в них несходства и ереси не разумеем: книги добры Иосифовы, я их всех приемлю и чествуя лобызаю» МАТЕРИАЛЫ. т. 5, 1879 с. 220, об этом: СМЕРНОВ, 1898 с. 185-192

Также протестуют традиционалисты против «странных речений» и конкретных языковых форм:

«А ныне в новой Триоде напечатали мимошедшим временем, якоже и в ?руце? сидящего, —и на престоле был еси Христе со Отцем и Духом. Якоже бы иногда был, а иногда несть. А сего не разумеют, яко по богословным книгам, при Бозе бытие не глаголется, якоже при тварех, но предбытие, понеже всякаго существа и бытия прежде Бог. И лепо Богу присно быти...Тою глупостию своею разлучают его от Отца и Духа и от престола, не всегда глаголют его со Отцем и Духом на престол(е?) быти.» Савватий ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЕ, с. 23-24

«А что отступник Никон со Арсением еретиком напечатали и приложили литеру ко...Исус→Иисус, то стало два состава. И сие по грамматическому разуму союз; а по осмочасному Иоанна Ексарха слову, то различие именуется, и стало два имени, а не едино. Посему явная сия ересь проклятаго Нестория, якоже выше сего рехом, иже два сына исповедуют, разлучая Сына Божия от человечества.» (Авраамий МАТЕРИАЛЫ. т.7 1885 с. 271

«Правду ты, владыко, рекл ми, яко риторики и филисофства не учихся и грамматического учения глубокого не знаю, кроме малаго наречия в справе и прочитаю (?почитаю?) книги благодатнаго закона, такоже отчасти мало пророческих книг читал.» МАТЕРИАЛЫ. т. 7. 1885 с. 395

«Аще бы я и следа не умел грамматики, да зла никакого не сотворил, а справщики будто умеют грамматику, да пакости ею многие творят.» Савватий ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЕ с. 34-35

«И аще что реченно просто, и вы, Господа ради, чтущии и слышашии, не позарите просторечию нашему понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хошет.» ПАМЯТНИКИ, 1927, с. 151

« А мы держим святыя книги и закон прародителей твоих и ничего во святую церковь не вносим, ни износим: что приняли, то и держим неизменно.» Лазарь МАТЕРИАЛЫ. т. 4 1878 с. 262-263 (Челобитная попа Лазаря)

«А нынешнии мудрецы...не оставиша бо во всех книгах ни единого слова, ежебы не переменити, или не преложити... и то есть не справа, но явныя бредни» Лазарь МАТЕРИАЛЫ. т.4 1878 с. 216, 220

«И речь всякая изменена неправедно, на соблазн церкви: прямое бо правити, искривити есть паче, а не испрямити

Лазарь МАТЕРИАЛЫ. т. 4 1878 с. 208

«А что он, Никон, в прочих свих новопечатных книгах словенское наречие превращал и будто лучше избирал, и печатал вместо креста–древо, вместо церкви–храм, вместо тельца–тельцы, вместо обрадованная–благодатная, и прочие речи изменил.» Никита Добрынин МАТЕРИАЛЫ. т. 4 1878 с. 135

«своевольнии отметницы славенска языка» Аввакум Памятники, 1927 с. 324

«Вся бо Богови грубо, не подобает бо своего языка уничижать, а странными языки украшати речи.» Аввакум БОРОЗДИН, 1900, с. 256; приложение с. 32

«А во святую великую субботу ко псалму: блажени припевы вновь, иным слогом напечатал, излишние с прежними триодьми и псалтирями несогласно...Також, великий государь, и во всех церковнаго украшения новопечатных книгах словенское наречие исказил, –хотя ту же речь напечатал, но (?по?) иным наречием.» Никита Добрынин МАТЕРИАЛЫ. т. 4 1878 с. 151-152 (Челобитная Никиты Добрынина)

«вместо лютых–тяжких, вместо нужных–лютых...вместо страх смерти–боязнь смерти..., а вместо боязнь и трепет–страх и трепет...вместо олтарь–жертвенник, а вместо жертвенник–олтарь.» Никита Добрынин МАТЕРИАЛЫ. т. 4 1878 с. 152,154

«А ныне, государь, не оставили в книгах ни единого словечка, еже бы не пременили, или не преложити...Где церковь была, тут храм, а где храм, тут церковь, где отроцы, тут дети, а где дети, тут отроцы...» Федор Иванов МАТЕРИАЛЫ т. 6. 1881 с. 37

«и сих соблазнов новых не обретається отнюдь нигде в наших старых книгах во всех девяти землях словенского языка.» МАТЕРИАЛЫ. т. 6 , 1881 с. 155

«И того, государь, отнюдь несть ни в которых книгах: ни в сербских, ни в острожских, ни в печатных, колко ра свету ни есть ныне на нашем словенском языке.» МАТЕРИАЛЫ. т. 7, 1885 с. 315

«Да он же де Авраамий показывал ему в том же Служебнике, напечатано де, что в имени апостола Павла напечатано вместо веди ижица, говорил, вместо де Павла напечатано Павл, и тем де он многих людей и пустынников прельстил» старец Нил МАТЕРИАЛЫ. т.1, 1875 с. 462

«А в старых [книгах] не так, государь. Сложи речь с речью и стих со стихом: тогда истину увеси.» Федор Иванов МАТЕРИАЛЫ. т. 6, 1881 с. 271

«Нам всем православным христианам подобает умирати за един аз, его же окаянный враг выбросил из символа тамо, идеже глаголется о сыне Божии Иисусе Христе: ‘рожденна, а не сотворенна’ велика зело сила в сем аз сокровенна.»

Федор Иванов Из ИСТОРИИ кн. 7, 1859 с. 341

«Не предаем древняго своего благочестия...и за едино прелагаемое слово и отъемлемое в вере страдати до крове готовы...» МАТЕРИАЛЫ т. 6, 1881, с. 291-292

«По сему новому преданию вместо Иисуса написано с приложением лишняя буквы: Иисус, его же страшно есть нам грешным неточию приложити, но и помыслити» Соловецкие иноки МАТЕРИАЛЫ. т. 3, 1878, с. 166

«и что оне в том же символе напечатали: и в Духа Святаго, Господа Животворящаго, а Истиннаго отъято, и сим оне нарушением не токмо всею церковью возмутиша, но и всею тварию, небом и землею, потрясоша, извержением Истиннаго из символа.» Авраамий МАТЕРИАЛЫ. т. 7, 1885, с. 277

«Да в новых книгах напечатано: Единородный Сыне и Слове Божий, Сия речь двоелична. В том же стисе: смертию смерть поправ. И та речь временная. А в прежних книгах, печатных и письменных, написано: Единородный Сын Слово Божие. Сия речь единолична. Да в том же стисе: смертию на смерть наступи, или поправ. Сия речь вовеки вечная. В том же стисе: смертию смерть поправ. И та речь временная. Лазарь МАТЕРИАЛЫ. т. 4, 1878 с. 189-190 Роспись Лазаря

«И то в Кириллове книге описует ересь: малое-де слово сие, да велику ересь содержит.» МАТЕРИАЛЫ т. 8, 1887, с. 35

«Его же царствию не будет конца...и тем они ныне царства Христова и власти не исповедуют, и то их мудрование еретическое...достоит истинно рещи: его же царствию несть конца.»МАТЕРИАЛЫ т. 4 с. 186

«И те, государь, священно-тайные глаголы нарушены злым еретическим вымыслом.» Никита Дорынин МАТЕРИАЛЫ т. 6, 1878 с. 104

«И где было в старых: [Христос] до мене бо прииде, мене ища заблуждышаго; а ныне переправили; до мене бо идеши, мене ища заблуждышаго. Инова ждут к себе Христа!» Федор Иванов МАТЕРИАЛЫ т. 6, 1881 с. 27

«[Никита Добрынин] отвеща: приидохом zde не о грамматике с вами глаголати, но о церковных догматах, яже изменисте.» Никита Добрынин Три челобитные с. 122

«А грамматику учил ли, или читал?...рече: Разумею отчасти: грамматика не вере учит, но как которое слово добре глаголати и праве писати.» Дьякон Федор Иванов на вопрос архиеп. Афанасия МАТЕРИАЛЫ т. 6, 1881, с. 54

«и я нищей бил челом вам Великому Государю на справщиков не о грамматичном деле, – извещал на них про то, яко книги портят и плевелы в них сеют.»

Савватий Три челобитные с. 13

«А по нашему, Государь, извету ни чем до грамматики коснулся, да не грамматичным делом Вам Великому Государю на них извещал.» Савватий Три челобитные с. 34

«Ведаю разум твой, умеешь многими языки говорить: да што в том прибыли?...Воздохни-тко по старому, как при Стефане бывало, добренько, и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя, грешнаго! А кирелейсон-от отставь, ельняня (?еллена?) говорят, плюнь на них! Ты ведь,михайлович, русак,а не грек. Говори своим природным языком, не уничижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так подобает говорить, Любит нас Бог не меньше греков, предал нам и грамоту нашим языком Кириллом святым и братом его.Чего же нам еще хочется лутче того? Разве языка ангельска» Аввакум, обращаясь к Алексею Михайловичу МАТЕРИАЛЫ т. 8, 1887 с. 44

«Мнозиж ныне, гордостию превознесшись, языком славенским гнушаются, в нем же крестишася и сподобишася благодати Божия, иже широк есть и великославен, совокупителен и умилен, и совершен паче простаго и лятцакого обретается, и имеет в себе велию похвалу, не токмо от описаний богословских и песней церковных, з греческаго им переведенных, но и от юожественных литургии и иных тайн, иж(е?) богоугодным тем языком в великой и малой России, в Сербях и Болгарех и по иным странам действуется. И мнози ныне свой хлеб и сокровища духовная, во чтонии и поучении изобильных книг словенских, оставивше за чужии, иже смертоносным ядом устроенный, хлеб хапаются... Авраамий МАТЕРИАЛЫ т. 7, 1885 с. 14-15
Христианоопасный щит веры (Авраамий) Заимствовано из «Книги о вере» М. 1648 лл. 3-3 об.

«[В Москве] меж себя шептали: учиться-де у киевлян Федор Ртищев греческой грамоте, а в той-де грамоте и еретичество есть.» Козловский 1906 с. 81-82 с указанием источника этого свидетельства

«Некто гречин-архимандрит Дионисий, учил Илариона архиепископа рязанского греческим буквам, реку и нравам, внешняя мудрствующим» Аввакум МАТЕРИАЛЫ т. 5, 1879, с. 137-138

«С природного и пространного своего словенскаго языка на греческой тесной язык воспящаются во многих речах...и то не добре же»Савватий? Три челобитные, 1862 с. 35

«А ныне забыв то своих рук дело, да на греческой тесной язык воспящаются, а своей(свой?) оуждают...» Савватий Три челобитные с. 36

9.2 Изменение восприятия языкового знака в зеркале других сфер церковной жизни

Во второй половине XVII столетия культура Московской Руси переживает величайшие потрясения. На фоне всеобщей секуляризации сакральный знак (языковой, визуальный, певческий) начинает терять свой особый статус, и на смену неконвенциональному, онтологическому приходит конвенциональное отношение к знаку. (Успенский I. 481) Раскол - самое трагическое происшествие в истории русской церкви - является как бы логическим последствием этих изменений, все сильнее захватывающих духовную жизнь Московской Руси. Административно-насильственный способ проведения церковной реформы царем Алексеем Михайловичем, патриархом Никоном и их преемниками (Филиппов 2000:69) придал лишь дополнительную остроту восприятию современниками этих явлений.

Во второй половине XVII в. на Московском Печатном Дворе по югозападнорусским и новогреческим образцам издаются новые богослужебные книги, в соответствии с унификационными стремлениями Московской Руси, ставшей к этому времени единственным суверенным православным государством. Одновременно проводилась работа и над новым изданием традиционных церковно-певческих книг «на речь», т.е. с исключением из текста т.н. «хомонии» (см. ниже). В это же время из Юго-Западной Руси хлынул мощный поток новых, «альтернативных» одноголосных распевов и напевов, а также, окончательно усугубляя ситуацию, вводится отбрасывающий всю прежнюю традицию, основанный на классической европейской инструментальной хоровой музыке новый многоголосный стиль: партес. Не удивительно, что изменения в церковном пении вызвали не менее бурную полемику, чем обрядовые нововведения и новые литургические тексты. В настоящей работе постараемся показать, в какой форме обозначенные выше общие тенденции проявляются в восприятии богослужебного пения и языка.

В русском богослужебном пении практически с самых ранних времен существует традиция знаменного или столпового распева. Первые сохранившиеся памятники с одноименной нотацией относятся к XII веку. Само же название «знаменное пение» или «столповое знамя» встречается в памятниках начиная с XV века. (Гарднер 1998 :I,258 прим).

Этот строго унисонный распев (т.е. система пения богослужебных текстов) являлся до середины XVII века основным способом церковного пения великорусской церкви, и до настоящего момента хранится старообрядцами и в некоторых приходах патриаршей церкви.

С этим основным распевом в разные эпохи сосуществовали другие, более сложные, праздничные традиции пения: с XI века до XIV это унисонное кондакарное пение. На смену кондакарному приходят путевое и демественное пение. Их расцвет относят специалисты к периоду с XVI до первой половины XVII века. Эти два рода пения являлись многоголосными, чаще всего «трехстрочными»; они отличались от европейского типа многоголосия, основанного на консонантных трезвучиях: путевой и демественный распев представляли собой оригинальное русское многоголосие с порою очень диссонантным с точки зрения классической гармонии звучанием. Со второй половины XVII века наблюдается упадок знаменного распева и быстрое, продолжающееся до наших дней распространение многоголосия европейского типа.

К концу XV в. складывается полный корпус знаменного распева. Знаменный распев, это уникальное в своем роде явление, можно сравнить с русской иконописью, расцвет которой происходит в это же время. Как икону нельзя понять с позиции натуралистической живописи, так и знаменный распев не поддается анализу в координатах классической теории музыки. Непонимание или нежелание понять этого уведут исследователя от истинного смысла этих форм - выражения Божественной реальности. В этой же плоскости находятся и явления, относящиеся собственно к богослужебному тексту и языку. Ниже попытаемся провести параллель между некоторыми явлениями церковного пения и литургического языка.

После второго южнославянского влияния в Московской Руси заимствуется грамматическая традиция, которая в свою очередь актуализирует представления русских книжников об онтологической природе языкового знака. Заметим, что великорусские грамматические сочинения этой эпохи, за исключением немногих, например переводного «Донатуса» Дмитрия Герасимова, скорее представляют собой орфографические руководства, чем грамматики в полном смысле слова. Ср. адаптацию в XVII веке Граматики Зизания на московской почве: из нее при переписывании исключали почти весь морфологический материал, при том, что в орфографическую часть могли быть включены дополнительные, с точки зрения Московских книжников важные части (Кузьминова 2000:116). Это соответствовало цели книжников: отобразить Божественный текст в конкретном языковом (или в свою очередь певческом)

тексте. Необходимым представлялось установить однозначные соответствия между трансцендентной реальностью как планом содержания и текстом церковных книг как планом выражения. Таким образом слова в сакральных текстах функционируют как имена существительные - любое изменение в форме неизбежно влечет за собой изменение и в содержании: «с одной стороны, различающиеся по значению формы получают разное орфографическое оформление, с другой же стороны вариантным средствам выражения приписываются разные значения» (Успенский 1988:268). Такой, устроенный в полном соответствии с Божественным онтологическим порядком язык закономерно воспринимается как икона православия.

Аналогичным образом и к певческому знаку, в первую очередь к знаменному распеву могут относиться как к иконе горнего мира. Поэтому, когда в середине XVII века посредством киевских «вспеваков» в Москве появляются новые унисонные распевы (киевский, греческий, болгарский, антиохийский и др.), которые употреблялись как бы «альтернативно» знаменному, возникает конфликт, т.к. подобным образом как «безразличное употребление вариантов, присущее некнижному языку, недопустимо, вообще говоря, в языке книжном» (Успенский 1988,268) и в церковном пении не было места «синонимии». Случаи употребления путевого и демественного, а не знаменного пения были строго регламентированы. Названия распевов, перечисленных выше, достаточно условны и порою не до конца ясны. Так слово «греческий» в Великом Княжестве Литовском могло обозначать «православный» ср. «греческая вера», и таким образом «греческий распев» это, возможно, просто «православное пение».

Б. А. Успенский считает, что в "Древней Руси... все в принципе могло восприниматься в теологическом ключе: не только содержание, но и форма могла восприниматься как отражение Божественной истины, как непосредственное свидетельство о Боге" (Успенский 1996, I: 477) Этот тезис подтверждается и системой богослужебного пения в Древней Руси. Как мы уже отмечали, знаменный распев вместе с его нотацией - знаменами или крюками - воспринималось как икона православия, "ангелогласное пение".

В. Мартынов в своей книге "Пение, игра и молитва в русской богослужебно-певческой системе" выдвигает мысль, что церковное пение Древней Руси можно по-настоящему понять, если его рассматривать не в категориях музыки, как это было принято до сих пор, а как часть аскетике, как по мнению автора пение и воспринималось в сознании древнерусского человека. (Мартынов 1997). Имеется целый

ряд певческих азбук, в которых крюковым знаменам приписываются значения определенных состояний сознания или определенных психических качеств, в результате чего эти певческие знаки начинают обозначать не только определенное движение голоса, но и определенное аскетическое состояние сознания, так знамена, называемые «параклит», «крюк», «змейца», «палка» обозначали следующие аскетические понятия: «послание Святого Духа на апостолов», «крепкое ума блюдение от зол», «избежание земной славы», «послушание Бога ради безответное, и без прекословия, и без роптания», соответственно (Знаменная азбука 1984: 50). Григорий Синаит писал: «Пение, воспроизводимое голосом есть указание на внутренний умный вопль» (МАРТЫНОВ 1997: 15). Это и является истинным, сокровенным содержанием знаменного пения, в том смысле, что для того, чтобы Божественная реальность раскрылась через пение, необходимо молитвенное преображение сознания и жизни для соединения с Богом. Это понимание имеет свои корни в движении исихастов, «искусство, как духовность и богословие которых стремились показать, что такое соединение возможно, что оно зависит как от божественной благодати так и от человеческого желания достигнуть Его, что это соединение касается не только человеческого духа, но человеческого существа в его целостности, тела и духа.» (Мейендорф 2000: 432).

Как результат онтологического отношения к знаку можно объяснить существование в пении хомонии, противопоставленной чтению "на речь". Это явление обусловлено стремлением сохранить древнюю мелодику и способ произношения текста, несмотря на изменившиеся языковые условия, в которых, в частности, уменьшилось количество слогов.

Напомним, что в хомовом пении на месте этимологических ь и ѣ произносятся е и о как в сильных, так и в слабых позициях. напр.: видехомъ [видехомо] (отсюда собственно и название); съпасъ [сопасо] и т.п. Это в принципе соответствует традициям церковного произношения до ее реформы в XIV в. (Ср. Успенский. 1997: III 143-208) т.е. до реформы и читали и пели «с хомонией» (язык чтения не был противопоставлен языку пения), как это имеет место до сегодняшнего дня у той части староверов-беспоповцев, которые сохранили хомонию в пении. Следует также заметить, что в разных текстах одни и те же слова могут присутствовать с разной степенью хомонии.

Во второй половине XVII в., в 1652 г. еще при патриархе Иосифе (что по-своему важно т.к. свидетельствует о стремлениях кружка ревнителей благочестия) по указу царя создается комиссия по исправлению всего поемого текста «на речь» т.е. с целью

уничтожения хомонии в знаменном распеве (в демественном и путевом распевах такой работы из-за сложности певческого текста не проводилось). Вот как впоследствии, в 1668 г. повествует об этой комиссии известный знаток пения монах Александр Мезенец: "Соблагоизволися благочестивейшему и великому государю нашему, царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея великия и малыя и белыя России самодержцу во преходящее время лета 7160 (т.е. 1652 г.) о церковном знаменном пении предел учинити, еже всякое пение было во истинноречном (т.е. без хомонии, как читали) пении, везде во градах и честных обителях и селах устроено равночинно и доброгласно." (Гарднер II 49). Здесь отчетливо прослеживается главный мотив никоновских реформ, стремление к унификации («равночинно»), в которой была острая нужда, т.к. «начаша...малоискуснии мастера кийждо всяк от себе, исправляти на правую речь пение и во единоголасие не приидоша...и от того их дерзновения везде во всех градах и селах учинилося велие разногласие...» (Гарднер 1997 II 50)

Отношение к хомонии у современников было разное: некий инок Ефросин в 1657 г. рассуждал так: "В наших знаменных книгах священныя речи до конца развращены противу печатных, письменных, древних и новых книг. Книги харатейныя были писаны и по ним было пето так же, якоже глаголем - на речь, а не якоже ныне многое обретется: инде речи неприличныя последующему разуму приложены, и во иных местах нужнейшая глаголения разуму отъяты, и всякия глаголы буквами лишними переломаны, и с славенского нашего языка, в нем родихомся и священному писанию учихомся, чюжи, несвойственны и сопротивны...Пением нашим точию глас украшаем и знаменные крюки бережем, а священныя речи до конца развращены супротиву печатных, письменных, древних и новых книг."(Гарднер 1997:II 50-51)

То, что инок Ефросин считает хомовое пение "бережением знаменных крюков" свидетельствует с одной стороны о том, что хомония в пении была сохранена действительно по той причине, что для носителей средневековой русской духовности было немыслимо своевольное изменение певческого текста (т.е. мелодии) «ангелогласного», «сокровенноличного» (т.е. имеющего таинственный смысл) знаменного пения - иконы высшего мироустройства, с другой стороны свидетельствует о том, насколько ослабело такое понимание знаменного пения для той части современников, которая разделяла взгляд Ефросина. Для последних установка на *восприятие* певческого и языкового знака была важнее, чем воспроизведение священного текста. Поэтому для Ефросина важно, что по древним книгам "было пето якоже глаголем - на речь". Это конечно, не совсем так: до реформы в XIV в. церковного

произношения (Успенский 1996 3 143-208) действительно совпадало произношение певческого текста и текста чтения, однако к XVII в. традиция произношения в чтении, как известно, претерпело значительные перемены. С другой же стороны, рассуждения Ефросина о "славенском языке" "в нем родихомся и священному писанию учихомся" являют собой пример традиционного взгляда.

Сторонников хомового пения тоже немало, в частности оно сохранилось до сегодняшнего дня у большей части староверов-беспоповцев. Как известно, поповцы и некоторая часть беспоповцев придерживаются наречного пения. О том, с какой ревностью берегли хомонию, свидетельствует инцидент, разыгравшийся в 1660-е гг. в Соловецком монастыре: когда архимандрит Варфоломей хотел ввести там наречное пение, в алтаре дьякон Нил "уча на Варфоломея кричать: держишь-де ты уставщика попа Геронтия, да и ты-де еретик, он-де тебе ереси научил, а Арсений-де грек научил ереси патриарха Никона, а патриарх-де Никон будто научил ереси, а ково, и тово поведати мне на письме невозможно... (т.е. царя Алексея Михайловича)" (Гарднер 1997 II 45) В результате в монастыре осталось хомовое пение.

К хомонии примыкает существование в некоторых певческих текстах глоссолалических вставок, «аненаек», которые с точки зрения исследователей происходят от характерного для византийского пения задавания тона и «хабув», которые скорее всего являются остатками вспомогательных при мелизмах гортанных звуков. Характерным образом последние могут переосмысляться как «Христу Богу», а первые как ликование ангелов («ангельский язык»!) или Богородицы. (ср. Гарднер 1997: I, 503-515).

Еще одним примером остатка традиционного, онтологического отношения к сакральному знаку является многогласие (не певческий, а литургический термин!). Так называли практику произнесения одновременно разных частей службы, в результате чего она становилась вдвое, втрое короче, чем единогласно. Здесь с нашей точки зрения важно то, что сторонники многогласия скорее могли смириться с непонятностью службы, чем с тем, чтобы из нее по недостатку времени были исключены некоторые отрывки, т.е. предписанный уставом литургический текст должен быть *полностью* произнесен, вне зависимости от условий восприятия, в противном случае может пострадать святость службы. Это свидетельствует о пренебрежении коммуникативной (между людьми) функции сакрального языка в ущерб сигнификативной. С другой стороны, можно также предположить, что для современников в общении с Богом (коммуникативная функция) предполагался идеальный канал, без каких-либо помех.

В связи с многогласием церковных служб интересно отметить, что по мнению Н. Д. Успенского практика многогласия при совершении богослужения приучила верующих к иному способу слушания, который был необходим для восприятия русского многоголосия, строчного и демественного пения. "Столь оригинальный по складу и странный по звучанию стиль многоголосия мог возникнуть в условиях существовавшего в течение XVI-XVII столетий «многогласия» т.е. одновременного пения различных песнопений." (цит. по Гарднер 1997:II, 86). В результате слушатель мог научиться как отцеживать слухом каждую голосовую линию, не останавливая своего внимания на сильно диссонирующих узлах столкновений мелодических линий.

С середины XVII века, условной датой можно считать 1652 год, когда были приглашены в Москву киевские певцы, начинается новый период в истории русского богослужебного пения, который И. Гарднер охарактеризовал как "эпоху постепенной, но быстрой секурализации богослужебно-певческого искусства" в которой "пение русской церкви все более и более отходило от своего первоначального принципа - быть одной из форм самого богослужения [на личном уровне: мотивы И.Х.]. В результате постепенно стал утверждаться взгляд на церковное пение как на вокальную музыку, приносимую в богослужение для его украшения или услаждения слушателей, и как на незначительную отрасль в системе общей музыки." (Гарднер 1998, 7-8) Главным нововведением был европейский многоголосный музыкальный стиль: партес.

Эмоционально-эстетическая особенность партесного пения выдвигалась на первый план практически всеми его сторонниками в XVII в. Так, смоленский митрополит Симеон оправдывал введение многоголосного пения в своем храме «ради умиления» и чтобы людям на службе «стояти скучно не стало» (Бычков 1992 572). Это уже прямое выражение нового отношения к пению, оно уже декларативно выводится из области аскетики или литургики и обретает самостоятельность.

Подобные явления происходят и в области богослужебного языка. Грамматика, в первую очередь это «Грамматики словенския правильное синтагма» М. Смотрицкого (1619 Евье, 1648 Москва), становится самодостаточным критерием в определении правильности, а знание грамматики, греческой, ориентированной на нее как на прообраз церковно-славянской, является как бы гарантом правильной веры. Так же и в пении: если написанное в Москве руководство Александра Мезенца по знаменному пению называется «азбукой», то труд приехавшего из Юго-западной Руси в Москву для введения партесного пения Николая Дилецкого носит название «Музыкальная

грамматика» и в нем действительно даются *правила* составления музыкальных сочинений. В предисловии помещен трактат дьякона Иоанникия Коренева "О пении божественном", в котором читаем: "Тот, кто споря, лишился смысла, говорит, что церковное пение не происходит от музыки, что одно является музыкой, а другое нет... Я же всякое пение называю музыкой" (Мартынов 1997:5). То есть богослужбное пение должно подчиняться тем же правилам, что и музыка профанная. Как известно, на это указывают и слова Коренева о тех, кто «лишился смысла», в древнерусском мире понятия *пение* (сакральное) и *игра*, позже: *музыка*, музыка (профанное) были строго разграничены. Ср. в одном из «Азбуковников» конца XVII в.: «Музыка - гуденье, рекше игра гусельная и кипар... в ней пишется песни и кошуны бесовския, их же латины припевают к музическим орган согласию.» (Бычков 1992:562) Таким образом и новое "латинское" партесное пение, пришедшее в Московскую Русь из Киева и основывавшееся на принципах западноевропейского музыкального мышления было воспринято сторонниками древнерусской традиции как кощунственное введение в Божий мир бесовских игр, введение анти-поведения в сакральную сферу, что крайне недопустимо. Ср. высказывание ростовского портного Силы Богдашко: «Личины вы свои пишете на иконы, а *служба ваша игралище*, а не служба» (Успенский 1 502).

Это, как известно, вызывает бурную полемику в связи с исправлением богослужбных текстов. Противоборствующие стороны "никониане, грамматики" и "традиционалисты", будущие старообрядцы занимают принципиально непримиримые точки зрения: Архиепископ Иларион, обращаясь к старцу Аврамию говорит: " а вы, брате Аврамей, конечно за неведение погибаете. Не учась риторства, ни философства, ниже грамматического здраваго разума стяжали есте" другой никонианский архиерей архиепископ Афанасий Хомогорский в книге Увет духовный пишет: "Како проклятым раскольникам книги исправляти, что нелучилося им грамматического (не токмо философского и богословскаго) учения видати, знати аже ни" (Увет духовный 1682, л.264 об)

В результате т.н. "третьего южнославянского влияния" (Успенский 1988) в Московскую Русь целиком переносится Югозападнорусская ситуация как в области языка, так и в области пения. В Юго-Западной Руси как правило все те происшествия, которые происходили в культурной жизни Московской Руси, Имели место на полвека раньше.

Однако в случае книгопечатания и - косвенно - в языке встреча-столкновение Московской и Югозападнорусской Руси происходит уже в начале XVII столетия ср.

пения в связи с предполагаемым изданием Учительного Евангелия Кирилла Транквиллиона или адаптация Катихизиса и Грамматики Стефана Зизания и др. В церковном пении же для того, чтобы испытать влияние необходим был приезд в 1652 году носителей киевской традиции пения.

Как известно, Югозападная Русь находилась под юрисдикцией Константинопольского патриарха (до 1685 (!) г. Поэтому очень сильно проявляется в пении греческое влияние. О нем свидетельствует греческое название в Югозападнорусской Руси первого певца "протопсалт" или "протос"(Гарднер II 20,25). В Югозападнорусскую Русь приезжают греки - преподаватели (дидакалы) пения, известно, что в Валахию посылались дьячки для изучения греческого пения.

Не до конца ясно как и какое именно греческое пение преподавалось этим ученикам в Югозападнорусской Руси, а позднее в 1660-х гг. и в Москве известным и ерадьяконом Мелетием Греком (о нем и о его жизни в Москве см. Ронкин 1997). Для Югозападнорусской Руси была характерна как в книгоиздательстве, языке, так и в пении открытость и децентрализация, что проявлялось в сосуществовании и одинаковом принятии разных вариантов знака: языкового (Югозападнорусская Русь входила в многоязыковое государство, наряду с местным изводом славянского существовал и другой литературный язык: проста руска мова)

Насколько велико было влияние греческой церковности, видно по грамоте патриарха александрийского, Макария, данная прихожанам московской церкви Иоанна Богослова: "Паисий милостью Божию папа и патриарх великого града Александрии судия вселенная. Макарий милостию Божию патриарх Божия града Антиохии и всего востока (...) сотвориша к нам прилежное прошение, благоговения мужие, любящие благолепие храма Господня прихожане церкви святого Иоанна Богослова да благословения нашего архиерейского отреченна им не сотворим на Божие дело(...)
Пение же паки греческое и киевское да свободно будет на всяком священнослужении во славу Божию и духовное ослаждение верных пети(...)К сим же всем приложиша просити ны о еже свободну им быти при том святем храме греческого и словенского языка по грамматической хитрости оучению и на се богоугодное дело училища создати, и оучители искусны и богобоязливые взыскавши держати (...)Свободно убо творим всея прошения их в грамоте сей помяненная в события приводит всякого препятя кроме от коего либо лица и сана ниже вся оудержахом и пения именуемого партесное, аще и не оу от сея церкви восточныя приятое, ибо и странам приемшим е во

употребление никимиже оуждаеми(...)(следуют подписи: 1) греческая - Паисия, патриарха Александрийского и 2) арабская - Макария, патриарха Антиохийского)»

В заключение приведем – для сравнения – высказывания И. Гарднера и Б. А. Успенского о пении и о языке (соответственно). Вторая половина XVII века – это «эпоха постепенной и быстрой секуляризации богослужебно-певческого искусства», в которую «...пение русской церкви все более и более отходило от своего первоначального принципа- быть одной из форм самого богослужения.». В результате «постепенно стал утверждаться взгляд на церковное пение как на вокальную музыку, приносимую в богослужение для его украшения или услаждения слушателей, и как на незначительную отрасль в системе общей музыки.» (см. ГАРДНЕР1994: 7-8) «А еще во прежних старохаратейных письменных раздельноречных наших славенороссийского знаменного пения книгах знамя, и в нем многоразличные и сокровенные лица и попевки тайноводими суть: и неимущим кому в том многосокровенноличном знамени смыслоосязательства и в пении силы мнятся быти нелепы, и неблагопотребны, и невнятоприемны, и то их непщевание о сем многочастном и тайнозамкненноь знамени и лицах от неискусства, сиреч от ненаучения и крайняго невежества бывает. И ныне нецыи возникши от новейших песносникателей, круподушествующе и блазнящесе о сем, кроме учения, оуповающе на свое суетумие, не приемше сем знамени и в лицах меры и совершенного познания, предвзимающесе мыслью, мнят сие старороссийское в тайносокровенноличном знамени пение предводити во органогласовное, гласонотное пение и исправляти добре. Вем по истине еже без науки провести и исправить никакоже возможно» с негодованием пишет Иван Мезенец, сторонник традиционного уклада (цит. по ГАРДНЕР 1994: 58-59).

В языковой же сфере, как выше было сказано, также происходят бурные перемены, на юго-востоке раньше, в Москве позже, в результате юго-западного влияния и «показательно в этом плане различное отношение к данной проблеме в Московской и в Юго-Западной Руси. Так Петр Могила специально подчеркивал в предисловии к Требнику 1646 г., что если в требниках встречаются какие-либо погрешности или ошибки, то они нисколько не вредят нашему спасению, ибо не уничтожают «числа, силы, материи, формы и плодов святых таинств»: «...если суть яковые погрүшенёя, албо помылки в ...Требниках, тые Моци, Матерёи, Формы иСкутков Святых Таин незносят» (УСПЕНСКИЙ 1998: 2, 45). Подобным образом, как на юго-западе «антилатинская полемика безусловно, не объясняет всех случаев протеста против грамматики- она скорее создает условия для актуализации

соответствующей идеи» (УСПЕНСКИЙ 1998 3, 15) и в Московской Руси антииконианская направленность лишь усиливает уже и без того присутствующие противоречия между новым и старым.

Как известно, в Древней Руси не было богословия в собственном смысле (как специальной дисциплины), однако все в принципе могло восприниматься в теологическом ключе: «не только содержание, но и форма могла восприниматься как отражение Божественной истины, как непосредственное свидетельство о Боге; при желании можно было бы усмотреть здесь распространение того принципа, который с предельной ясностью выражен в догмате иконопочитания» (см. УСПЕНСКИЙ 1998 1, 477).

10. Заключение

Во второй половине XVII столетия культура Московской Руси переживает величайшие потрясения. На фоне всеобщей секуляризации сакральный знак (языковой, визуальный, певческий) начинает терять свой особый статус, и на смену неконвенциональному, онтологическому приходит конвенциональное отношение к знаку. (Успенский 1997: 481) Раскол - самое трагическое происшествие в истории русской церкви - является как бы логическим последствием этих изменений, все сильнее захватывающих духовную жизнь Московской Руси. Административно-насильственный способ проведения церковной реформы царем Алексеем Михайловичем, патриархом Никоном и их преемниками придал лишь дополнительную остроту восприятию современниками этих явлений.

Причину конфликта никониан и традиционалистов, самого драматичного в сложной системе конфликтов никоновского и послениконовского времени, пожалуй, наиболее емко указал из современников Савватий в своей челобитной. «*Совершенное* умение грамматики, по Савватию, в принципе неотделимо от богословия (т.е. нашего знания о Боге), тогда как *мелкая грамматика* неизбежно вступает с ним в конфликт. Иначе говоря, истинная, совершенная грамматика, как и всякое вообще подлинное знание, представляет собой – с точки зрения Савватия – разновидность богословия, т.е. познания Божественной правды: не может существовать знания, независимого от знания о Боге,- мир познается через богословие, а не Бог через наши знания о мироустройстве (в частности – об устройстве языка).» (УСПЕНСКИЙ 1996, 1: 20).

Оглавление

1. Введение	1
2. Книжная справа. Основные понятия, источники и методы. История изучения.	5
3. История книжной справки. Изменения в характере и принципах исправлений	8
3.1. Книжная справа в первой половине XVII века.....	9
4. Книжная справа во второй половине XVII века.....	22
5. Классификация кавычных экземпляров.	38
5.1 Сводная таблица кавычных экземпляров	39
6. Московский кавычный Апостол 1648 года как предшественник реформ. ..	43
6.1.Языковые исправления в кавычном Апостоле	52
7. Описание кавычных экземпляров	56
7.1. Кавычные книги, восходящие к юго-западным изданиям	57
7.2. Кавычные книги, восходящие к московским дониконовским изданиям .	80
7.3. Кавычные книги, восходящие к московским никоновским и послениконовским изданиям	86
7.4. Кавычные книги, восходящие к новопереводным текстам.	89
8. Лингвистическая характеристика исправлений	91
8.1. Орфография	91
8.2. Морфология	115
8.2.1. Имя существительное – падежные формы	116
8.2.2. Имя прилагательное	120
8.2.3. Имя числительное.....	127
8.2.4. Местоимение	128
8.2.5. Глагол.....	132
8.2.6. Причастие	141
8.3. Синтаксис	145
8.4. Прочие явления	151
9. Языковые аспекты раскола.	152
9.1. Полемика традиционалистов и сторонников реформ о языке богослужebных книг	152

9.2. Изменение восприятия языкового знака в зеркале других сфер	158
10. Заключение	168
Библиография	170
Оглавление	181
Приложения.....	183
Сводные таблицы исправлений	184
Список выявленных кавычных книг середины и второй половины XVII века.....	306

Приложения

- 1. Сводные таблицы исправлений**
- 2. Список выявленных кавычных книг середины и второй половины XVII века**